
Печатать позволяется

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предспавлены были въ Цензурный Комисіешъ семь экземпляровъ сей книги для доспавленія куда слѣдуешъ на основаніи узаконеній. Іюня 21 дня, 1821 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ІЮЛЬ, 1821. N° XIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАЛЬВИНА.

Баллада.

Мяшежною мглою
Повсюду небесный подернулся сводъ;
Вздвигаясь горою,
Средь грозныхъ утесовъ пучина ревешъ;
Нависшія тучи
Рокочуть съ небесъ,
И чада лепучи
Эоловы воюшъ въ вершинахъ деревъ.

*

Въ печали безмолвной
Взираешъ младая дѣвица—краса
На бурныя волны,
На скрытые мглою густой небеса;
Горючія слезы
Текушъ изъ очей,
И блѣдныя розы
Ланишъ орошаюшъ горячей струей

*

О другъ далекомъ,
 О храбромъ Коналѣ Мальвина грустнншь
 Въ уныннн глубокомъ;
 Разлука съ любезнымъ ее шягошншь:
 Ошъ дѣвнцы мнлой
 Къ кровавой вошнн
 Ошважно вѣпрнло
 Умчало героя на легкомъ челнн.

*

Къ Мальвннн прекрасной,
 Полуночн днвн, давно ужъ пылалъ
 Любовьн спраспной.
 Во браняхъ кровавыхъ безспрашнн Коналн.
 Какъ роза росою
 Снеспъ зарей—
 Небесной красою
 Снела Мальвнна—веселье очей!

*

Какъ пламень деннцы,
 Ланншы пылалн у дѣвы мнлой,
 Склоняя зѣнцы,
 Когда къ ней въ dospѣхахъ явлался герой:
 Шеломъ опереннн
 Весь въ злашѣ горѣль;
 Въ бровн облеченнн,
 Сшанъ выпязя спройнн въ лучахъ пламе-
 ннль.

*

Безспрашно лепталн
 Коналовы флаги по бурнымъ зыбямъ;

Вездѣ они мчали
 Погибель и спрахъ опдаленнымъ спранамъ;
 И вишязь, со славой
 Прошекши въ ладьяхъ
 Могуци державы,
 Разрушилъ швердыни на сушѣ, въ водахъ.

*

И дѣва въ свѣшлицѣ,
 Тоской удрученна, все милаго ждешъ;
 Ахъ! вечеръ съ денницей
 Смѣняюся въ небѣ—а милаго нѣшъ!
 Все съ берега уныло
 Взирашъ—среди волнъ
 Не мчишъ ли вѣприло
 По зыби покорной знакомый ей чолнъ?

*

Внезапно примчала
 Ужасную вѣсшъ къ ней крылаша молва:
 Нѣшъ болѣ Конала!
 Съ дружиною браинной погибла глава:
 Ладьи сокрушила
 Свирѣпа волна,
 И всѣхъ поглотила
 Опважныхъ, безшрепешныхъ воевъ она.

*

И, друга лишена,
 Мальвина главою склонилась во прахъ,
 Какъ громомъ сраженна;
 Пошухнула жизнь на ланишахъ, въ очахъ;

Въ жестокой кручинѣ
 Не лъептъ она слезъ,
 Къ шумящей пучинѣ
 Сиѣшишь на высокой, на грозный упесъ.

*

И вѣпры шерзали
 Шокровъ ея, длинные русы власы,
 И съ ней заспенали,
 Казалось, жалобнѣй звуки грозы:
 Какъ серна, взбѣгаешъ
 На верхъ крушизны
 И взоръ устремляешъ
 На пѣну кипящей буграми волны.

*

Она проспираешъ
 Лилейныя длани къ мяшежнымъ водамъ,
 И скорбнымъ взываешъ
 И шрепешнымъ гласомъ къ далекимъ брегамъ:
 „О другъ мой, о милой!
 Тебя уже нѣтъ!
 Ахъ! влажной могилой
 Ты взяшь—для меня опуспѣлъ уже свѣшь!“

*

„Ревущія волны,
 Примите меня!—Незабвенный герой,
 Любовію полный,
 Средь васъ ужъ угаснулъ въ пучинѣ морской!
 Шумите, шумите!
 Мой часъ ужъ насшалъ!“

Но шрупъ мой умчипе
Туда, гдѣ навѣки уснуль мой Кональ!“

*

Подходишь уныло
Мальвина къ пучинѣ, подернутой мглой,
И видишь: вѣприло
Бѣлѣешь въ дали небосклона сѣдой:
Челнокъ шамо смѣлый
Ныряетъ въ волнахъ,
И лебеди бѣлы
Влекутъ его въ зыби на быспрыхъ крылахъ,

*

И вишязь кормою,
Въ доспѣхъ сверкающемъ, правишь во мглѣ;
Несется волною,
Все ближе и ближе несется къ скалѣ;
Вѣприломъ играешь,
Шумя, вѣперокъ,
И вошь приплываешь
Ужъ къ берегу съ вишяземъ спашнымъ чел-
нокъ.

*

Чшожь кормщикъ чудесный?
Гремящій, онъ на берегъ съ лодки спрыгнуль,
И дѣвы прелесной,
Воспорженный, къ шрепешнымъ персямъ
прильнулъ:

„Мальвина со мною!

О сладостный часъ!

Поѣдемъ! спрѣлою
Помчашъ бѣлоснѣжные лебеди насъ!“

*

—Тыль эпо, о милый!
Откуда пришекъ шы, безцѣнный герой?
Ахъ! съ груспи унылой
Мальвина швоя ужъ угасла душой!—
„О ѣдемъ, Мальвина!
Пора уже намъ!
Зовешъ насъ пучина,
Зовешъ насъ и вѣшерь къ далекимъ брегамъ!“

*

—Ужель не прелестны
Родные поля шебъ, о Кональ!
Почшо же, любезный,
Почшо же намъ въ бурное море средъ скаль?—
„ Не медли! вѣшрилы,
Мальвина, шумяшъ!
Могучіе крылы
Надводныхъ владыкъ, боюсь, чолнь мой у-
мчашъ!“

*

—Спокойся! судьбина
Куда шебъ, милый мой, злая велишь,
Туда и Мальвина
Съ Коналомъ чрезъ горы, моря долешишь .
Ахъ! скорби разлуки
Мальвина швоей
Ужасныя муки!
Съ шобой не спрашуся и бурныхъ зыбей!—

*

И лебеди спашны,
 Свои распусшивъ бѣлоснѣжны крилѣ,
 Помчались обратно
 Съ ладьею, мелькая, какъ звѣзды, во мглѣ;
 И спрашно завыло
 На небѣ, въ водахъ—
 И вздулось въприло—
 И дѣва и вишязь исчезли въ водахъ!

Оренбургѣ.

Вильгельмъ Тило.

РѢЧЬ СИНОНА.

(Изъ II кн. Виргиліевой Энеиды.)

Вами, свѣшили превѣчныя, вашей божест-
 венной силой,
 И алпарями, ножемъ роковымъ, ошъ моего
 спасся,
 И повязками, кои носилъ обреченный на
 жершву,
 Нынѣ клянусь, нарушишь права священные
 Грековъ;
 Ненависть имъ ошъ меня—я всѣ ихъ шайны
 опкрою:
 Я не подвласень . уже никакимъ законамъ
 опчизны.

Ты лишь, Троя, за правду мою, за шакую
 услугу,
 Мною спасенна, обѣщъ сохрани мнѣ въ вѣр-
 носпи данный.

Всю Данайцы надежду, во все начашья
 брани
 Время, имѣли на помощь Богини Паллады.
 Когда же
 Злоухищришель Улиссъ пришелъ съ нечеспи-
 вымъ Тидидомъ,
 И роковой Палладинъ кумиръ изъ храма свя-
 шаго,
 Крѣпоспи спражей смерти предавъ, испорг-
 нуль, похищиль
 Образъ священный; когда обогренными кровью
 руками
 Къ дѣвспвенной мипрѣ Богини дерзнули они
 прикоснушья:
 Съ шой поры оплешѣла надежда опъ Гре-
 ковъ, исчезла,
 Силы ослабли, и духъ Богининъ Данайцевъ
 покинуль.
 И доказала Тришоня вѣрными по чудесами.
 Въ спанъ лишь образъ внесли; изъ очей, го-
 рѣ усспремленныхъ,
 Пламень багровый испортся, соленый по всѣмъ
 ея членамъ
 Пошъ пробѣжаль, шрикрапы сама опъ зем-
 ли воспрянула,

Щишь съ дрожащимъ копьемъ (о чудо!) въ
 рукахъ сопрясая.
 Тотчасъ Калханшь предлагаетъ пустишься
 въ бѣгство по морю;
 Рекъ, что Пергамъ никакъ не падешъ ошъ
 спрѣль Арголидскихъ,
 Если не спросяшъ оракула въ Аргосъ, если
 вшорично
 Моремъ Богини съ собой не возмушъ на су-
 дахъ искривленныхъ.
 Нынѣ по вѣпру въ Микены—опечесство он-
 плыли Греки;
 Въ пушь набравъ Боговъ и оружіе, къ Троѣ
 внезапно
 Снова моремъ нагрянушъ: эшо все замысль
 Калханша.
 Сей же образъ, дабы омышъ грѣхъ ужасной, воз-
 двигли
 Вмѣсто кумира Богини Паллады ошъ нихъ
 оскорбленной.
 Но Калханшь громаду сію изъ дровъ швер-
 дыхъ дубовыхъ,
 Имъ построилъ велѣль, и подняшъ высоко
 на воздухъ,
 Чшобъ не вошла во враша, въ спѣнахъ го-
 родскихъ не вмѣспилась,
 И не спасла народа силою дрѣвнѣя вѣры.
 Ибо, вѣцаль, когда осъвернише вашей рукою
 Даръ, посвященный Минервѣ; шогда ужасная
 гибель

(Пусть самого покараешь прежде Небо) Фри-
 гійцевъ
 Съ царствомъ Пріама постигнешь: еслижь
 своими руками
 Въ городъ введешь коня; шо несмѣшныя си-
 лы Азійски
 Хлынутъ, подслупяшъ къ спѣнамъ горо-
 довъ Пелопійскихъ, и ша же
 Злая судьбина всѣхъ ожидаетъ нашихъ по-
 шомковъ.“

И. Вѣтринскій.

~~~~~

ЦИНТІЙ и ЕРМИНІЙ.

Цинтій.

Прочь, обольститель, призракъ—надежда!
 Горесшь одна пусть сердце питаешь:
 Горесшь — опрада моя!

Ерминій.

Другъ! поблѣднѣла ночи царица!
 Звѣзды по небу синему мчашся
 И улешаюшъ во мракъ!

Цинтій.

Пусть угасаюшъ ночи свѣшила;
 Грушнаго сердца не пробуждаешъ
 Яснаго неба лазурь.

Ерминій.

Вопь проглянула, другъ мой, денница;
 Легкой, росиспой, упренней ризой
 Холмы, луга облекла!

Цинтій.

Пусть исчезають мгла и шуманы,
 Свѣшомъ гонимы!—Что мнѣ до ушра?
 Ночи мракъ въ сердцѣ моемъ!

Ерминій.

Ласпочка нѣжно, слышишь, щечечешь;
 Жавронокъ вѣшся подѣ облаками,
 Гимнъ воспѣвая Творцу!

Цинтій.

Пшица, Ерминій, ппицы же ищешь!
 Циншія сердце—сердца искало—
 И обманулось оно!

Ерминій.

Все оживилось—видишь — къ цвѣшпочку
 Пчелка прильнула, пьешь его сладосшь,
 Крылушкомъ песпримъ одѣвь!

Цинтій.

Нѣкогда пчелки былъ я счасшливѣй:
 Сладосшній нексарь пилъ изъ коварныхъ,
 Алыхъ прелесшницы успь,

Ерминій.

Вѣсперь прохладный, слышишь, повѣялъ;
 Чолнъ легкокрылый мчишься по зыби;
 Спадо на пасву сѣвшишь.

Цинтій.

Все веселишься: все поржешъуешь!
 Дружбой, любовью дышешь Природа!
 Я лишь покоя лишень!

Ерминій.

Цинтій, ушѣшься! облако груспи
 Быспро умчишься—солнце проглянешъ.....
 Но перелей мнѣ печаль!

Цинтій.

Ахъ! расправляєшь сердца пы рану!
 Рана глубока.....но какъ шоварищъ....
 Слушай, прелестницъ узнай.
 Здѣсь подъ высокимъ, дубомъ шѣнисшымъ,
 Клара клялась мнѣ въ спраспи нешлѣнной,
 Грудью склонившись на грудь!
 „Вошь разцвѣшаешь (Клара сказала)
 „Юная роза, мной насажденна,
 „Вѣрнымъ залогомъ любви!
 „Розу сорви пы, другъ мой, въ подарокъ!“
 О какъ прелестень! о какъ прекрасень
 Эпошь былъ Майскій цвѣшокъ!
 Часо подъ симъ я древомъ приюшнымъ
 Видѣлся съ Кларой—и воспалялась
 Болѣе, болѣе спрасшь.

ВЪ АЛЬБОМЪ

В. М. Кн—ту.

Когда вечернею порою

Служитесь вы одни надъ зеркальнымъ прудомъ,

Надъ озеромъ, или надъ тихою рѣкою:

То вспомните тогда о томъ,

Кто пишеть въ вашъ шеперь альбомъ;

Скажите: онъ любилъ спокойствіе природы,
Зарю, восходъ луны и дремлющія воды.

*

Когда *случится* встрѣишишь вамъ

Въ кругу дѣвицъ и даже дамъ,

Одну, кошорой взглядъ, движенья, разговоры

И свѣжестъ милаго, ошкрыпаго лица

Невольно всѣхъ влекутъ сердца,

Безъ умысла прельщая взоры:

То вспомните тогда о томъ,

Кто пишеть въ вашъ шеперь альбомъ;

Скажите: онъ любилъ искашь въ прекрасномъ
полѣ

Не сколько прелестей—души прекрасной болѣ.

*

Когда вамъ ближнему случится пособить,

Гонимаго Судьбой упѣишишь, подкрѣпишь,

Иль подвига другихъ вы будете свидѣтель:

То вспомните тогда о томъ,

Кто пишеть въ вашъ шеперь альбомъ;

Скажите: онъ любилъ сердечно добродѣтель.

В. П.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Я настоящимъ наслаждаюсь;
 Грядущихъ бѣдспвй не спрашусь;
 При счастіи не забываюсь;
 Въ несчастіи надеждой льщусь.

Казань.

Сб Польскаго Ө. Р.

ЭПИГРАММА.

„Жестокій! ошъ любви къ шебѣ я умираю;
 Ты въ сердцѣ...у меня живешь!“
 —Какъ, Хлоя, шы безспыдно лжешь!
 Лѣшь десяшь уже я въ *трактирахъ* не бы-
 ваю.

Вятка.

К.

ГОРНЫЙ ДУХЪ.

Повѣсть.

Послѣдній лучъ заходящаго солнца алѣлъ на вершинахъ воспочныхъ горъ; вечерній сумракъ покрывалъ глубокія долины. Прелестная Марія спояла на высокомъ холмѣ: надъ ея головою висѣла сѣдая скала и шумѣли вѣшвывисшыя вязы. Небольшое стадо овецъ разсѣянно бродило по зеленому скамю. Семнадцатая весна украшала новыми прелестями невинную Паспушку — и сердце ея наполнилось тоскою, дотолѣ ей неизвѣсною. „Чего мнѣ недоспаетъ?“ — говорила она. — „Развѣ нѣтъ у меня ошца который бы спарался о моемъ счастьи? Меня всѣ любящъ, но никто не любилъ болѣе бапюшки. — Правда у меня нѣтъ мапери; я никогда не видала ее...но была всегда спокойна, весела.“ Туть слезы блеснули въ голубыхъ глазахъ Паспушки; она вздохнула, бросила бѣглый взглядъ на долину — и погнала стадо свое. Вдругъ раздались тихіе, мелодическіе звуки...Марія оспановилась, спала при-

слушиваешься и ей показалось, что волшебные звуки выходятъ изъ старой рудоконни. „Что это значишь? — думала она — я никогда не слыхала такой музыки — и кто будетъ играть въ такомъ странномъ мѣстѣ и въ такое время?“ Марія не была суевѣрна; но чувствовала, что бодрость ея исчезаетъ. Она хотѣла идти; но какое-то чувство ошановило ее. Между темъ звуки спановяются сильнѣе, и потомъ вдругъ замолкли. Марія смѣрѣла на кусты, какъ будто бы кого нибудь ожидая... Черезъ минушу они раздѣляются... Паспушка не вѣрншь глазамъ своимъ. Прелесный юноша, въ голубомъ кафтанѣ обшитомъ серебряною бахромою, стоялъ передъ нею; на головѣ его была пуховая шляпа, перевязанная широкою голубою лентой; на поясѣ висѣлъ серебряный рожекъ. „Здравствуй, добрая Марія!“ сказалъ онъ ей ласково. Марія совсемъ забылась, покраснѣлась какъ заря, опустила глаза въ землю, и такъ неловко поклонилась незнакомцу, что сама спыдилась своей застѣнчивости. „Здоровъ ли твой отецъ?“ спросилъ юноша. — Здоровъ — отвѣчала.

Марія, украдкой взглянувъ на него, и видъ его показался ей такъ миль, такъ ласковъ — что она ободрилась — спала разсмапривать одежду его — и снова пришла въ замѣшательство? Незнакомецъ, казалось, примѣшилъ это и улыбался. Взоры Маріи обращались попеременно то на него, то на стадо, тихо идущее къ селенію. Сердце ея препешало — правая рука какъ бы невольно обрывала цвѣточный букетъ, приколотый на высокой груди ея. Между шемъ подулъ вѣтеръ; на небѣ собирались тучи; мѣлкія капли дождя кропили розовыя щеки Паспушки; она поклонилась милому незнакомцу и кошѣла идти. „Поспой, Марія! сказалъ онъ, дождь замочитъ тебя!“ Марія оспановилась; онъ взглянулъ на небо; въ черныхъ глазахъ его изображалось что-то необыкновенное. Маріи показалось, что тучи начали расходиться, дождевыя капли падали рѣже и рѣже, небо прояснилось .. Она стояла какъ вкопаная — недовѣрчивость и страхъ являлись на лицѣ ея.“ Теперь все прошло, сказалъ юноша. — Марія опять поклонилась, побѣжала съ холма —

хотѣла еще посмотрѣть на чудеснаго незнакомца, оглянулась, но его уже не было! — Невольный пререпеть объялъ ея сердце.

Добрый Иванъ, отецъ Маріи, встрѣшилъ ее у ворошъ. Марія начала ему рассказывать о нечаянной встрѣчѣ своей съ милымъ незнакомцемъ; но вдругъ покраснѣлась, смѣшалась и перемѣнила разговоръ. Во весь вечеръ она была задумчива, легла спать — и прелестный образъ незнакомца, въ голубомъ кафтанѣ, поминутно представлялся глазамъ ея. Поутру Марія замѣтила въ себѣ большую перемѣну: прежде сердце дѣвушки было такъ пусто; теперь такъ сжато, такъ сильно билось въ высокой груди ея при каждой мысли о милымъ незнакомцѣ. Весь день прошелъ въ волненіи; она не рѣшалась идти на холмъ. Вечеру сѣла съ Иваномъ подъ окномъ и посматривала на высокой пригорокъ. „Видалъ ли ты, батюшка, горныхъ духовъ?“ спросила Марія. — Нѣтъ, ошвѣчалъ спарикъ; однакоже знаю, что они есть. Лѣтъ пять назадъ тому, я работалъ въ этой шахтѣ (онъ показавъ на старую

рудокопню; холодный потъ выступилъ на лице Маріи). Я былъ одинъ, продолжалъ Иванъ; большой камень, гошовый упасъ, висѣлъ надо мною. Вдругъ слышу, что меня кто-то кличетъ; я продолжалъ работашъ. — *Иванъ! Иванъ!* закричалъ голосъ такъ жалобно, что сердце мое невольно запрещало; я схватилъ фонарь, опошелъ нѣсколько шаговъ впередъ; спрашно запрещали своды шпольны и камень завалилъ мнѣ дорогу. Хорошо, что былъ еще другой выходъ, а шо бы не видашъ бѣлаго свѣша! Кшожь избавилъ меня опъ неминуемой смерши, кромѣ горнаго духа? — Тупъ Маріи слышались знакомые звуки серебрянаго рожка. — „Эшо онъ, эшо спасишель моего опца“ думала она, и невинное сердце дѣвушки билось сильнѣе. Она не могла разобрать своихъ чувствъ, спыдилась своей радости, кошорую напрасно спаралась скрышь опъ себя. Звуки усиливались; потомъ начали уменьшашься, и наконецъ замерли въ роцѣ, окружающей спрашную рудокопню. Вечерь прошель — и Марія, ложасъ спашъ, положила на другой день непре-

мѣнно иди на высокой холмъ. Заря не успѣла еще позолотить воспочнаго неба, а Пастушка выгоняла уже спадое свое. Чемъ выше поднималась она на холмъ, темъ болѣе лишалась бодрости.

„Чего я пакъ боюсь? Опъ чего пакъ высоко поднимается грудь моя? Опъ чего пакъ сильно бьется мое сердце? ... Ахъ, зачемъ я не сказала бапюшкѣ о вчерашней встрѣчѣ?—пакъ говорила она—но развѣ пупъ есть что нибудь дурное? Сшдысь, робкая дѣвушка!“ Марія ошановилась и казалась погруженною въ размышленіе. Она вспомнила, какъ незнакомецъ смопрѣлъ на небо, и оно прояснилось. Эшо духъ, думала она, но вѣрно не злой... онъ пакой ласковой; у него пакой доброй видъ; онъ вѣрно ничего не сдѣлаетъ мнѣ худаго.“ Она ободрилась, взбѣжала на холмъ; взглянула вокругъ себя, взглянула на рудокопню—и снова пришла въ смущеніе. Вдругъ раздались привѣшныя звуки рожка; Марія запрепешала, хопѣла бѣжать и въ безпамятствѣ упала на мягкую зелень. Приходя въ себя, она опкрыла голубые глаза свои—и первый предметъ, пора-

живній взоры ея, былъ незнакомецъ въ голубомъ кафтанѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ и поддерживалъ ея голову.—Что съ побою сдѣлалось, милая Марія? Ободрись!—говорилъ онъ. Бѣдная Паспушка дико посмотрѣла на него — и смущенная блѣдность снова покрыла лице ея; но тихіе, очаровательные звуки рожка возбудили ее опъ безпамятства. „Оспавь, оспавь меня, спрашный духъ!“ вскричала она и вырвала руку свою изъ руки незнакомца. „Что я тебѣ сдѣлала? Зачшо ты меня преслѣдуешь? О, пощади, пощади меня!...Ты спасъ жизнь опцу моему—не опнимай у него дочери.“—Успокойся, моя Марія! опвѣчалъ Духъ, смотри—пусти слезы сіи будущъ порукою швоей безопасности—и слезы блеснули на длинныхъ рѣсницахъ его. „Но скажи мнѣ, кто ты?“ съ шрепетомъ произнесла Марія. — Я думалъ, что ты знаешь меня лучше, опвѣчалъ онъ. Опъ чего такая недовѣрчивость, моя милая Марія! Опъ чего эшошь спрахъ? Развѣ я подаль тебѣ причину бояшьяся меня?—Онъ съ такимъ чувствомъ, шакъ печально произнесъ слова сіи, что Марія на-

чала разскаиваться въ своей неоспороженности. — Ты очень расстроена, продолжалъ Духъ; я постараюсь успокоить тебя. — Онъ сѣлъ подлѣ Маріи, и заигралъ на рожкѣ любимую ея пѣсню. Звуки были такъ нѣжны, такъ шрогашельны, что Паспушка не могла скрыть слезу, которая блеснула въ голубыхъ очахъ ея; грудь ея облегчилась; невинная улыбка показалась на устахъ малиновыхъ.

Рожекъ умолкъ — милый незнакомецъ взглянулъ на Марію: въ черныхъ глазахъ его сіялъ весь пламень души чувствительной. Марія пришла въ смущеніе; сердце ея забилось такъ сильно, какъ будто бы хотѣло выскочить изъ груди. Она опворопилась, желая скрыть свое замѣшательство; но добрый Духъ примѣшилъ его. „О Марія! сказалъ онъ, уже ли я не заслуживаю швоей довѣренности? Къ чему скрываешь отъ меня движеніе швоего сердца? Я знаю швои мысли, моя Марія, я знаю сердце швое.“ Румянецъ стыдливости заигралъ на щекахъ дѣвушки. Прелестной незнакомецъ узналъ прежде ее тайну ея сердца. Онъ Духъ, думала она, ему все возможно.

Паспушка ободрилась, сдѣлалась веселѣе, и любовалась одеждою новаго своего друга; а онъ былъ шакъ миль, разговоръ его былъ шакъ занимашелень, что Марія совсемъ почти забыла, что пора уже возврашиться домой. Прощаясь, она дала ему слово завпрещный день опяшь съ нимъ увидѣться.

Прошло двѣ недѣли — Марія каждый день видѣла своего друга (шакъ называла она незнакомца) — и каждый день возвращалась съ новыми чувспвами подъ кровь родишельскій. Она не думала о послѣдствіяхъ шайной связи; чувспвовала, что не могла жить безъ шого, которому клялась въ вѣчной любви своей.

Однажды, когда Марія хопѣла идти на мѣсто свиданія, добродушный Иванъ сказалъ ей: „Дочь моя! я хочу видѣшь тебя счастливою прежде, нежели закрою глаза свои. Сосѣдъ нашъ Машвѣй, просишь швоей руки; онъ человекъ умный, прилежный, съ досташкомъ, и я надѣюсь, что ты будешь съ нимъ счастлива. — Марія поблѣднѣла, упала на колѣни. — Башюшка, башюшка! вскричала она, мнѣ разшашься съ шобою? Мнѣ шебя

покинушь?—..., Нѣтъ, милая дочь моя, опивчалъ спарикъ, поднимая ее, мы не распанемся; я буду жить вмѣстѣ съ вами.“ Но я не люблю Машвѣя! онъ всегда шакъ мраченъ, сердитъ... Нѣтъ, нѣтъ, бапюшка, я не люблю Машвѣя! — „Я не буду принуждашь себя, дочь моя, по крайней мѣрѣ сыщи себѣ друга по сердцу, если хочешь упѣшишь меня на спарости.“ Марія гопова была сказашь: у меня есть другъ, милый моему сердцу; но мысль, что скрыла любовь свою опъ родителея, удержала ее. Она нѣжно поцѣловала его — и побѣжала на холмъ. Солнце скашилось уже за горы. Марія прислушивалась къ каждому вѣянiю вѣтерка, думая что онъ принесешъ знакомые звуки рожка, предвѣшника сердечной радости. Но все было тихо — лишь только единообразные крики рудокоповъ ближней шахты достигали слуха ея; лишь только повременные взрывы, попрысая землю подъ ея ногами, съ грохотомъ повпорялись въ горахъ окресныхъ. Она смопрѣла во всѣ спороны, но нигдѣ не примѣчала своего милаго. Ночь покрыла долину; луна воз-

сіяла надъ горами. Трепешь объялъ сердце Маріи; она залилась слезами—пошла домой—и во всю ночь ни на минушу не могла сомкнуть глазъ.

Прошло двѣ недѣли—и бѣдное сердце Маріи не облегчалось опъ грусти. Между шемъ Машвѣй спалъ посѣщая домъ Ивана, надѣясь снискашь любовь его дочери; но дѣвушка была такъ печальна, что онъ боялся говорить ей о желаніи соединить судьбу свою съ ея судьбою. — Но наконецъ наскучивъ медленностію, кошерая ошвлекала его опъ дѣль, онъ рѣшился предложить ей свою руку. Однажды, когда Марія сидѣла подгорюнившись подъ окномъ свѣплицы своей, онъ сказалъ ей, смягчивъ свой голосъ, опъ природы грубой: „Марія, хочешь ли бышь счастлива?“ Марія взглянула на него съ горькою улыбкою. „Я раздѣлю съ тобою все, что имѣю, продолжалъ онъ, и буду любить тебя.“ — Но я не люблю и не буду любить тебя, ошвѣчала дѣвушка.— Машвѣй нахмурилъ брови; самолюбіе его оскорбилось. „Ты будешь за мною,“ закричалъ онъ, схвативъ руку Маріи, ты будешь за мною! И горе тебѣ, если

скажешь когда нибудь, что не любишь Машвѣя!“ Спрашный прескъ въ спарой рудокопнѣ служилъ Машвѣю вмѣсто опвѣша дѣвушки. Радость заблнспала въ очахъ ея.—Эшо онъ!—вскричала она, взглянула на пригорокъ—дымное облако поднималось изъ рудокопни. Машвѣй, изумленный нечаяннымъ прескомъ и еще болѣе невольнымъ восклицаніемъ Маріи, опуспилъ руку ея и споялъ какъ вкоцанный.

Паспушка пошла на пригорокъ. Какъ сильно запрепешало сердце ея, когда она услышала знакомые звуки серебрянаго рожка! Они были громки и какъ будшо бы выражали радость. Марія побѣжала къ рудокопнѣ—звуки умолкли—большіе камни, опломки бревенъ выброшенныя на поверхность, лежали въ безпорядкѣ вокругъ глубокой шахпы. Марія остановилась надъ нею, звала своего друга самыми нѣжными именами; но голосъ ея шерялся въ безмолвной безднѣ. Она спала прислушивашь—и ничего не слыхала, кромѣ неяснаго звука, происходящаго опъ падающихъ камней, копорые капились по гладкому льду на днѣ шахпы.

Звѣзды заблнспали на небѣ — Марія возвратилась домой въ полномъ увѣреніи, что скоро увидишь своего милаго друга, и надежда услаждала поску невинной дѣвушки. Но въ полночь страшный сонъ возмушилъ ея душу. Ей казалось, что она стоишь на холмѣ; небо было покрыто тучами; скоро раздались привѣстные звуки, знакомые ея сердцу; она обняла своего друга... Но вдругъ черны ево начали измѣняться, грозно засвѣркали огненные глаза ево подѣ густыми бровями. „Марія, говорилъ онъ, ты меня любила, когда я былъ въ образѣ прелестнаго юноши; надѣюсь, что и теперь не измѣнишь своимъ клятвамъ!“ — Марія запрепешала отъ ужаса, вскрикнула, вырвалась изъ его объятій — и проснулась. Кровь ея была въ сильномъ волненіи. Ей казалось, что еще видишь предъ собою чудовище и слышишь звуки серебрянаго рожка. Съ препешомъ упала она на колѣни предъ образомъ Спасителя и просила защиты отъ страшнаго Духа. Но вопль и въявь раздались грозные звуки подѣ самымъ окномъ свѣтлицы — и Марія безъ чувствъ упала на полъ. Возвращаясь къ жизни,

она увидѣла себя на постели: бѣдный Иванъ въ слезахъ споялъ передъ нею. „Что съ шобою сдѣлалось, дочь моя?“ говоритъ онъ.—Могущь ли духи перемѣняшь свой образъ?—спросила Марія, дико взглянувъ на опца. „Могущь“—опвѣчалъ онъ—и эшо слово довершило погибель ея. Проглянулъ день.—„Скоро, скоро!“ вскричала несчастная. Роковой рожекъ зазвучалъ на пригоркѣ—и Марія впала въ новое безпамятство. Открыла глаза и спрашный Духъ, въ черномъ кафшанѣ, споялъ передъ нею.—Спасише, спасише меня!“ были послѣднiе слова Маріи: она навѣки закрыла глаза свои.

Кшожь эшошь Духъ—убійца милой Паспушки?—Федоръ, молодой Купецъ, сынъ шараго друга Иванова. Онъ во всемъ признался несчастному, безушѣшному опцу; проклиналъ свою мечшательность, копорая погубила и его и Марію. „Мнѣ хопѣлось, говорилъ онъ, чшобъ она находила во мнѣ нѣчто сверхъестественное. Я даже думалъ, чшо въ видѣ существа необыкновеннаго, она будетъ пламеннѣе любить меня И вопъ плоды гибельной мечшательности моей!...“

Марію погребли на помъ самомъ мѣспѣ, гдѣ въ первый разъ увидѣла она Теодора. Несчастнѣйшій юноша каждое утро покрывалъ цвѣтами могилу своей подруги; каждый вечеръ приходилъ сюда—и разыгрывалъ на рожкѣ любимыя пѣсни Пастушки. Иногда спранникъ, заблеченный на холмъ согласными звуками, слушалъ печальную повѣсть Теодора. Онъ говорилъ о своей Маріи, о своемъ неблагоразуміи, которое довело ее до гроба; говорилъ, какъ опасно прислушаться къ исполненію мечшательныхъ намѣреній, не подумавъ о ихъ послѣдствіи. Увы! мы тогда только начинаемъ разбирать поступки свои, когда уже несчастіе наше свершилось!

Ө. Балдауфъ.

~~~~~

СРАЖЕНІЕ ПРИ ТЕРМОПИЛАХЪ *).

Ночью свѣдалъ Леонидъ о намѣреніи Персовъ отъ перемешчиковъ изъ спана Ксерксова, а на утро объ успѣхѣ неприятеля отъ спражи, прибѣжавшей съ вершины горы. При семъ ужасномъ извѣстіи собрались Греческіе военачальники. Одни совѣповали удалиться изъ Термопилъ; другіе—шамъ оспашься; но Леонидъ заклиналъ ихъ поберечь себя до времянь счастливейшихъ и объявилъ, что самъ съ поварищами своими не смѣешъ оспавишь мѣста, ввѣреннаго имъ Спаршою. Теспійцы обѣщались не оспавлять Спаршанцевъ; чешыреша Фивянь добровольно, или принужденно рѣшились на поже; прочее войско успѣло выдши изъ ущелія.

Между шемъ Спаршанскій Царь замышлялъ отважнѣйшее предпріяніе. Онъ сказалъ своимъ соповарищамъ: „Не здѣсь должны мы сражашься; пойдешъ умершвишь Ксеркса въ шапрѣ, или по-

*) Изъ Путешествія Анахарсиса.

гибнемъ въ его спанѣ.“ Воины опевѣчали одними радоспными кликами. Леонидъ велишь имъ вкусишь нѣсколькo пищи, примолвля: „скоро вкусимъ другую у Плущона.“ Каждое слово оставляло въ душѣ глубокое впечатлѣніе. Готовясь напасъ на неприятеля, онъ прогаешся судьбою двухъ Спаршанцевъ, съ которыми соединенъ былъ узами родства и дружбы; одному даетъ письмо, другому препорученіе къ судьямъ Лакедемонскимъ. „Мы пришли сюда сражашься, а не разносишь повелѣнія“ — опвѣчающъ храбрые, и топчасъ занимающъ въ рядахъ мѣста свои.

Въ полночь, подъ предводителъствомъ Леонида, Греки выспуающъ изъ ущелія; скорыми шагами выходящъ на равнину; повергающъ передовую спражу; пробивающъ въ шаперъ Ксеркса, уже бѣжавшаго; впоргающъ въ ближайшія палатки; разсыпающъ по спану и насыщающъ кровію. Съ каждою минутою увеличенный спрахъ представляешся въ образѣ ужаснѣйшемъ. Глухой шумъ и пронзительные вопли разносятъ вѣспъ, что дружины Гидарнеса истреблены и

скоро все войско разсѣяно будетъ соединенными силами Греціи. Опважнѣйшіе изъ Персовъ, не слыша гласа военачальниковъ своихъ, не зная куда идти, кого разить, слѣпо бросились въ сѣчу — и взаимно погибали другъ о другъ.

При первыхъ лучахъ солнца, освѣтившихъ малое число побѣдителей, они потчасъ спрояхся и со всѣхъ сторонъ нападають на Грековъ. Леонидъ падаетъ подъ градомъ стрѣлъ. Чесъ опнятъ пѣло Вождя воспаменяетъ спрашную битву между Спаршанцами и самыми воинственными дружинами Персійскаго войска. Два брата Ксеркса, множество Лакедемонянъ и Персовъ погибають на мѣстѣ. Наконецъ Греки, хотя изнуренные и ослабленные, уносятъ своего предводителя; отспупая, чепырежды поражаютъ непріятели, достигаютъ ущелія, переходятъ черезъ окопы и спановяшся на маломъ холмѣ близъ Анелы; — пущъ еще нѣсколько минушь защищающа и ошъ дружинъ преслѣдовавшихъ и ошъ пѣхъ, копоры Гидарнесъ завель съ пыла.

Тѣни великодушныя! памятъ ваша

перезживешь державу прошивниковъ— Персовъ, и до конца вѣковъ примѣръ вашъ будетъ возбуждать благоговѣніе, или возпоргъ удивленія въ сердцахъ, любящихъ Отечество.

Еще не окончилось сраженіе, а уже нѣсколько Фивянъ, какъ увѣряютъ, передались Персамъ. Феспійцы подвизались и погибли съ Лакедемонцами; но слава послѣднихъ почти замяла славу первыхъ: различныя причины дѣйствовали на общее мнѣніе: особливо то, что первые заблаговременно рѣшились при Термопилахъ умереть, и сколь хладнокровно, столь же и постоянно исполняли свое намѣреніе; а вторые къ порыву храбрости и добродѣтели возбуждены были примѣромъ. Феспійцы превзошли другихъ единственно потому, что Спартанцы превзошли самихъ себя.

Лакедемонъ гордился поперею своихъ воиновъ: все, относящееся къ ней, занимательно. Нѣкошорый Трахеніянинъ, желая дать Спартанцамъ высокое понятіе о воинствѣ Ксеркса, сказалъ: „Персы стрѣлами своими помрачатъ солнце.“ Темъ лучше, ошвѣчалъ Спартанецъ

Діонесесь; мы будемъ сражаться въ тѣни. — Другой, посланный Леонидомъ въ Лакедемонъ, удержанъ былъ въ мѣстечкѣ Альпенусѣ главною болѣзнію. Провѣдавъ, что опрядъ Гидарнеса сошелъ съ горы и вторгается въ ущеліе, слѣпецъ поспѣшь хватается оружіе, приказываетъ невольнику вести себя къ неприятелю, бросается на него, и получаетъ желанную смерть.

Два другіе, равно оплучившіеся по волѣ предводителя, возвращаясь, навлекли на себя подозрѣніе шемъ, что не употребили всевозможныхъ стараній бытъ въ сраженіи. Въ спыдѣ опъ такого сомнѣнія, одинъ изъ нихъ лишилъ себя жизни; другой не видѣлъ инаго средства, какъ пастъ спусня нѣсколько времени въ Плашейской биввѣ.

Геройство Леонида и воиновъ его подѣйствовало сильнѣе знаменишѣйшей побѣды. Греки познали свою силу, а Персы свою слабостъ. Ксерксъ пришелъ въ ужасъ, увидя что такъ мало воиновъ въ безчисленномъ его войскѣ; онъ содрогнулся, узнавъ, что въ нѣдрахъ Греціи есть еще много защитниковъ споль

же неустрашимыхъ какъ Теспійцы, и восемь тысячъ Спаршанъ, подобныхъ погибшимъ. Съ другой стороны, ошь удивленія, Греки шопчасъ перешли къ пламенному желанію подражать Лакедемонянамъ.— Исканіе славы, любовь къ опечесству, всѣ добродѣтели доведены были до высшей степени, а сердца доспигли мужества, дошолъ неизвѣснаго.

Не такое время великихъ происшествій надлежитъ избиратьъ для порабощенія народовъ свободныхъ.

Съ Франц. И. Богдановъ.

~~~~~

ОВОЗРѢНІЕ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

(Продолженіе.)

Трапъ, или лѣстница.

Отдохнувъ съ чешверть часа, сѣли мы на лошадей, и какъ же я удивился, когда проводникъ началъ спускаться въ пропасть. Взглянувши внизъ, сердце у меня замерло. Узкая, излучисная про-

пинка, заваленная каменьями, шла крупными изворотами по обрыву горы. Вездѣ предсавлялись глубокіе овраги. Я хопѣлъ идти пѣшкомъ; но меня увѣрили, что безопаснѣе вѣришь себя лошади, къ симъ дорогамъ привыкшей—и такъ я сѣлъ. Повѣришь ли, любезный другъ, съ какою осторожностію умные сіи живошные переносятъ сѣдока чрезъ пропасти и спускаются съ крутыхъ горъ. Онѣ часто бывають принуждены садиться на заднія ноги, иногда подымаются на дыбы, иногда на краю бездны, уклонившись, перевѣшиваются всемъ шѣломъ, тихо перескупають справа на лѣво, и всегда вѣрнымъ, пвердымъ шагомъ идуць не оспанавливаясь, и идуць очень скоро. Лошади, спуская всегда въ одну почку, выбили ногами впадины, похожія на лѣспничныя ступеньки; а какъ спускъ съ горы здѣсь очень крушь, то по сей причинѣ сія дорога и названа *Транѣ* *).

---

*) Такъ называються на корабляхъ веревочныя лѣспницы.

По мѣрѣ того, какъ мы спускались внизъ, пропинка спановилась круче, опаснѣе, иногда совсемъ исчезала, и мнѣ тогда казалось, что приспущаю къ предѣламъ самаго Ада. Мой конь несмотря, что я его удерживалъ, шель скоро и опривиспо. Чшо бы не упасшь, принужденъ я былъ бросить узду и держашься обѣими руками за сѣдло. Опъ сего движенія я чрезмѣрно усталь, ноги совсемъ оцѣпенѣли; къ счастью Генералу вздумалось въ половинѣ горы оспановишься, что бы полюбовашься мѣсположеніемъ. Я насилу сошелъ съ лошади и разнянулся на камнѣ. Опвсюду громады камней, глубокія сѣремнины и печальное разрушеніе насъ окружали. Голая скала горы Аи висѣла надъ нами на прилѣпѣ; я не могъ смопрѣшь на сей ужась и невольнo опвращиль взоръ; нигдѣ не видно и слѣдовъ жизни; нѣшь ни деревъ, ни шравъ, вездѣ грязная пуштоша и дикое безобразіе. Съ обѣихъ споронъ пропинки видны черные обгорѣлые каменья, большіе куски граниша и пни деревъ, опорванныхъ и упавшихъ съ горъ. Солнце заходило, шумъ волну-

ющагося моря нарушалъ мрачное безмолвіе; природа казалось засыпала, и на мѣспѣ, гдѣ мы опдыхали, предспавлялась въ уродливомъ, безобразномъ видѣ.

Михалатка.

Спустившись съ горъ и проѣхавъ ошь Байдаръ 20 верспъ вечернею зарею, мы оспановились ночевашъ въ Михалаткѣ. Небольшая эша деревушка разбросана по оплогосши такъ, что хижины ея кой-гдѣ примѣпны; инья прислонены къ горѣ, другія закрышы деревьями и виноградными лозами. Тапара не любоцыпны: когда мы въѣзжали, никто изъ нихъ не пронулся съ мѣспа; они сложа накреспъ ноги, молча бесѣдовали, и смопря на насъ, равнодушно курили шрубки на своихъ шерассахъ. Окреспносши Михалатки печальны — во кругъ видны однѣ безплодныя горы, кой-гдѣ поросшія лѣсомъ; но самая деревня, окруженная садами, предспавляетъ прекрасный обипаемый оспровъ, брошеный посреди угрюмага Океана, на комъ кромѣ неба и воды, буръ и бѣдспвій, морецлавашель ничего не вспрѣцаетъ.

Опъ усталости не могъ я ничего съ-
ѣсть за ужиномъ, голова у меня кру-
жилась, кровь сильно волновалась; од-
нако же покойный сонъ возвратилъ по-
шерянные силы, и наупро вставши, я
чувствовалъ себя немного бодрѣе.

Кучукъ-кой.

Съ восходомъ солнца мы уже были
на лошадяхъ; намъ предстояла дорога
еще опаснѣйшая вчерашней. Въ четы-
рехъ версахъ опъ деревни Кучукъ-кой
(малая деревня) намъ показали по мѣ-
сто, на копоромъ прежняя усадьба сего
селенія въ 1786 году провалилась. На
пространствѣ, гдѣ были строенія и
сады, представляюща пеперь однѣ
пропасты, рвы, насыпныя горы и ужа-
сное повсюду превращеніе. На мѣстѣ
прежней деревни не видно и слѣдовъ
жизни.

Дорога шущъ крайнѣ опасна; почва
земли состоить изъ мягкой, краснова-
пой, смѣшанной съ крупнымъ нескомъ
глины, ни единой былинки не произ-
распающей. Опъ жаровъ земля разсѣ-

даешся и осыпается; а опъ дождей большія глыбы ея быспрымъ попокомъ водъ уносянся въ пропасши и далѣе въ море. По сей причинѣ гора посшепенно съ боковъ умалаясь, спановишся круче; пропасши же по мѣрѣ пого углубляющся, а дорога ежегодно возвышаешся по горѣ выше и выше. Нынѣшняя пропинка шакъ узка, что лошадь съ шрудомъ на ней вмѣщается; припомъ шакъ покаша къ пропасши, что всадникъ долженъ висѣть надъ оною.

Приблизившись къ сей спезѣ, которая просшираешся на одну версшу и почиается самымъ опаснымъ мѣстомъ на южномъ берегу, мы осшановились. Проводникъ, перешняувъ у лошадей подпруви, и осшомирѣвъ исправны ли сѣдла, повхаль впередъ, а мы одинъ за другимъ слѣдовали за нимъ. Едва взѣхаль я на гору, и лошадь спушила по дорогѣ нѣскольго шаговъ, въ глазахъ у меня пошемѣло, я могъ счишашъ бѣеніе пульса; шунъ хошѣлъ бы ворошишся; но ни сошни съ лошади, что бы идиши пѣшкомъ, ни повернушь ее назадъ не было мѣста и возможно-

спи. Ахъ! любезный другъ, какъ жестоко я наказанъ за мое любопытство; не умѣя ѣздить верхомъ, удивляюсь, какъ опважился пуститься въ такой путь. Мы пробирались по краю осыпи, глубиною не менѣе 200 сажень; лошадь лѣпясь около обруба горы, цѣпляя нога за ногу, сгибая колѣна, иногда наклоняясь въ прошивную сторону и вышагивая шею, шла шакъ опривисно, что я не понимаю какъ не поперялъ равновѣсія и какъ Богъ спасъ меня. Голось проводника, кошорый громкимъ крикомъ и тихимъ свиспомъ, понуждалъ лошадей идти скорѣе, или извѣщаль ихъ, что бы онѣ были оспорожняѣе, приводиль меня въ такой спрахъ, что я невольно закрываль глаза; и одинъ разъ коснувшись плечомъ къ скалѣ, чуть не свалился въ пропасть, но лошадь мгновенно покачнулась, удержала равновѣсіе и спасла меня отъ очевидной смерти. Если бы дождикъ заспаль насъ на сей дорогѣ, то смерть наша была бы неизбежна. Не постигаю, какъ нѣкоторыя дамы опваживающся здѣсь ѣздить.

Проѣхавъ Кучукъ-койскую дорогу, проводникъ извѣстилъ насъ о новой опасности. Тропинка вывела насъ на превысокую глыбу земли, подобную понюкому мысу, или лучше столбу, поспавленному на краю глубокой ямы, и только одною спороною касающемуся къ горѣ; но и шупъ ошдѣляется опъ нея прещиною, сажени въ двѣ ширины. Мы должны были чрезъ нее прыгать. Повиснувъ на шеѣ своей лошади, крѣпко обхвативъ ее руками и ногами, я насилу могъ удержаться, и конечно бы упалъ, если бы въ сіе время передовые не оспановились. Тѣло мое совсемъ онѣмѣло; но я не смѣлъ сойти съ лошади, не смѣлъ даже пошевелишься; во ршу у меня было горько и я чувствовалъ жаръ, какъ больной въ горячкѣ. Минувъ пять опдыха нѣсколько меня освѣжило; къ тому же меня увѣрили, что нѣтъ болѣе опасности: но я видѣлъ оную предъ глазами. Мы спояли на вершинѣ столба, съ копораго при сильномъ вѣтрѣ часно срываетъ проѣзжающихъ. Куда ни обращалъ я глаза, вездѣ видѣлъ глубокія спремнины, ямы,

наполненные водою, огромные камни, насыпи и шрецины.

Отсюда поворошили мы крупно налёво и поѣхали внизъ наискось горы. Почти безпрестанно осыпалась подъ ногами нашими земля и съ глухимъ шумомъ падала въ пропасть, унося въ паденіи своемъ большіе камни. Спустившись съ горы, не съ меньшимъ затрудненіемъ перебрались мы чрезъ разсѣлины. Лошади Тапарскія къ сему споль привычны, что нѣсколькими скачками, подобно сернамъ, взбѣгающъ на такія крутизны, на кои и ползкомъ едва ли можно вскарабкаться.

Поднявшись на гору, вдали показались кучи деревъ, зелёные лужки, сады и хижины. Туда и взоръ и мысли мой спремались. Когда дыханіе мое стало легче, когда дорога была уже довольно широка, довольно удалена отъ спремнинъ, я по невольному движенію взглянулъ назадъ, отъ радости вздохнулъ, улыбнулся, успокоился, забылъ объ опасностяхъ, и едва чувствовалъ уже малую усталость. Припомни, любезный другъ, описаніе Рая и Ада — я видѣлъ оныя въ

природѣ и такъ близкъ одинъ опъ другаго, что мнѣ казалось, будто бы Богъ, поставилъ ихъ въ семь положеніи съ шемъ намѣреніемъ, дабы человекъ въ одно время могъ видѣть и могущество и величіе, и гнѣвъ и милосердіе своего Творца.

Поднявшись еще выше въ горы, миновали мы деревню *Кикенеисъ*. Съ сего мѣста природа являюща въ новомъ припнѣишемъ видѣ: и горы и долины открываютъ прелестныя мѣста. Въ Кикенеисѣ достошно замѣчанія орѣховое дерево, одно изъ величайшихъ въ Крыму. Два толстые его корни, вышедъ изъ земли, срастаются и ссваляются сводъ, аршина въ три вышиною. На семъ основаніи распецъ огромнѣйшее по своей толщинѣ и высотѣ дерево. Оно раздѣляется на три отрасли, изъ коихъ каждая можетъ почеснъсь довольно толстымъ деревомъ. Въ хорошій урожайный годъ, снимающъ съ него опъ до до 120 тысячъ Грецкихъ орѣховъ: если положишь тысячу по 6 р., то одно сіе дерево даетъ ежегодно дохода опъ 480 до 720 рублей.

Алупка.

Проѣхавъ 30 верстѣ , копорые показались мнѣ очень длинны, наконецъ достигли мы Алупки, прекрасной деревни, окруженной прекраснѣйшимъ садомъ. Он-басса (десятской) встрѣшилъ и проводилъ насъ въ домъ Ташарина, у котораго всѣ проѣзжающіе оспанавливаются. Опъ непривычки къ верховой, споль скорой ѣздѣ, шрудной дороги, палящаго зноя, а болѣе опъ безпреспаннаго колебанія надъ пропасями, я чувствовалъ себя совершенно разбинымъ, насилу слѣзъ съ лошади, и едва могъ держаться на ногахъ. Бышь можеть, дорого заплачу я, любезный другъ, за любопытство; но сомнѣваюсь, что бы когда нибудь освободился опъ онаго.

Умывшись и освѣживъ себя ключевою водою, съ шумомъ и журчаніемъ разверзающею нѣдра земные въ самыхъ снѣяхъ дома, я бросился на жесткой диванъ, чрезмѣрно радуясь, что Ташара не употребляютъ спульевъ: ибо для меня гораздо было выгоднѣе лежать, нежели сидѣть. Лишь шолько преклонился на подушку, глаза мои сомкнулись, и я спалъ часа два какъ мершвой. По-

койной, сладкой сонъ возвратилъ мнѣ прежнюю силу и легкость. Не зонкій ли воздухъ сихъ горъ причиною споль скорого моего изцѣленія?

Запахъ жаренаго козленка, котораго провожавшіе насъ Албанцы приготовили посвоему — по ешь, цѣлымъ, начинивъ внутренность сарачинскимъ пшеномъ, возбудилъ мой аппетитъ. Я ѣлъ за троихъ; къ десерту подали рѣдкой величины сладкія черешни; другіе плоды еще не совсемъ созрѣли; а Тапара считающъ великимъ грѣхомъ снимать съ дерева не совершенно посцѣвшій плодъ. Послѣ обѣда, Генералъ предложилъ идти прогуляться и полюбоваться мѣстоположеніемъ.

Деревня, состоящая изъ 40 дворовъ съ мечетью, построена по крупизнамъ внизъ къ морю амфишепромъ. Кремнистая скала возвышается надъ нею съ сѣверной стороны. Между большими грядистыми каменьями, скапившимися съ горъ, скрываются бѣдные домики, покрытые, по Азіатскому обычаю, плоскими крышами. Сходя внизъ къ морю, омывающему высокое прибрежіе, я чрез-

мѣрно былъ удивлень, нашедъ между плодоносными деревьями, произрастающими въ Крыму, необыкновенной полщины фиговые, масличные, гранатные, персиковые, также перцовое и спручковое дерево. Домъ, въ кошоромъ мы оспановились, осѣняющъ при кипариса, посаженные, какъ мнѣ сказывали, по приказанію Князя Потемкина. За деревнею выше въ гору, распеть лавровый лѣсъ. Видя прекрасные розовые кусты, лаванды, жасмины и лилеи, воображеніе перенесло меня въ Ишалію; но и тамъ не вездѣ можно найти такіе вкусные плоды и душистые цвѣты.

Меланхолическое, приятное и вмѣстѣ дикое мѣстоположеніе Алупки, укрытой между порчащихъ голыхъ каменьевъ и осѣненной сплошною густою садовъ, наиболѣе украшается изобиліемъ пекущихъ водъ. По переулкамъ между хижинъ, въ рышвинахъ, по различнымъ направленіямъ переходили мы множество ключей и ручейковъ, скачущихъ по каменьямъ и напояющихъ сады, небольшія поляны льну и огороды съ рѣдкими овощами. Нѣкопорые ручьи,

вспрѣпивъ камень, преграждающій теченіе ихъ, обращающагося назадъ въ гору, и соединившись съ другими, усиливаясь, преодолевая прѣпоны, вьющаяся, журчащая около домовъ, переливаясь съ ушеса на ушесь, пѣнящаяся, и наконецъ, шумными водопадами, съ прескомъ и громомъ, млечною рѣкою низвергающагося въ море.

Не умѣю, любезный другъ, изобразить тебѣ всѣхъ прелестей Алупки, по справедливому предпочтенію названной *украшеніемъ Крыма*. Желательно, что бы вельможа, богачъ со вкусомъ, купилъ сіи сады и здѣшнюю красоту—Природу, украсилъ и раскрылъ искусствомъ. Что бы можно сдѣлать съ такимъ мѣстомъ, кошорое и въ дикомъ состояніи пѣняешь взоръ, очаровываетъ чувства, услаждаетъ вкусъ и обоняніе—гдѣ царствуетъ вѣчная весна, гдѣ лѣнивый Тамаринъ, усыпленный щедрою Природою, не знаетъ улучшать прививкою плодъ и никогда не насаждаетъ вновь дерева! Причина столь рѣдкаго изобилія происходитъ конечно отъ того, что высокая снѣга горъ защищаетъ Алупку отъ сѣ-

верныхъ холодныхъ вѣтровъ; и опъ того, что сѣна сія, будучи обращена прямо на востокъ, дѣлаетъ ее подобною оранжереѣ, гдѣ лучшіе нѣжные плоды, евойственныя Южной Европѣ, могутъ произрастать съ тою же удобностію, какъ и въ настоящемъ ихъ климатѣ. Если масличныя и лавровыя деревья растутъ здѣсь сами собою, то весьма вѣроятно, что апельсины, померанцы и лимоны, при нѣкоторомъ присмотрѣ, могутъ также процвѣтать на открытомъ воздухѣ.

Природа столь изобильная здѣсь въ прозябеніяхъ, не менѣе благошворительна и къ обитателямъ. Люди слабаго сложенія, особенно спраждающіе грудью, дыша однимъ воздухомъ, могутъ здѣсь излечиться. Морозовъ на южномъ берегу и не знаютъ; снѣгъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней видятъ только на вершинахъ горъ. Мужчины и женщины могутъ похвалиться правильными чертами лица и спашностію. Оба пола имѣютъ очень приятную Греческую физіогномію. Горскіе Ташара, живши нѣсколько вѣковъ съ Греками, обладавши-

ми нѣкогда Крымомъ, получили ихъ красосу и величавый роспъ.

Возвращаясь съ прогулки на кварширу, мы увидѣли, сквозь чащу кустарниковъ, Тапарскую дѣвушку разспилавшую на правѣ холспъ. Покрывало ея висѣло на деревѣ; она, не замѣчая насъ, спокойно продолжала свою работу. Дѣвушка была очень не дурна собою; гибкій ея спань, необыкновенная въ здѣшнемъ климатѣ бѣлизна и свѣжій румянецъ оспановили насъ у забора—но красавица, замѣшивъ нашу нескромность, какъ робкая серна, убѣжала въ свой домъ. Если бы, думаль я, надѣпъ на сію горную нимфу модный нарядъ, то она показала бы еще милѣе-говорю: *показалась*, ибо полагаю, что красота есть оппическій обманъ: она кажешся намъ шакою, когда уже нравишся, и когда мы гошovy покланяшся ея прелеспямъ. Ты будешъ споришъ со мною, любезный другъ; но я, уступая тебѣ, спрошу: почему же не всѣмъ нравишся одинъ предметъ? Почему каждый видишъ его не шакимъ, каковъ онъ есть, а шакимъ какъ ему хочешся? И почему одинъ на-

ходишь красавицу, во всемъ прелестную; другой же только что хорошею? Вотъ на чемъ основываю мое мнѣніе, и имъ же оканчиваю длинное мое письмо.

В. Броневскій.

~~~~~

АНЕКДОТЪ ИЗЪ АНГЛИНСКОЙ ИСТОРИИ X ВѢКА *).

Эдгеръ, одинъ изъ ближайшихъ потомковъ великаго Альфреда, былъ Государь слабый. Шеснадацатилѣтнее царствованіе его не ознаменовано никакимъ дѣяніемъ, достойнымъ Монарха. Но Исторія, пробѣгая безъ вниманія происшествія сего времени, указываетъ на одинъ случай частной жизни Эдгера, довольно любопытный.

Царедворцы во всѣ времена были царедворцами: едва женолюбивый Эдгеръ оплакалъ преждевременную кончину сво-

*) Одно изъ сочиненій, написанныхъ на заданные слова и чипанныхъ въ дружескомъ либерашурномъ Обществѣ 15 ч. сего Іюля См. XI и XII N^o, стран. 194.

ей супруги, какъ при Дворѣ заговорили уже о красотѣ Эльфриды, дочери Графа Девоншира. Король сначала слушалъ съ проспымъ любопытствомъ, потомъ съ удовольствіемъ; наконецъ началъ помышлять о вознагражденіи попері своей посредствомъ новаго союза — и горѣлъ неперпнѣемъ удостовѣриться въ справедливости похвалъ прелеспямъ молодой Графини. Но ему нельзя было сдѣлать сего самому безъ нарушенія приличій: Девонширъ жилъ уединенно въ своемъ замкѣ, и придерживаясь старинныхъ обычаевъ, не спѣшилъ представлять ко Двору юнаго Государя прекрасной Эльфриды. Она никогда не бывала даже и въ Лондонѣ. Королу, оспавалось одно средство опкрѣпить намѣренія свои Эдельвольду, ближайшему любимцу, и ввѣрить испытанному вкусу его сужденіе о красотѣ Эльфриды.

Эдельвольдъ, ревностный исполнитель Королевскихъ повелѣній, немедленно нашель поводъ къ свиданію съ Девонширомъ и поѣхалъ. Старый Графъ принялъ оплично царскаго любимца; но пылкій Эдельвольдъ, при первомъ взглядѣ

на прекрасную Эльфриду изменилъ и дружбѣ и своей обязанности. Сильная, неодолимая страсть загорѣлась въ его сердце. Увлеченный ею, онъ забываетъ все, и на другой же день проситъ у Графа руки его дочери. Можно ли отказать такому сильному при Дворѣ человеку? Спарикъ охотно принимаетъ предложеніе; щеславіе, прикрытое одеждою стыдливости, испорчено невольное согласие Эльфриды—и Эдельвольдъ тайно на ней обвиняетъ. Говоря, что молодые супруги бываютъ опкровены; здѣсь случилось напропивъ: Эдельвольдъ прожилъ нѣсколько дней въ Девонширскомъ замкѣ и ничего не свѣдалъ объ истинной причинѣ его посѣщенія.

Но время уже было возвратиться ему въ Лондонъ. Съ трудомъ принуждаетъ онъ себя разсказать съ Эльфридою; увѣряетъ Графа, что слышитъ исходатайствовать у Короля торжественное позволеніе на бракъ свой—ѣдетъ, является къ Эдгеру. „Государь!“ говоритъ онъ: „я видѣлъ Эльфриду. Молва о крадѣ ея несправедлива. Если смѣю опровергнуть причину столь неоснователь-

„ныхъ слуховъ, по конечно знашность имени, качесшва ума и сердца, копорыми должно признашья въполнѣ она обладаешь. подали къ онымъ поводъ.“— Любимецъ Царской зналь своего Монарха и пошому не спрашился распроспрашья предъ нимъ о душевныхъ дошпоинспвахъ Эльфриды.

Король искренно повѣрилъ донесенію Эдельволда: преданность его была доказана многими опытами: и скоро забыль о Эльфридѣ. Вѣроломный — но кто бы не просилъ Эдельвольду шакого вѣроломшва?—Внѣ себя опъ радости, онъ умышленно даешь пройши нѣкошорому времени, и однажды, въ минушы искренняго съ Эдгеромъ разговора, искусно заводишь рѣчь о Эльфридѣ; даешь ему почувствовашь, что богатштво дочери Девоншира, маловажное для обладателя Англии, было бы завиднымъ приобрѣшеніемъ для подданнаго; наконецъ рѣшишельно просишь дозволенія на ней женишья. Король, радуясь случаю утвердишь такимъ супружесшвомъ благососшояніе своего любимца, ошшно изьявляешь согласіе. Эдельвольдъ возвра-

щаешься въ замокъ, и бракъ его совершенъ торжественно.

Казалось все благоприятствовало Эдельвольду. Онъ сдѣлался зятемъ значнѣйшаго челоуѣка въ Государствѣ; онъ обладалъ, съ Королевскаго согласія, прекрасною, обожаемою супругою. Однакожь могли ли спокойно наслаждаться своимъ благополучіемъ? Настоящее положеніе его требовало новыхъ усилій хитрости. Ему надлежало употребить всю гибкость ума своего, что бы подъ разными предлогами удержать Эльфриду въ опщевскомъ замкѣ; не показывать ее ни при Дворѣ, ни въ столицѣ. Сначала и это удавалось. Но красота женщины, подобно благовонной фіалкѣ, не долго скрывается въ самомъ уединеніи; но любимцы Государей всегда имѣють завистниковъ, копорые слѣдятъ ихъ на каждомъ шагѣ. — Король узналъ наконецъ, что онъ обмануть. Мщеніе овладѣло его душою.

Есть люди, копорые долго умѣють спастись движенія гнѣва. Таковъ былъ Эдгеръ. Онъ не показалъ Эдельвольду ни малѣйшаго знака неудовольствія, ни-

сколько не перемѣнилъ съ нимъ своего обращенія и готовилъ ему медлѣнное наказаніе.

Вскорѣ разнесся слухъ, что Король намѣренъ обозрѣти нѣкоторыя провинціи Государства и что онъ между прочимъ посѣтитъ Девонширское Графство. Эдельвольду приказано сопровождать его. Надлежало повиноваться, хотя и съ большимъ принужденіемъ.

Они приближаются къ замку. Эдельвольдъ блѣднѣетъ: тайное предчувствіе волновало его душу. Король жалуется на усталость. „Мнѣ нужно отдохнуть“, „ніе, говоритъ онъ своему любимцу: ты самъ, я вижу, утомился; введи меня въ замокъ подъ именемъ своего друга. Кстапи, я буду имѣть случай познакомиться съ своею супругою.“ Эдельвольдъ приходитъ въ величайшее смущеніе; старается отклонить намѣреніе Государя. Но Эдгеръ рѣшительно повѣряетъ свое желаніе и только позволяетъ ему ѣхать впередъ приготовивъ Эльфриду къ принятію гостя.

Эдельвольдъ, объявляя ужасомъ, скачетъ въ замокъ; спѣшивъ бросившись къ

ногамъ супруги; признается во всемъ и закликаетъ ее именемъ спраспной любви своей, кошорая одна была виною его вѣроломства, скрыть по возможности красоту свою отъ взоровъ Королевскихъ. Изумленная Эльфрида едва вѣрится ушамъ своимъ; однакожь обѣщаетъ исполнить преребование супруга. Между темъ Король приѣзжаетъ и Эдельвольдъ встрѣчаетъ его съ нѣкошорымъ уже спокойствіемъ.

Но, увы! несчастной слишкомъ много полагался на обѣщаніе Эльфриды, слишкомъ мало зналъ щеславіе женщины: она предстала Государю въ полномъ блескѣ красоты своей; испошила всѣ средства къ умноженію прелестей, и безъ того очаровательныхъ. Казалось, жестокая хотѣла опмстить Эдельвольду за обманъ, лишившій ея короны.

Она не ошиблась въ томъ впечатленіи, кошорое надѣялась произвести надъ Королемъ сладоспраспнымъ. Эдгеръ никогда еще не встрѣчалъ подобной красавицы и совершенно ею плѣнился. Но мы уже видѣли, что скрышность была опличительною чершою

его нрава: онъ равнодушно простился съ Эльфридою. Жажда мщенія снѣдала шеперь сердце его съ новою, бѣльшею силою; но онъ хощѣль превзойти Эдельвольда въ лукавствѣ: хвалиль безъ жара красому Эльфриды и шупиль во всю дорогу надъ простипельнымъ, по его мнѣнью, вѣроломствомъ влюбчиваго своего друга.

По прибытїи въ Лондонъ, онъ шопчасъ послалъ его съ какимъ-шо важнымъ порученїемъ къ Норшумберландскому Герцогу. Эдельвольдъ поѣхаль—и не возвращался. Его нашли на дорогѣ убитымъ.

Похороны несчастнаго Эдельвольда были предвѣспїемъ свадьбы Эдгера: онъ немедлѣнно сочешался бракомъ съ Эльфридою.

Сдѣлаемъ краткое заклоченїе. Поступокъ Эльфриды можно бы извинишь щеславїемъ, слабостїю вообще свойственною женскому полу; но что должно о ней подумать, когда Испорїя предшавляетъ ее въ послѣдствїи убїйцею Эдуарда - Мученика, сына Эдгерова

ошь перваго брака? Такъ прекрасная наружность не всегда ручается за прекрасную душу.

Аркадинъ.

~~~~~

~~~~~

С М Ъ С Ъ.

~~~~~

Губа *)

Разговоръ отца съ сыномъ.

„Ванюша! тебѣ уже двадцать пять лѣтъ. Хоть ты и недавно служишь; но имѣешь, слава Богу! порядочной чинъ и припомъ орденъ. Какъ бы хошлось мнѣ поскорѣ женишь тебѣ и дождашся внучатъ! Ешь превыгодная парція...невѣсту ты знаешь...

— А кто такая? Скажите, бапюшка!—

„Дѣвица Губина . . . . Чшожь ты надуль губу?“

— Помилуйте, бапюшка! Какъ можно женишься на ней? —

„А почему бы не женишься?“

— Развѣ вы не знаете какая у нея прешрашная губа! Право будешь съ Обскую

---

*) Изъ сочиненій на заданныя слова.

губу, что вопль здѣсь на генеральной картѣ Россіи. —

„За то она будетъ тебѣ вѣрна.“

— Да что шолку? Вѣрна, да скверна! —

„Губина очень хорошая хозяйка.“

— Да мнѣ надобна жена, а не кухарка, или ключница. —

„Она прекрасной нравственности: богомольна...“

— Скажите лучше, лицемѣрка, сплетница, клеветница... —

„Слушай, Иванъ! ты выводишь меня изъ перпѣня. Спрашиваю тебя въ послѣдній разъ: хочешь ли ты женишься на Губиной?“

— *Не хочу! не хочу! не хочу!* *) —

„А какъ я тебя приколочу...“

— Воля ваша! —

„Сей часъ со двора долой.“

— Извольте! Прощайте! —

„Иванъ! да ты съ ума сошелъ! Какъ не женишься на такой невѣстѣ, копорая до полумиліона имѣетъ капиталала...“

— Чшо вы изволише говоришь, бапюшка сударь? —

„Чшо Губина принесетъ тебѣ въ приданое полмиліона, если не болѣе...“

— Я не ожидадь, чшо бы она была щакъ богаша.

---

*) Любимая поговорка Г-жи Мош... ой. *Примѣчаніе для немногихъ.*

„Не ужь ли ты не слыхалъ, что ей до-
спалось недавно въ наслѣдство ошъ дальня-
го родшвенника два завода въ Сибири и
двѣсти тысячъ рублей наличными деньгами?“

— Виноватъ, не слыхалъ.—

„Ну хочешь ли шеперь женишься на Гу-
биной?“

—Благословише, бапюшка сударь!—

„А! видно, что у шебя губа не дура!“

Баснишъ.

~~~~~

Счастлиное паденіе.

Быль.

Въ проѣздъ мой прошедшаго года чрезъ
Рязанскую Губернію слышалъ я ошъ одного
Зарайскаго помѣщика слѣдующее происше-
ствіе, случившееся въ памошнемъ уѣздѣ лѣшь
пятъ назадъ. Одинъ мужикъ, шедши по вы-
сокому и крупому берегу рѣки Оки, вдругъ
какъ-шо поскользнулся и спремглавъ поле-
шѣлъ внизъ; но во время паденія ухватился
за кусшъ, распуцій на крупизнѣ берега, и
повисъ на немъ. Сшараясь взлѣзшь на кусшъ
и не могши уперешся ногами о землю, ко-
шорая будучи суха и песчана все осыпалась,
бѣдный мужикъ шого и ожидалъ, что поле-
шишь внизъ и убешся до смерти. Вдругъ

чувствуешь, что нога его уперлась на что-то твердое, и съ помощью этого взобрался на кустъ. Какъ ужаснулся онъ, взглянувъ съ куста внизъ, и какъ удивился и обрадовался, увидѣвъ, что опрылъ ногами своими конецъ чугунной доски, спасшей ему жизнь! Полагая, что шупъ навѣрно зарытъ владъ, онъ кой-какъ вскарабкался на берегъ. Замѣтивъ это мѣсто, бѣжишь домой въ деревню, рассказываетъ своему брату, какимъ чудеснымъ образомъ избавился отъ смерти, какое счастливое сдѣлалъ открытіе, и немедленно возвращаешься съ нимъ назадъ. Одинъ изъ нихъ спускается по веревкѣ къ кусту, опрываетъ чугунную доску и находить подъ нею кувшинъ, полный спаринныхъ серебряныхъ денегъ. Мужики побратски раздѣлили между собою владъ и употребили его въ пользу. Прежде были они очень бѣдны; но теперь почти всѣхъ зажиточнѣе въ своемъ селеніи. Хорошо иногда и упасъ!

М. Каменевъ-Любавскій.

т т т т т т т

*Не худо иногда напиться и пья-
нымъ .*

(тоже Быль.)

Описанное здѣсь выше происшествіе привело мнѣ на память другое, случившееся въ Москвѣ болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ и слышанное мною опъ вѣрнаго челоѣка.

Однажды ночью и зимой
Подъячій пьяный шелъ изъ кабака домой;
Съ дороги бѣдный сбился,
И гдѣ же очутился?

Узнаете послѣ. Думая, что онъ пришелъ домой, опворяетъ калишку и падаетъ—кличетъ жену—никшо неидетъ къ нему—и такъ рѣшается наконецъ вспасть самъ. Представъше его удивленіе и ужась, когда онъ приподнимаясь, оцупалъ подъ собою и около себя холодныя руки, ноги и лица. Въ это самое время проглянулъ мѣсяць, и Брагинъ (назовемъ такъ пьянаго подъячаго) увидѣлъ, что онъ лежитъ въ большой ямѣ, обнесенной вешчимъ деревяннымъ заборомъ, между человѣческими трупамн, болъшею часпю обнаженными. Со сшраха упалъ онъ опашь на земь и въ одно мгнов-ніе пропрезвился.

Вдругъ слышишь Брагинъ скрыть саней, подѣхавшихъ къ калишкѣ. Калишка опшо-

ряется и входяшь въ нее два молодца въ синихъ Русскихъ кафпанахъ и красная дѣвица въ кишайчапой шубейкѣ, съ кованымъ ларчикомъ подъ рукою.— „Куда привезли вы меня?“ спрашиваетъ она препенущимъ голосомъ своихъ кавалеровъ.—Куда? *съ убогой доль* *)! отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ. Много васъ дурь въ Москвѣ, на всѣхъ не переженешься! Ну, брашець, мѣшкай нѣчего; зарѣжемъ ее скорѣе, да и уѣдемъ опсюда.— Товарищъ его выхвасилъ изъ за сапога большой ножъ и занесъ на бѣдную дѣвшуку.

Вставайте живые и мертвые! закричалъ во все горло Брагинь. Несчастливая упала безъ чувствъ; а разбойники бросились чрезъ опворенную калитку въ сани, ударили по лошадамъ и исчезли.

Брагинь кой-какъ привелъ въ чувство незнакомку и узналъ опъ нея, что она была работницею въ Москвѣ у какого-то купца;

*) Убогіе дома существовали прежде во многихъ городахъ и уничтожены вскорѣ по вспуленіи на престолѣ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ — послѣ бывшей въ Москвѣ чумы, если не ошибаюсь. Въ эти убогіе дома опвозили найденные на дорогѣ мершвые пѣла, копорые разбирали и хоронили обыкновенно въ Семикъ. Набожные люди присылали въ сей день пуда гробы, саваны, рубашки и служили панахиды по умершимъ.

Что одинъ изъ разбойниковъ, познакомившись съ нею подъ именемъ иногороднаго купеческаго сына и обѣщавшись на ней жениться, уговорилъ ее бѣжать съ собою и обокрасть хозяевъ. Въ ларчикъ, кошорый унесла она у хозяйки, было жемчугу и другихъ вещей слишкомъ на пятнадцать тысячъ рублей.

„Ну, голубушка, сказала ей Брагинь — теперь надобно намъ поскорѣе отсюда убраться, что бы женихъ швой съ дружкойю не ворошились назадъ.“ — Взявъ ларчикъ и перекрестившись, испуганная невѣста, поплелась съ Брагинымъ домой. Тогда было при, или чешыре часа пополуночи. Къ счастью встрѣшили они на дорогѣ нѣсколько крещьянъ, кошорые везли въ Москву сѣно. Брагинь рассказалъ имъ, ошъ какой бѣды избавился онъ со своею подругою, и оба просили Христа ради взять ихъ съ собою и отвезти въ домъ хозяина бѣглянки, обѣщая за эшо приличное награжденіе. Добрые крещьяне положили шого и другую на свои возы, закрывъ сверху сѣномъ, сколько для шепла, сколько и для предосторожности.

Между шемъ разбойники, не видя за собою погони, ворошились назадъ къ убогому дому, и примѣшя, что ошъ него по снѣгу были слѣды двухъ только человекъ, пустились искашь ихъ. Скоро наѣхали они на мужиковъ съ сѣномъ.— „Не видали ли, брашцы,

здѣсь двухъ человѣкъ: мужчины съ женщиною и съ ларчикомъ.“ — Не видали! — „Какъ не видали! Мы вопшь ѣхали по слѣдамъ ихъ: они вышли на эту дорогу.“ — Да чортъ ли ходишь въ шаковую пору, кромѣ воровъ! Вы сами на промыселъ что ли выѣхали? А? — „Не ругайтесь; опдайте намъ бѣглецовъ, а не по худо будеть.“ — Суньтесъ — ка! Спой, ребята! Оглобли вонъ! Вопшь мы вась разбойниковъ! — Разбойники, зная пѣжестъ оглобелныхъ ударовъ, немедленно опрешировались.

Брагинъ, со снушницею своею благополучно прибыли въ Москву. Крестьянѣ довели ихъ до самаго дома, у котораго ворота оспавались еще не запертыми. Хозяева спали спокойно и уже ушромъ узнали спъ виновашой что съ нею случилось. Они простили ее и наградили щедро крестьянъ, а особливо смѣлаго Брагина, который на полученныя опъ нихъ деньги купилъ себѣ домикъ, началъ жить порядочно и переспалъ пишь.

И.

~~~~~

Логогрифъ.

Я дикой звѣрь—испугъ собою изьявляю;
 Съ другими буквами другое предспавляю:
 Услышишь голосъ ты, неспосный для ушей,
 Когда мѣдаеть спать шебѣ среди ночей;

Найдешь словечко по, кошоро произносишь,
 Коль волю изъявишь, или чего попросишь;
 А если любишь рвашь весенніе цвѣты,
 То время для того найдешь удобно ты;
 Увидишь чшо купцамъ въ торговлѣ до-
 спаётся,
 Когда имъ барыши свои дѣлишь придется;
 Чшо ты верѣдко пьешь—и мѣсно наконецъ,
 Опкуда изгнанъ былъ за грѣхъ нашъ пра-
 опецъ.

Костявицъ.

Анаграмма:

Хошь спереди меня, хошь сзади вы про-
 читете,
 Все Русской городокъ, чипапели найдете.

Костяеицъ.

Шарады .

1.

Не Русскимъ именемъ *натальное* зовенся;
 Но знаешь на Руси его почши ужь всякъ—
Второе же бѣднякъ,
 Кошорый въ *цѣлде* никакъ не завернешся.

Ө. К. х. и. вѣ.

Мой первый тленъ въ чеспи большой
 У насъ въ Адмиралшействѣ;
 Второй—въ Америкѣ главой
 Былъ въ царственномъ сѣмействѣ;
 А цѣлыми модниковъ рука
 Недавно забавлялась,
 Теперь же лишь для мужика
 Въ немъ надобность оспалась.

И. К—о.

~~~~~

Вмѣсто Загадки.

(Въ альбомѣ Ф. Я. Ва—ѣ *)

Хоть колькими словами ты прочь опгоня-
 ешь

Но черными глазами ты свехъ плѣняешь
 Увы! плѣнилъ и меня

Теперь изволь опгадашь кпо я.

Нарва 15 Февраля 1821 года.

~~~~~

---

*) Прислано къ Изд. Благ. при письмѣ слѣдую-
 щаго содержанія: „Посылаю вамъ сѣв списки и прошу
 „васъ напечатать оныя вашъ журналъ благонамѣрен-
 „ной, и ежели найдетъ ошибки, що прошу всепокор-
 „нѣйши поправитъ — чѣмъ чувствительно одолжите
 „пребывающую сиспийнымъ къ вамъ почшеніемъ —
 „Нарва Іюня 1 дня 1821 года. — Тупъ, кажется, нѣшь
 ошибка! Стишки ей Богу хороши! Изд.

Логогрифъ, помѣщенный въ XI и XII N^o значить: *Оса*, съ прибавленіемъ буквъ *к. и р.*—Омонимъ-Анаграмма: *лукъ* и *куль*—Шарады: 1) *сель - я*, 2) *бас - нос - лосѣ*.

Подписка на вперую половину *Благона-мбренаго* нынѣшняго 1821 года принимается у Издашеля, живущаго на Пескахъ прошивъ Басейна, въ домъ Моденова подъ N° 285, также въ Газетной С. П. бургскаго Почшамша Экспедиціи, и у Книгопродавцевъ: Плавильщикова, Глазуновыхъ, Зайкиныхъ, Слѣниныхъ и проч. Цѣна за полгода, ш. е. за 12 книжекъ съ Іюля мѣсяца, здѣсь въ С. П. бургѣ 15 р., а за весь годъ, или за 24 книжки, 30 р. За сію же самую цѣну можно еще получать Журналь: *Благонамбранный* на 1818, 1819 и 1820 годы. Для подписавшихся въ нынѣшнемъ году и для казенныхъ училищъ дѣлаешся опъ каждаго годоваго экземпляра уступки 15 р. если обращающся съ шребованіемъ къ самому Издашелю. На пересылку прилагается за годъ 5 р. а за полгода 2 р. 50 к.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ІЮЛЬ, 1821. № XIV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СМЕРТЬ РЫЦАРЕЙ ХРАМА *).

Коспѣрь огромный былъ гѣшовъ на мѣ-
спѣ казни,
И всякъ изъ Рыцарей, безъ ропоша, боязни,
Бышь первый на коспѣрь за честь себѣ вмѣ-
нялъ
И въ жершву жизнь неся, другихъ преду-
преждалъ.
Являешся Магиспѣрь: онъ всѣхъ ихъ упреж-
даешъ;
Чело его лучемъ спокойспвія сіяешъ;
Надежды полный взоръ возведши къ небесамъ,
Онъ молишся Творцу .... и мнилось видѣшь
намъ,
Что онъ судьбы изъ успѣ Предвѣчнаго вни-
маешъ.
Вдругъ, спрашнымъ голосомъ онъ зришелямъ
вѣщаешъ:

---

*) Изъ Трагедіи Ренуара: Les Templiers, Дѣйствіе V, Явл. послѣд,

„Ошъ Вѣры ни одинъ изъ насъ не општу-
пиль,

„Ошечесшву никшо изъ насъ не измѣнилъ;

„Французы! помнише: мы снова повпоряемъ:

„Невинны были мы—невинны умираемъ!

„Неправеднымъ судомъ намъ казнь дана сія...

„Но памъ, на небесахъ, еспъ Вышній Судія,

„Къ Кошорому вошще невинный не взываешъ:

„Онъ всѣ дѣянія, всѣ мысли наши знаешъ.

„Тебя, о Клименшъ, жду предъ Судію сего:

„Черезъ сорокъ дней—и ты предшпанешъ предъ
Него!“

Всѣ съ ужасомъ слова Магисшровы внимали;

Но какъ вамъ изъяснишь, что всѣ мы ощу-
щали,

Какъ описашъ вамъ шпрахъ, кошорый насъ
объяль,

Когда болъзненнымъ онъ голосомъ сказалъ:

„О Царь мой! о Филиппъ! вошще шебъ про-
щаю;

„Ты осужденъ!...шебя чрезъ годъ я ожидаю...“

(Къ Королю)

И зришелей соборъ, ошъ ужаса полмершвъ,

Льешъ слезы о шебъ, объ участи сихъ жершвъ!

Вездъ просперлося безмолвное смяшенъе...

Казалось, что съ небесъ уже сходило мщенъе!

Смущенны палачи не смѣюшъ приспупишь

И гибельный огонь вокругъ жершвъ воспа-
менишь;

Со шрепешомъ они свой пламенникъ бросающъ

ПѢСНЬ О БОГДАНѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ,
ОСВОБОДИТЕЛѢ МАЛОРОССІИ.

(Подражаніе Польской, сочиненной Лео-
номъ Рогальскимъ.)

„Други, къ оружью!“ — Богданъ призываетъ:
 „Мщенье надмѣннымъ врагамъ!
 „Злоба спрощивыхъ всего насъ лишаетъ:
 „Мечъ лишь наслѣдіе намъ!
 „Двигнемся спройно на Желшья Воды:
 „Время знамена развись!
 „Въ жершву Опчизнѣ, за прелеснь Свободы,
 „Съ славою паснь, иль сразись!“ —
 —Врагъ нашъ не дремлетъ: Сармашъ опол-
 ченный
 Ждетъ насъ, въ dospѣхахъ спальныхъ.
 Грозный народамъ, въ бояхъ закаленный,
 Жизнь онъ несетъ за своихъ! —
 „На полѣ биввы о помъ мы узнаемъ!“
 Храбрый Богданъ возразилъ:
 „Сами Опчизнѣ мы кровь посвящаемъ,
 „Съ мужеспвомъ, крѣпоспью силъ!“ —
 И сосшупились два спроя опшважныхъ,
 Кровь пролилася въ поляхъ;
 Равны усилья вожей ихъ беспспрашныхъ,
 Равное рвенье въ полкахъ!
 Чшо всѣ усилья, гдѣ мщенье пылаетъ?
 Правымъ — опчаянье щипъ!
 Войско Сармашовъ Хмѣльницкій сражаетъ,

Вишязей славныхъ громить!
 Сомы ихъ пали злой смерти добычей,
 Члены ихъ понушь въ волнахъ;
 Трупы отважныхъ доспалися пищей
 Алчному волку въ поляхъ.
 Ихъ не дождущся подь опшескимъ кровомъ;
 Жены ихъ будупъ спенашь;
 Горко ихъ дѣши заплачупъ надъ гробомъ:
 Вѣкъ имъ опцевъ не обняшь!

Съ Польскаго Орестъ Соловъ.

~~~~~

ЭНДИМІОНЪ.

Солнце скрылось за лѣсами;
 Чупъ на западѣ горя,
 Изчезада за холмами
 Пошухавшая заря,

*

Опущѣли доли злѣчны;
 Воцарилась пишина;
 Уравнялся шокъ прозрачный,
 Спипъ лѣнивая волна.

*

Подь густою лавровъ сѣнью,
 На узорчашыхъ коврахъ,
 Не мелькаюшь легкой шѣнью
 Нимфы рѣзвыя въ лугахъ.

*

Вопшь послѣдній пробѣгаешъ
 Гуль охопничьихъ роговъ—
 И въ послѣдни повшоряешъ
 Эхо ловчихъ поздній зовъ!

*

Помрачила шьма гуспая
 Блескъ лазуревыхъ небесъ,
 И покрыла мгла ночная
 Тихимъ сномъ Карійскій лѣсъ.

*

Незнакомой шамъ пропою,
 Прогоня съ вѣждей сонъ,
 Одинокъ, ночной порою,
 Проходилъ Эндиміонъ.

*

По слѣдамъ за ланью быспрой
 Онъ ошъ ловчихъ убѣжалъ,
 И, бродя въ глуши лѣсисшой
 Съ вѣрнымъ псомъ, друзей искалъ.

*

Но спезя вдругъ исчезаешъ
 У високаго холма;
 Пушникъ на гору вспунаешъ—
 Вкругъ нея, какъ море, мгла!

*

Хопъ бы эхо за долами
 Повшорило гуль роговъ;
 Хопъ бы мѣсяць надъ лѣсами
 Проглянулъ изъ облаковъ!

*

Тишина кругомъ глубока
И шуманны небеса;
Не выглядываль съ воспока
Свѣплый мѣсяць на лѣса.

*

И ловипвой упомленный,
Очарованъ шишиной,
Ложемъ холмъ уединенный
Избраль ловчій молодой.

*

Какъ дыханье льепся розы,
Какъ Зефиръ весной съ полей,
Чушь колебля гибки лозы,
Повѣваешъ межъ вѣшвей:

*

Такъ, во мракѣ пихо вѣя
Амврозическимъ крыломъ,
Онирось, его лелѣя,
Осѣняешъ сладкимъ сномъ.

*

Чась промчался полуночи—
И Селена вдругъ съ небесъ
Успремила ясны очи
На Карійскій тихій лѣсь.

*

Съ голубаго небосклона,
Озареннаго въ ноци,
На лице Эндиміона
Пролились спруей лучи.

*

Никогда Селены взоры
 Не встрѣчали съ высоты,
 Обнимая доли, горы,
 Столь цвѣшущей красотою.

*

Не румянѣй надъ рѣкою
 Свѣтъ денницы въ небесахъ,
 Разспилающей порою
 Тонкій пурпуръ на водахъ,

,*

Какъ, мечшами сновидѣнья
 Очарованъ, ловчій млѣль,
 Какъ въ щекахъ огонь волненья,
 Разливаясь, пламенѣль.

*

Мнилось, сладкое спряданье—
 Первый жаръ любви и страхъ —
 И кипящее лобзанье
 На коралловыхъ устахъ

*

Предъ спыдливою Селеной
 Сокрывалъ Эндиміонъ,
 Въ шишинѣ уединенной
 Погрузясь въ минушный сонъ,

*

И любовью воспаленна,
 Будно шѣнь съ высоты небесъ,
 Въ понкомъ облакъ Селена
 Пренеслась въ Карійскій лѣсъ.

*

Въ сладкомъ, дѣвственномъ лобзанѣ,
 Въ первый разъ, сквозь тихій сонъ,
 Все любви очарованье
 Испышалъ Эндимионъ.

П. Плетневъ.

~~~~~

ЖЕЛАНІЕ.

(Изъ Матисона).

Ахъ! прежде, нежели навѣки часъ кончины
 Переселишь меня въ обители шѣней,
 Желалъ бы разъ еще увидѣшь я долины,
 Гдѣ нѣжила меня безпечность юныхъ дней.—

*

Родимые кусты, гдѣ зябликъ домовиный
 Всегда гнѣздо свое въ шѣни прихладной вилъ,
 Приятнѣй шепчущъ, другъ, чѣмъ лавры зна-
 менишы,
 Кошорыми герой свой пепель осѣнилъ.

*

Домашній свѣпльый ключъ, младенецъ гдѣ сча-
 спливый,
 На брегъ пышномъ рвалъ перловый ландышъ я,
 Журчишь согласнѣ межъ явора и ивы,
 Чѣмъ серебристый шокъ Бландузскаго ручья.

*

И холмъ родный, гдѣ мы, не вѣдая кручины,
 Сплесались въ хороводъ подъ шѣною лицу
 густой,

Милѣе для меня, чемъ гордыя вершины
 Алпійскаго хребта, злашимыя зарей.

*

И для того, мой другъ, желалъ бы до кончины,
 До переселенія въ обиталища шѣней,
 Въ послѣдній разъ еще благословишь долины,
 Гдѣ нѣжила меня безпечность юныхъ дней.

*

Тогда внезапно пусшь, съ улыбкой, смерти
 Геній
 Придешь и скажешь мнѣ: *я факелъ потушу!*
 Къ водамъ забвенія средь Орковыхъ селеній,
 Къ друзьямъ минушихъ дѣшь съ весельемъ
 поспѣшу.
 В. Тило.

~~~~~

ЛИРА.

О Филомела! ты поешь
 Одна во мракѣ нощи,
 И звуки сладостные льешь
 По шихимъ сѣнямъ рощи,
 И сердце спрачника живишь
 Расперзаяно поскою,
 И слухъ ласкаешь, веселишь
 Ты пѣсню nocturnoю.

Онъ въ мрачной слушаешь глуши
 Плънипельные звуки —
 И, въ радости нѣмой, души
 Забыль ужъ шяжки муки,
 И въ сердцѣ ожили младомъ
 Погибшія надежды,
 И вошь ужъ безмяшежнымъ сномъ
 Его сомкнулись вѣжды;
 Забвеніе благое въ грудь
 Опраду возвращаешь,
 И спранникъ съ новой силой пушь
 Тяжелый продолжаешь.

*

Когда далеко опъ друзей,
 Опъ опческой долины
 Бресши унылою спезей
 Судиль мнѣ гласъ Судьбины;
 Мнѣ увядашь въ спранѣ чужой,
 Сраженному шоскою,
 Какъ цвѣпъ склоняющя главой
 Подъ гибельной косою —
 Тогда, о Лира, шы бряцай
 Подъ робкими перспами,
 И въ душу радость проливай
 Оспрадными спрунами.
 Съ шобою всюду шаспливъ я,
 О другъ мой неизмѣнной!
 Угаснешъ шихо жизнь моя,
 Въ чужбинѣ опдаленной. —

В. Тило.

Ласка, скромность—даръ небесной
Обрѣли любовь ошъ всѣхъ.

*

И коль въ возрастъ зрѣлый вступишь,
Друга сердцу изберешь,
Всю любовь его получишь,
Въ ней блаженство обрѣнешь.

—б.

~~~~~

ПРИЗНАКИ СУПРУЖЕСТВА

*Позвѣств *).*

Дѣвица Л* была молода и прекрасна, но бѣдна. Графъ Вербе былъ старъ и безобразень, но богашъ. Ему вздумалось за нее посващашья. Она не соглашалась на предложенія Графа и проливала слезы, умоляя ошца своего; ошець смѣялся надъ ея слезами. Онъ не понималъ, какъ возможно ошказашь Графу; но она очень понимала эшо: ибо онъ считалъ одни шолько помѣшья Графа, а она его лѣша. Къ шому же еще незадолго передъ

---

*) Чипано 15 Юля въ дружескомъ липперашурномъ Общешвъ. См. XI и XII N^о сего Журнала, спран. 194.

пемъ она узнала и полюбила одного молодого челоѣка, копорый имѣлъ мало помѣспъевъ, но былъ молодъ—копорый хорошо танцовалъ, приятно говорилъ и пламенно любилъ. Это былъ Г. Вельшъ. Но Графъ сдѣлался докучливѣе, а опецъ ея суровѣе. Вельшъ былъ бѣденъ, а Графъ богашъ. Она продолжала любить Вельша, но должна была отдашь руку свою Графу.

Графъ служилъ при Дворѣ. Вскорѣ подагра и кашель напомнили ему, что пора думать о покоѣ, и онъ съ молодою супругою отправился въ свои деревни. Графиня жила уединенно; Графъ кашлялъ часъ опъ часу сильнѣе и оспался бездѣшенъ. Старость и болѣзнь его увеличивались со дня на день. Года черезъ два послѣ своей женишьбы, однимъ ушромъ, закашлявшись надъ чашкою шоколада, покинулъ онъ навсегда свои помѣспья и свою супругу, и молодая его жена спала молодою вдовою.

Она сняла съ себя цѣшное платье и надѣла черное. Графиня была бѣлокура; черной цѣшъ шель ей къ лицу, а потому она не ропшала на шрауръ.

Графъ оставилъ ей все свое имѣніе, но старость причудлива. По сдѣланному имъ завѣщанію, она не могла вступить во второй бракъ; въ противномъ случаѣ большая часть наслѣдства должна была отойти отъ нея къ одному дальнему родственнику покойнаго.

Вельшъ спѣшилъ утѣшить вдову, Онъ нашелъ ее столь же прекрасною, а она его столь же любезнымъ, какъ и прежде. Онъ говорилъ по цѣлымъ днямъ, не кашляя; а она слушала его по цѣлымъ днямъ, не зѣвая. Онъ умѣлъ разсказывать множество анекдотовъ; а Графиня была любопытна. Онъ говорилъ о пламенной любви, о своихъ чувствахъ, а Графиня чувствовала. Онъ описывалъ ей горестъ разлуки и мученія, его шезавшіе, а Графиня сожалѣла о немъ. Онъ бросился къ ногамъ ея, произнесъ клятву въ вѣчной любви, слезы его омочили ея руки, и любовь Графини возгорѣлась съ болѣею силою. Она подняла его и прижала къ своему сердцу. Первый поцѣлуй любви горѣлъ уже на устахъ ея, какъ она со слезами вспомнила объ условіи завѣщанія. Это

сдѣлало ее печальною. Шестъ недѣль прошло уже, какъ Графъ перемѣнилъ мягкое ложе на жесткое; но горестъ въ первый разъ еще изобразилась на лицѣ его супруги.

„Любезная Графиня! сказалъ ей однажды Вельпъ, уже нѣсколько времени замѣчаю я, что вы мучитесь сомнѣніемъ; скажите, не опъ васъ ли зависишь пре-крашишь его?“

—Какимъ образомъ?—спросила Графиня.

„Вы опасаетесь, чтобъ я не переспаль любишь васъ и не почиаете союза, основаннаго на чувствованіяхъ, споль швердымъ, чтобъ онъ могъ противустояшь времени; но развѣ рука Священника не можетъ соединишь наши руки?“

—А завѣщаніе? — возразила Графиня, залившись слезами.

„Графиня! продолжалъ онъ, здѣсь идешь дѣло о шомъ шолько, чтобъ васъ успокоишь. Обвѣнчаемся шайно. Вы и я, Священникъ и любовь, будушь свидѣтелями взаимныхъ кляшвъ нашихъ.“

—А Священникъ развѣ не пошпороцъ

нее лице? Развѣ онъ не можетъ измѣнить намъ? — прервала поспѣшно Графиня.

„Въ эпомъ положишесь на меня, сказалъ Вельшь; я постараюсь опыскашь таково, какой намъ нуженъ. Недалеко отсюда, въ одной пограничной деревнѣ, есть Священникъ, удрученный бѣдностью и согбенный лѣтами. Онъ честенъ, какъ вѣкъ, въ кошоромъ родился, и молчаливъ, какъ могила, кошорая давно уже его ожидаетъ. Нашу тайну возьмешъ онъ съ собою въ землю, а мы сохранимъ ее въ себѣ.“

Графиня упала въ его объятія, и горячіе поцѣлуи изъявили ея согласіе. Съ сей минушы ни о чемъ болѣе они не думали, какъ о скорѣйшемъ исполненіи сего намѣренія.

Сумерки и отдаленный садъ скрыли Священника отъ глазъ любопытныхъ, и Вельшь съ восхищеніемъ принялъ въ свои объятія молодую, прелестную супругу.

Цѣлый годъ прошелъ послѣ ихъ брака, и взаимное ихъ обращеніе сдѣлалось гораздо холоднѣе. Они не бросались уже

другъ къ другу въ объятія, но сходились и сидѣли вмѣстѣ весьма спокойно. Она не проливала уже горячихъ слезъ при его опѣздѣ, не встрѣчала его глазами вдали изъ окошка при его возвращеніи и могла зѣвать, когда онъ рассказывалъ; онъ не искалъ уже ее болѣе въ шемныхъ аллеяхъ длиннаго парка, не спарался предупредить самамалѣйшихъ ея желаній, и даже иногда чувствовалъ скуку, сидя съ нею; но при всемъ томъ они не разлучались и жили вмѣстѣ. Обхожденіе ихъ было для любви слишкомъ холодно, для дружбы слишкомъ вольно. Это было замѣчено домашними и посторонними. Годъ времени сдѣлалъ ихъ безопаснѣе, и они не такъ уже наблюдали за своими словами и поступками, какъ прежде. Опъ сего начали догадываться, попомъ подозрѣвашъ, наконецъ вѣришь и сообщашъ другъ другу свои замѣчанія.

Въ это время грубые заимодавцы вышѣснили изъ столицы ловкаго Графа Вѣрбе, родственника покойнаго, копорый по завѣщанію долженъ былъ получить имѣніе Графини, ежели она вы-

день за мужъ. Дѣлашь было нечего, и онъ поступилъ такъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступають тысячи ему подобныхъ, то естъ, объявилъ всѣмъ знакомымъ, что наскуча суешностію придворной жизни, рѣшилъ съ супругою своею ѣхать въ деревню—*наслаждаться природою*. Вошь въ коропкихъ словахъ вся исторія его жизни. Онъ получилъ мѣсто Оберъ-Каммергера при Дворѣ одного владѣтельнаго Князя, распочилъ свое имѣніе отъ баловъ и праздниковъ и разсстроилъ здоровье отъ танцовъ и танцорокъ. Супруга его была прежде придворною дамою; всѣ богошворили ея прелести, кругъ ея соспоалъ изъ однихъ обожашелей; но сей кругъ спановилъ часть отъ часу меньше и меньше, и наконецъ изчезъ совершенно такъ, что уже нѣсколько лѣшь находила она городъ пуснымъ и скучнымъ, а шогдашній вкусъ испорченнымъ.

Помѣшья ихъ граиичили съ помѣшьями Графини. Молва о перемѣнѣ ея обхожденія съ Вельпомъ дошла и до нихъ. Графъ съ радостію услышалъ о дѣлаемыхъ догадкахъ и поскакалъ въ замокъ

Графини, чтобъ посѣпишь ее, какъ сосѣду, и удостовѣришь въ мнѣнїи другихъ сосѣдей; но онъ не удостовѣрился ни въ чемъ. Графиня была пригощовлена къ его приѣзду. Вельшь былъ нѣженъ и скромень; глаза его успремлялись безпрестанно на Графиню. Она была искренна, какъ дружество, и оспорожна, какъ любовь. Графъ поѣхаль назадъ очень печалень. „Милая Августина, сказалъ онъ вошедши въ комнапу жены своей, сосѣди наши ошипбаются. Надобно только видѣшь ихъ, чтобъ не повѣришь баснѣ, копорую сплели намъ. Два часа былъ я шамъ, и онъ не имѣль смѣлоспи приближись къ ней на три шага“

— Тѣмъ лучше, вскричала Графиня, это подшверждаетъ истину того, что мы слышали—ежели онъ сидѣль въ одномъ углу комнапы, а она въ другомъ.—

Графъ. Нѣшь, милая, почпеніе назначило ему мѣсто, и ихъ глаза, копорые искали другъ друга; ихъ лица, на копорыхъ примѣшно было неудовольствіе ошь моего присутствія; учаспіе, съ копорымъ они говорили другъ о другѣ — о! все это подшверждаетъ мое мнѣніе.

Мы шакже, милая, смопримъ другъ на друга, говоримъ другъ съ другомъ; но, повѣрь моему слову, сосѣди наши ошибаются.

Графиня. Однако у сосѣдей нашихъ шакже есть глаза; не уже ли ни на чемъ не основано ихъ мнѣніе?

Графъ. Ты можешь повѣришь мнѣ, милая, что я смопрѣлъ на нихъ съ должнымъ примѣчаніемъ и вѣрно съ бѣльшимъ, нежели наши сосѣди. Не моя вина, ежели наши заимодавцы оспанушя неудовлетворенными.

Графиня. Однакожъ я все еще не могу разувѣришь себя, чтобъ изъ всего, что намъ рассказывали, не было чего нибудь испиннаго. Очень часто разныя бездѣлицы измѣняютъ намъ; припомни хорошенько, не уронила ли она какъ нибудь плашка?

Графъ, (задумавшись). Плашка? Нѣтъ! не помню: да! вѣрь она уронила однажды.

—И подняла его сама?—спросила съ живостію Графиня. „Да, подняла“ отвѣчалъ Графъ, смопря на жену съ удивленіемъ.

Графиня. И Вельшь былъ шуть, и не бросился предупредить ея?

Графъ задумался. Она попрепала его по плечу и сказала: повѣрь мнѣ, любезной Графъ, сосѣди наши правы.—

„Да! хорошенько подумавъ, и мнѣ кажешся это вѣрояшнымъ, сказала Графъ. Она была порядочно одѣта; правда, что плашь ея шишо по модѣ, бывшей за нѣсколько уже мѣсяцовъ; но мы въ деревнѣ, и я удивлялся ея вкусу.“

— А онъ? — спросила Графиня.

„Онъ, продолжалъ Графъ, прочель цѣлую проповѣдь о вкусѣ, перебралъ всѣ моды, начиная опъ фиговаго лиспка первой женщины, до послѣдняго праздничнаго плашья Герцогини. Больше всего хвалиль онъ плашья на манерь Греческихъ.“

— А она была одѣта погречески? —

„Ахъ, нѣтъ! она была одѣта совершенно понѣмецки, вся закушавшись.“

— Сосѣди наши правы — вскричала Графиня, и обняла своего мужа.

„Но ихъ глаза“ — продолжалъ Графъ и покачалъ головою.

— Ты худой наблюдатель. —

„Но какіе же швои доказательства.“

— Любовникъ бросился бы за вѣромъ — мужъ сидишь спокойно; любовникъ для того только имѣлъ бы глаза, чтобы удивляться — мужъ находишь слова для длинныхъ разсказовъ; любовникъ считалъ бы счастьемъ видѣть Нѣмку одѣшую понѣмецки — мужъ хвалишь Гречанокъ. — Ну! не уже ли это еще для тебя не ясно?

Графъ улыбнулся. Хорошо сказала онъ, мы завтра приглашены въ гости къ полному Каммергеру. Г. Вельшь съ своей дамой будутъ тамъ же. Въ большомъ обществѣ не только бывають оспорожны, какъ при одномъ, или двухъ постороннихъ человѣкахъ, ипакъ мы можемъ лучше наблюдать за ними. Можешь быть, ты и права, любезная Графиня; но ихъ лица, ихъ глаза — я съ пятнадцатъ лѣтъ имѣлъ счастье представлять Его Свѣлости многихъ женатыхъ, и кажется знаю людей! Супружесство, равно какъ и опчаяніе, имѣють собственное свое выраженіе. Ежели ты права, то я вовсе откажусь отъ своего человѣкопознанія.“

На другой день общество у Каммергера уже собралось; недоставало только Графини и ея друга. Каммергеръ ожидалъ съ нетерпѣніемъ; глаза всѣхъ устремлены были на улицу; наконецъ увидѣли вдали облака пыли и вскорѣ приближающійся экипажъ Графини. Она смотрѣла изъ одного окошка кареты; Вельшь, облокотившись изъ другаго. Жена Оберъ - Каммергера толкнула лютенько своего мужа; онъ съ улыбкою обернулся и сказалъ тихо: „начинаю думать, что ты права.“ Карета оспановилась. Вельшь вышелъ первый. Слуги высаживали Графиню, а онъ стоялъ спокойно и спряхивалъ пыль со своего фрака. — Видишь ли, что онъ женатъ? — сказала Оберкаммергерша.

„Да, да, ошвѣчалъ Графъ, я сомнѣваюсь уже въ своемъ знаніи людей.“

Графиня извинялась, что такъ долго заставила ждать себя; Вельшь съ досадою нахмурилъ брови. Кушанье было доставлено. Хозяинъ подаль руку Оберкаммергершѣ. Всѣ гости разобрали дамъ; мужъ ея и Вельшь, Графиня и одна пошпоронняя дама осшались. Вельшь по-

далъ руку эпой дамѣ и оставилъ Графиню Оберъ Каммергеру. Жена его съ улыбкою оглянулась назадъ; Оберъ-Каммергеръ кивнулъ головою.—

Общество было самое веселое. Вельшъ сидѣлъ между Графинею и незнакомою дамой. Онъ говорилъ съ сею послѣднею о модахъ и чувствованіяхъ, и оставилъ Оберъ-Каммергера разговаривать съ Графинею. Оберъ-Каммергеръ улыбался; жена его поглядывала на него съ лукавою усмѣшкою.

Послѣ снола Вельшъ подошелъ къ Графинѣ и началъ говорить о самой ученой матеріи—о вліяніи пѣла на душу; Графиня сказала нѣсколько словъ и зѣвнула—Вельшъ спокойно продолжалъ, и Графиня зѣвнула еще разъ.

Оберъ-Каммергеръ подошелъ къ женѣ своей.—Не правы ли наши сосѣди?—шепнула она ему. „Безъ всякаго сомнѣнія“—отвѣчалъ Оберъ-Каммергеръ.

Черезъ нѣсколько времени Каммергеръ предложилъ прогулку, и все общество пошло въ садъ. Они приблизились къ узенькому и шонкому мостику, переброшенному чрезъ искусственной во-

допадъ. Оберъ - Каммергеру мѣшало перейти чрезъ него круженіе головы, которое не оставило его и при опъздѣ изъ споллицы въ деревню, а Каммергеру чрезвычайная его толщина. Дамы боялись, Вельшь спарался ихъ успокоить. Онъ переводилъ ихъ черезъ моспикъ, и Графиня была послѣдняя, кошорой онъ подаль руку. Оберъ-Каммергеръ споялъ на одномъ берегу, а жена его на другомъ, и улыбались.

Становилось уже поздно, и общество спѣшило домой. Графиня опспала опъ другихъ. Вельшь опспался съ нею. Онъ шель, задумавшись, впередъ, а она опъ усшалоспи шацилась за нимъ. Оберъ-Каммергеръ пожалъ руку женѣ своей. Карешы были подвезены. Всѣ распрощались, и каждой поѣхаль домой.

„Ты права, милая Графиня — сказалъ Оберъ-Каммергеръ входя въ комнапу — нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вельшь и Графиня—мужъ и жена.“

Графиня. Теперь, любезной другъ, спарайся получишь убѣдительнѣйшіе доказательсшва.

Графъ. Предоставь это мнѣ; дѣло это для насъ важно, и я не упущу ничего.

Онъ поѣхалъ по окружности, чтобы лучше обо всемъ развѣдать; но ему нужны были доказательства, а онъ находилъ вездѣ однѣ догадки. Одинъ слышалъ то, другой видѣлъ иное; одинъ ссылался на другаго, другой на прешьяго: но какъ скоро онъ хотѣлъ доказатьъ, то одинъ говорилъ, что ничего не сказывалъ; другой, что ничего не слышалъ. Съ досадой возвратился Графъ назадъ. „Милая Графиня, сказалъ онъ входя къ ней, я приѣхалъ домой столько же богатъ догадками, сколько бѣденъ доказательствами.“

Графиня. Въ самомъ дѣлѣ? Не уже ли люди могутъ еще сомнѣваться въ ихъ супружествѣ?

„Ахъ нѣтъ! опивчалъ Графъ, но никакъ не можешь доказатьъ того; однакожь положишь на меня. Вельшь ѣдешь завтра по дѣламъ въ городъ, и я сей часъ пошлю за спрянчимъ. Этимъ временемъ надобно воспользоваться, потому что всѣ догадки не ведутъ ни къ чему.“

Спряпчій былъ призванъ; онъ заперся съ нимъ въ своей комнашѣ, а на другой день поѣхаль въ замокъ Графини.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

~~~~~

ДРУЗЬЯ.

(Вольной переводѣ съ Французскаго.)

Судя по словамъ Сенеки *): *Друзья мои! нѣтъ на свѣтѣ друзей!* — кажется, что люди никогда не понимали слова: *Дружба*, или по крайней мѣрѣ давно уже не принимаютъ его въ насущномъ значеніи для того, что бы употреблять при случаѣ. Я весьма уважаю древнюю дружбу, которая внушила столько прекрасныхъ стиховъ Поэтамъ, столько превосходныхъ страницъ Историкамъ и столько благородныхъ мыслей Моралистамъ; но жалѣю только о томъ, что эти достопамятные примѣры надобно искашь такъ далеко. Тезей и Пиреои, Ореспы и Пилалы, весьма достой-

*) Не Аристошеля ли? Прим., Изд.

ны нашего почтенія; но героическіе времена, въ копорые они, можешь бытъ, жили, весьма близки ошь временъ ба-снословныхъ; а что бы восхищались добродѣтелями сихъ великихъ мужей, я хочу сначала бытъ увѣренъ въ шомъ, что они нѣкогда существовали.

Дружба ешь чувство, копорое люди менѣ знаютъ по опытноспи и лучше прочихъ описываютъ. Цицеронъ, Плутархъ, Сенека сдѣлали прекрасные изображенія дружбы; они имѣли объ ней весьма высокое понятіе: но читая ихъ видимъ, что они пишуть о шомъ, что воображаютъ; а не о шомъ, что чувствуютъ: они сдѣлали изъ нея нѣкопорую божественную добродѣтель; одинъ Монпанъ почиталъ ее приятнѣйшею, благороднѣйшею спрасшію сердца человека. „Я любилъ его (La Veotie)“ говоритъ онъ—„пошому, что это былъ „онъ, что это былъ я...Самые удовольствія не только не уменьшаютъ меня, но даже увеличиваютъ сожалѣніе мое „о его потерѣ: мы все дѣлили съ нимъ „пополамъ и шеперь мнѣ кажешся, „что я покищаю часть его.“ Эти не-

многія строки содержатъ въ себѣ опредѣленіе, похвалу и правила истинной дружбы.

„У меня при рода друзей“—говорилъ Вольтеръ—„друзья, копорые меня любящъ; друзья, копорые ко мнѣ равнодушны; и друзья, копорые меня ненавидящъ.“ Это конечно ни что иное, какъ остроумная шутка; но дѣйствительно нынѣшнихъ друзей можно раздѣлить такимъ образомъ; и надобно сказать къ чести нашего вѣка, что никогда не было столько друзей, любящихъ другъ друга, какъ нынче.

Примѣры друзей перваго рода находящяся наиболѣе между людьми разнаго рода. Послѣ пламенной любви слѣдуешь иногда ненависть; но всего чаще нѣкоторое чувство, составляющее средину между любовью и дружбою: отъ одной заимствуешь она нежность, а отъ другой постоянство, и это чувство кажется мнѣ пріятнѣе самой любви. Въ свѣтѣ много друзей; копорые безъ малѣйшаго сомнѣнія любящъ другъ друга, готовы пожертвовать одинъ другому всеми выгодами, всеми удовольствіями

жизни; но это не надолго: случись имъ влюбиться въ одинъ предметъ — и эти друзья сдѣлаются похожими на друзей Крылова въ Баснѣ: *Собагья Дружба*.

Описывая друзей равнодушныхъ, Дюкло весьма справедливо замѣчаетъ, что преимущество спараго друга состоитъ въ томъ, что ему откажутъ прежде постороннихъ. Аристъ другъ моего дѣтства; до сихъ поръ дѣлили мы съ нимъ и счастье и несчастіе; онъ получилъ важную должность, знаетъ мои нужды, мои способности, можетъ располагать многими мѣстами, и я удивляюсь, почему онъ до сихъ поръ обо мнѣ не вспомнилъ; но, можетъ быть, онъ слишкомъ занятъ; наконецъ я къ нему являюсь; онъ очень радъ, что меня видитъ, но не обязанъ угадывать причины моего посѣщенія. Я даю ему знать о моей надобности... Онъ мнѣ отказывается; но отказывается весьма чистосердечно, по дружески, не скрывая причинъ своихъ: „Отказъ, говоритъ онъ мнѣ, не можетъ оскорбить стариннаго моего друга. Мнѣ „нужно сначала удовлетворить людей, „имѣющихъ сильное покровительство,

„которые могли бы сдѣлаться моими
 „неприятелями; но случай представил-
 „ся въ другой разъ.“ Случай предста-
 вляется двадцать разъ а вмѣстѣ съ
 нимъ и шѣ же причины отказа. Нако-
 нецъ я выхожу изъ терпѣнія, хочу пре-
 рвать дружбу мою съ Аристомъ; но
 ксенапи вспоминаю правило Баконъ:
 „Надобно любишь друзей своихъ и пог-
 да, когда они находящя въ благополу-
 чии.“

Третьяго дня былъ я въ одномъ до-
 мѣ съ огромнымъ Барономъ Толдешако-
 ковымъ; послѣ обѣда онъ опдыхалъ на
 креслахъ; одинъ молодой человекъ начи-
 наешь говоришь объ умершемъ его дру-
 гѣ; всѣ бояшя, что бы онъ не раскрылъ
 неданво еще зажившей раны, старающя
 перемѣнить разговоръ; но Баронъ самъ
 возвращается къ этому предмету, не
 перестаетъ хвалить покойнаго своего
 друга, и оканчиваетъ сими словами:
 „Тридцать лѣтъ жили мы съ нимъ въ
 „дружбѣ; онъ не имѣлъ ничего, умеръ въ
 „бѣдности; но никогда не занималъ у
 „меня ни копѣйки.“ Подлѣ этой спраш-
 ной массы эгоизма и грубости сидѣлъ

одинъ Докпоръ. Пухлое и румяное лице его показывало доброту самую просшую и ласковость самую несносную. Онъ имѣеть отличныя способности къ приобрѣщенію новыхъ знакомствъ; называешь васъ другомъ въ первый разъ, какъ видишь, и говоришь вамъ: *ты*, въ другой. Мы вышли съ нимъ вмѣстѣ и я замѣтила, что въ продолженіи Адмиралшейскаго бульвара онъ подавалъ, или лучше сказать, бралъ руку человѣкъ двадцати и поклонился по крайней мѣрѣ пятидесяти. Всѣ знаютъ небольшою разговоръ его съ однимъ незнакомцемъ. Докпоръ подходитъ къ нему и говоришь: „Здравствуй, другъ мой; здоровъ ли ты?“ — Слава Богу, другъ мой! Кто тыг шакой?—

Знаете ли вы господина Доброва? Онъ имѣеть весьма дурной вкусъ, весьма неосновательный разсудокъ и пишетъ весьма не хорошо; но за то говоришь весьма много о дружбѣ, о дружбѣ твердой, нелицемѣрной, которая не позволяеть щадить слабостей своего друга. Чемъ болѣе онъ кого любитъ, темъ менѣе онъ ему спускаеть и темъ

болѣе нападаетъ на его недоспашки. Онъ говоритъ правду не только ему, но даже и публикѣ, и она-то большею частію бываетъ предметомъ его дружеской довѣренности. Если, напримѣръ, одинъ изъ приятелей его выдастъ въ свѣтъ сочиненіе; но, слѣдуя внушеніямъ дружбы, онъ не только покажетъ ему ошибки, находящіяся въ его швореніи, но даже и тѣ, копорыхъ въ немъ совсемъ нѣтъ, и давая ему публично опвѣщанія, скажетъ мимоходомъ, что сочинитель имѣетъ многіе недоспашки, что онъ дурной отецъ, невѣрной супругъ, однимъ словомъ, опишетъ его какъ нельзя хуже.

„Чортъ возьми эдакихъ друзей!“ сказалъ Графъ Леспинъ, которому я сдѣлалъ это изображеніе „какъ можно называться другомъ чловѣка, котораго раздираешь? Я напрошивъ того, утверждаю, что дружба не должна видѣть недоспашковъ. Вы знали покойнаго моего друга; онъ имѣлъ при спра-
снн: къ игрѣ, къ женщинамъ и къ спи-
хамъ; двѣ первыя разорили его, а

„прешья сдѣлала смѣшнымъ. Онъ имѣлъ
 „ко мнѣ полную довѣренность; но вмѣ-
 „сто того, что бы досаждать ему со-
 „вѣшными, я пошакаль его слабостямъ
 „и льстилъ его авторскому самолюбію.“
 Дурно же вы дѣлали! сѣказаль я этому
 другу, споль же коварному, какъ и
 первой.

Мы еще говорили, какъ вошелъ въ
 комнату молодой человекъ, копорому
 множество другихъ побѣжало на вспрѣ-
 чу; они шептали, и я услышалъ слова:
дуель, цумёръ на листѣ! Я спаль распра-
 шивашь и узналъ, что шрое молодыхъ
 друзей были влюблены въ одну ша-
 цовщицу; двое изъ нихъ за нее подра-
 лись, одинъ былъ убитъ, другой бѣжаль,
 а прешій уѣхаль съ ней въ деревню.

Чтожь заключимъ мы изъ всѣхъ
 эшихъ замѣчаній?—Что истинная друж-
 ба нынче — шоже что и прежде, ш. е.
 рѣдчайшее въ природѣ явленіе; что въ
 нашъ вѣкъ чаще, нежели прежде, видимъ
 союзы, основанные на взаимномъ ува-
 женіи, доброжелательствѣ и привычкѣ—
 особенно между людьми разнаго пола;

наконецъ, что слово: *друебъ* принимаетъ множество значеній, копорые всѣ весьма далеки отъ истиннаго.

А. Откинѣ.

ТОЛБУХИНСКІЙ МАЯКЪ *)

Небо обложилось пучами; воспочный въпръ шумитъ между прибрежными камнями косы оспрова *Ретузари* **), опдаленный дождь, скрывая изъ виду берега, приближается, и бунтующее море бросаетъ далеко всплески свои по песчаной оплогости. Финскій челнъ, меня ожидающій, бьется на кипящихъ волнахъ; я обозрѣваю небосклонъ: дождь стѣсняетъ кругъ зрѣнія, въперъ свирѣпѣетъ, море усиливаетъ ярость;

*) Сей маякъ находится въ 13 верстахъ къ западу отъ Кроншшапа въ морѣ на маленькомъ камениспомъ оспровкѣ.

***) Кроншшапъ выстроены на оспровѣ *Котлинѣ*, прежде пошведски называвшемся *Ретузари*. Отъ него простирается къ западу на 7 верстъ песчаная коса.

но я ввѣряюсь бурѣ, и пускаюсь по'волнамъ, соупшствуемый опыпомъ.

Парусъ поднятъ; швердая рука управляетъ кормиломъ; берегъ удаляется; пѣна спѣшитъ впередъ и пѣна гонится за ладьею. То всходя на валъ, челнокъ орошается брызгами; по спускаясь, едва уходитъ ошь свирѣнаго вала; по бросающъ вправо, подставляетъ бокъ свой ударамъ волнъ; по рыскнувъ *) влѣво, грозитъ опрокинуться; но искусство избѣгаетъ ударовъ и предохраняетъ ошь попопленія. Верхи подводныхъ камней, вѣнчаные сѣдыми всплесками, мелькаютъ вправѣ; шюлени, предвѣспники бури, ныряютъ около нашей лодки, и хищныя чайки съ дискомъ носятся надъ волнами.

Мы уже близъ цѣли пупи нашего: Толбухинская башня гордо возвышается на уединенномъ оспровкѣ, окруженномъ грядами каменьевъ. Уже видна бѣ-

*) *Рыскать*, шехническое слово, При сильныхъ попушныхъ вѣсрахъ, корабль *рыщетъ* въ обѣ стороны.

лая пѣна . . . слышенъ ревъ бьющихся волнъ . . . челнокъ лепитъ . . . башня расщепъ въ глазахъ нашихъ . . . спускаемъ парусъ — и послѣдняя волна бросаетъ насъ на берегъ.

Я исполнилъ шамъ свое дѣло *); но буря разразилась; небо пролилось ручьями. Тщепны покушенія спустишь лодку въ обратный путь: яростное море сподлько же разъ бросаетъ оную на берегъ, сколько разъ соединенныя силы спалкиваютъ въ воду. Наспупающій вечеръ и дождь скрываютъ направленіе пуши; ревъ моря не даетъ слышать другъ друга, и необузданныя волны разлучаютъ насъ безпрестанно. И такъ я остаюсь до утра; даю отдыкъ беспспрашнымъ пловцамъ, вѣрнымъ моимъ соповарищамъ.

Дерзость человѣческая открыла себѣ дорогу чрезъ гибельную спихію; опытъ научилъ снаровлять волнамъ и вѣспрамъ; предосторожность посспавила днемъ примѣшныя по берегамъ знаки,

*) Сочинишель вѣдилъ шуда по должности.

и зажгла ночью условные огни, провождавшие пловцовъ ось мѣсна къ мѣспу. Кипящая смола, пылающее дерево и дымный земляный уголь, на высокихъ горахъ и нарочныхъ башняхъ возжигаемые, прокладывали свѣплую спезю мореплавателю къ желанному берегу.

Но природа посмѣвалась усиліямъ слабого человѣчества. Часто бури и дожди прѣпятствовали зажиганью, или погашали зажженные на открытомъ воздухѣ маяки, и корабль, во мракѣ, рѣемый волнами, подвергался неизбежной гибели; часто хищничество и разбой зажигали, огни не въ надлежащемъ мѣспѣ, и обманушый пловецъ дѣлался жертвою своей довѣренности *). Тысячи лѣшь пропекли; но маяки не измѣ-

*) Въ прежніе времена маяки зависѣли ось прибрежныхъ жилищей. Береговое право и желаніе корысти заставляли часто ихъ злодѣйствовать: они зажигали ложные огни, вводили шемъ мореплавателя въ заблужденіе, пользовались всѣми шоварами при кораблекрушеніи, и самые люди становились ихъ невольниками.

нили своего вида, и тысячи несчастных гибли у ихъ береговъ, у коихъ чаяли найпи приспанище.

Наконецъ Химія и Механика соединились къ пользѣ человѣчества. Силы природы воспали прошиву ней самой, и маяки, невзирая на бури и дожди, вооруженные удивительными Арганшовыми лампами *), въ кишрыхъ параболахъ вмѣщенными **), просперли неизмѣнный, свѣплый, опличительный лучъ, во срѣшеніе кораблямъ на неимовѣрное разспояніе, и мореходцы, обнадеженныя безопасностію своею, пакже смѣло плывуть ночью, сопровождаемые свѣпломъ маяковъ, какъ и днемъ при всемъ блескѣ и величіи солнца,

Я всхожу на высокую башню ***).

*) Арганшова, или Кинкешова лампа, изобрѣшенная Художникомъ Арганшомъ.

***) Въ фонарѣ спановяшся вокругъ параболическіе реверберы, или вогнутыя зеркала, шолшо серебромъ плашированные, въ фокусѣ коихъ помѣщена лампада. Свойство сихъ параболъ заключаешся въ параллельномъ опраженіи лучей на дальное разспояніе.

***) Каменная башня во 100 футовъ вышиною,

Девяносто пять ступеней возводяще меня къ проспранному фонарю. Шестъ шаговъ поперечника и шестъ шаговъ высоты образуютъ его проспранство. На срединѣ утверждёнъ желѣзный поставъ, обращающійся съ двумя кругами, носящими двадцать чешыре лампы, въ столькихъ же реверберахъ утверждённыхъ. Чистые стекла окружаютъ фонарь сей и пропускаютъ спасительный свѣтъ лампадъ, увеличенный вогнутыми параболическими зеркалами *).

Выхожу на окружающій помостъ, на коемъ стражъ во время ночи бдитъ орлинымъ окомъ, для поданія помощи несчастному пловцу, ежели судьба, или неоспорожность, приведутъ его къ подводнымъ камнямъ, маякъ окружающимъ. Вечеръ темнѣетъ; дождь переспаетъ, но буря усилилась; ея порывы и грошяный ревъ волнъ подобящся опдаленному гromу: кажешся, башня колеблещ-

*) По Финскому и Рижскому заливамъ шаковыхъ маяковъ находится 22, и всѣ они зависящъ отъ Правительсва Россійскаго.

ея въ основаній. Море разспилаешя сѣрою пеленою, и быстро бѣгущіе облака, по сдвигаясь, по разрываясь, обѣщаютъ продолжительную бурю.

Въ промежутки дождевыхъ громадъ, заходящее солнце разливаешъ багровый блескъ по цѣнящемуся морю, и позлащашъ послѣдними своими лучами спѣны опдаленнаго Кронштапта, главы церквей, кресты колоколенъ и спекла возвышенныхъ зданій представляющъ страшное зрѣлище пожара на черномъ небосклонѣ востока. Кругомъ море; Ораніенбаумской и Сиспербецкій берега синѣющъ и желтѣющъ попеременно, освѣщаемые прерывно рдяными лучами солнца; чешыре корабля, на бѣлыхъ парусахъ, лепяшъ въ опдаленныя спраны, оживляясь надеждою корысши. Какъ малы кажутся они! Каждая волна гопова, поглотитъ ихъ! Какъ малъ островокъ, на коемъ поставлена башня! Кажется, она не имѣешъ основанія! Волны бьюшя—плещущъ—взбѣгающъ по оплогоспи до самой башни, и съ ревомъ скашывающя назадъ.

Привѣщивую тебя, заходящее свѣ-

тило! Борьба стихій ужасна! Мнишся, что хаосъ заснуаешь мѣсто шворенія, и я вижу' тебя въ послѣдній разъ. Ты уже зашло для другихъ жипелей земли, опадѣленныхъ къ востоку синею далью; но ты горишь еще для меня, ближайшаго къ швоему западу, вознесеннаго на сию высоту башни, изображающей въ ночи слабое подобіе свѣша швоего и воздвигнутой мореплавателями въ ушѣшеніе швоего ошсущствія. Привѣшшвую тебя, какъ древній Гебръ, какъ жрецъ швоего храма, и ты—подобно древнему солнцу Зороасшрову—въ залогъ возвращенія, возжигая само собою свѣшпильники башни, упоаешь въ волнахъ, окруженное лучами славы и величія *).

Насшупиль мракъ; зажжены лампы и ослѣпительный блескъ разливаешь.

*) По свойшву всякаго вогнушаго зеркала, горячіе веществва загорающся въ фокусъ; и пошому на маякахъ, изъ предосшорожности, фонари закрывающся чехлами, дабы лучи заходящаго и восходящаго солнца не зажигали лампъ и не повреждали оныхъ жаромъ своимъ.

Воздухъ и вода, свѣтъ и тьма сражающіяся между собою. Дикая ушка и легкокрылый куликъ, захваченные на полешѣ бурю, несущая на яркой блескъ маячнаго огня, и, ударяясь о стекло фонаря, падаютъ бездыханны. Изумлень, оглушень и ослѣпленъ, схожу я въ молчаніи съ вышины, и едва могу успокоиться среди давно спящихъ обитательей уединеннаго острова *).

Ясное солнце, тихое упрое и легкое колебанье волнь, наполнили сердце мое радостью при пробужденіи. Я выхожу насладиться свѣжестью воздуха, и заспаю въ прудахъ служителей маяка. Одинъ утверждалъ кровельку надъ гнѣздомъ ласпочки, дождемъ смышую; другой огораживалъ недавно посаженное деревцо на горсти земли, съ прудомъ сюда привезенной; третій выплескивалъ соленую воду, запопившую колодезь; четвертый ловилъ рыбу; сей топовилъ завшракъ.

*) При каждомъ маякѣ есть очень покойный караульный домъ для служителей.

Восемьдесятъ шаговъ въ длину и пятьдесятъ въ ширину составляютъ все пространство каменнаго острова, населяемаго шестью заслуженными мореходцами, наблюдающими за маякомъ. Каждая ппичка, къ нимъ въпрямь занесенная, каждая правка, между камней проросшая, радуешь ихъ несказанно; они берегутъ ихъ; защищаютъ отъ въпроевъ и дождя, и каждый послѣ трудовъ отдыкаетъ, занимаясь своимъ прушикомъ, своимъ цвѣпочкомъ, своею ласточкою.

Прощайте, отшельцы міра! жизнь ваша безмятежна: посреди бурь, вы наслаждаетесь совершеннымъ спокойствіемъ; дни ваши посвящены благопворенію и невиннымъ радостямъ. Прощайте!—я отвѣзжаю шуда, гдѣ, при ясномъ небѣ, свирѣпствуютъ бури; гдѣ при всѣхъ напряженіяхъ къ блаженству — мы несчастны—прощайте, отшельцы міра!...

Н. Вестужевъ.

~~~~~

КРИТИКА И АНТИКРИТИКА.

~~~~~

*Отвѣтъ Г-ну Богатыреву *)*.

*Ты сердисься, Юпитеръ! слѣдовательно ты
не правъ **).*

Вѣстникъ Европы въ N° 10 нынѣшня-
го года, на стр. 121—133, донесъ чаша-

*) Иванъ Давыдовъ, сынъ Богащыревъ, из-
вѣстный Публикѣ нѣкопорыми *критическими*
сочиненіями, въ прежнихъ годахъ *Вѣстника*
Европы помѣщенными и писанными по пра-
виламъ одного Нѣмецкаго Журналиста, ко-
торый говоритъ:

Gutmüthiges würden die Menschen nicht lesen,
Und ehrlich ist man vor Zeiten gewesen.

Nein! Boshaft, giftig, launig und spitz,
Auch Lügen darunter, das nenn'ich Witz.

Въ *Прибавленіи* къ VII и VIII N° *Благодна-*
мбренаго сказавши въ нѣсколькихъ словахъ
наше мнѣніе объ одной вновь вышедшей кни-
гѣ и вообще о новѣйшихъ философическихъ
сочиненіяхъ въ Россіи, мы ошнюдь не думали
оскорблять ни Авшора оной, ни его Г. Бога-
щырева; но онъ воспавъ споль грозно про-
шивъ нашихъ замѣчаній, самъ вынудилъ насъ
ошвѣчать ему въ помъ же помъ. *Рец.*

**) *Увлекаясь духомъ времени, боялся на-*
гать безъ эписерафа. Р.

шелямъ о суматохѣ, случившейся въ одной уединенной хижинѣ неподалеку отъ Хизиць. Жителю ея, упражняющемуся въ крипической Гимнастикѣ, едва возвратившемуся съ поля сраженія за чепыре буквы журнала, и понедавности непереспававшему еще грѣзипь объ однихъ только полемическихъ движеніяхъ, вообразилось, что въ *Благонамѣренномъ* открылись военные дѣйствія на одного изъ юношей *Китай города*. Хизицкій Рыцарь, какъ присяжный защитникъ беззащитныхъ, съ бархапнаго луга, на которомъ имѣешь обыкновеніе покоиться послѣ знаменитыхъ побѣдъ, подобныхъ извѣснѣйшей—надъ въспренними мѣльницами—опрометью ударилъ на воображаемаго неприятеля, и въ запальчивости забывъ о правилахъ Гимнастики не сражался, а—да просіяшь мнѣ эшо выраженіе—*барахтался* *).

Дѣло идетъ о замѣчаніяхъ Г. Богатырева на Рецензію разсужденія о *пригинахъ заблужденій*, помѣщенную въ 7 и

*) *Увлекаясь духомъ времени, боился нагнать безъ аллегоріи. Рец.*

в № *Благонаименнаго* (спр. 16—18). Г. Богатыревъ въ сихъ замѣчаніяхъ не опровергаетъ Рецензію, а сыплеть безъ пощады, безъ зазрѣнія совѣсти ругательства какъ на *Благонаименный*, такъ и на Рецензента. И почти подѣломъ! Какъ *Благонаименный* осмѣлился сообщить Публикѣ нелестный отзывъ о разсужденіи изъ класса Философіи? Почему Рецензентъ не растолковалъ, что разумѣется подѣ именемъ чувственнѣй и другаго рода Философіи? Недоразумѣніе большею частію сопровождается худыми послѣдствіями. Поправимъ ошибку.

Природа, ничтожество воззванное къ бытію всемогущимъ словомъ самобытнаго Жизнедашеля, есть совмѣстное существованіе духа и матеріи. Отъ солнца до пылинки все отражаетъ сію совмѣстность, все есть только разношерпенное проявленіе двухъ противоположностей, въ совокупности, двойное безразличіе, единство образующихъ. Сей законъ происхожденности есть первообразъ, по коему развилась вселенная до сознанія, до мыслящаго духа — главной,

единственной цѣли творенія. Слѣдипь сіе развишіе, но умомъ, не чувспвами, прикованными къ ничпожнѣмъ обличіямъ вещеспвенности; чипашь смыслъ сихъ пламенныхъ буквъ, повѣдающіихъ о всемогущеспвѣ и премудрости Всеспворшаго, что возможно только для ума, а не для чувспвъ; созерцать (п. е. умомъ) внуспреннюю спорону природы, кошорой видимость соспавляетъ только субспрашъ: спремленіе мыслящаго духа къ рѣшенію важнѣйшихъ для него задачъ симъ путемъ—еспъ умозрительная Философія, а прошивуположная оной еспъ чувспвенная (эмпирическая, опышная). Въ послѣдней вѣденіе начинаешя ошъ чувспвъ; чувспвенность служипь органомъ познающаго духа *). Вошъ двѣ главныя философическія шко-

*) Мы охотно бы распрспраились о семъ предметѣ, чтобъ изложипь его подробнѣе и яснѣе, какъ для шѣхъ изъ нашихъ чипашелей, кои не занимались новѣйшею умозрительною Философіею, шакъ и для самаго Г. Бог., хошя онъ и хваспаешъ, что основаніемъ его мыслей былъ Шеллингъ; но

лы—два, столько одинъ другому пропи-
вположныя, класса Философіи.

Поелику недоразумѣніе сего различія
служило Философу Богатыреву пово-
домъ къ тому, чшобъ сыпать щедрою
рукою ядовитыя стрѣлы на Рецензен-
ша Разсужденія: то теперь, когда дѣло
пояснено, значеніе словъ: *чувственность*
и *чувственный*, въ какомъ они упошре-
блены въ Рецензіи, исполковано, стрѣ-
лы сіи, какъ безъ довольной причины
на Рецензенша усшремленныя, долгомъ
поспавляемъ обратно опослашь въ Хи-
зицы.

Для сего, благосклонныя чшшашели!
послѣдуемъ за Г. Богатыревымъ, какъ

но къ сожалѣнію ни предѣлы сего опвѣща,
ни самая цѣль онаго, погѣ не позволяющъ,
а пошому и опсылаемъ любопытныхъ къ
всѣмъ новѣйшимъ сочиненіямъ по сей часши,
кошорая въ особеннѣости Нѣмецкими Фило-
софами, какѣвы Шеллингъ, Окенъ, Гегель,
Клейнъ, Танеръ и пр. объяснена удовлешво-
ришельнымъ образомъ. На Русскомъ смѣтри
крашкое обозрѣніе оной въ *Исторіи Философ-
скихъ Системъ Галича*. Р.

онъ слѣдовалъ за *Рецензентомъ Благонамѣреннаго* *)

Стр. 125. „Ходъ и выраженіе мыслей (сирѣчь упомянушаго разсужденія) очень хороши; но основаніе оныхъ взято не изъ лучшаго класса *Философіи* **). Мы г-нъ Рецензентъ— (я говорю мы, разумѣя сочинителя Разсужденія и поварищей его и моихъ; попому что и я въ эпохъ класъ *Философіи* провелъ лучшіе и счастливѣйшіе годы молодости моей)— мы не у слѣпаго раба Баумейспера перебили *Философію* ***), а основа-

*) Не ошибка ли эпо? До сихъ поръ и въ послѣдствіи упоминается только о *Рецензентѣ* извѣстнаго *Разсужденія*, а нигдѣ не сказано, чшобъ кто нибудь *рецензировалъ* весь *Журналь Благонамѣренный*. *Прилѣт. Наборщика.*

**.) При сихъ словахъ Рецензента Г. Богашыревъ рекомендуешя ему въ слуги за учителя. Ага! ошъ того-то онъ и вснушается шакъ горячо за классъ *Философіи*. *Р.*

***.) Смѣю замѣшшь, что слово *теребить* поспавлено здѣсь не въ собственномъ значеніи. *Теребить* значить *вырывать клетка-*

ниелѣ мыслей нашихъ были: Гассенди, Локкъ, Лейбницъ, Гравесанде, Боѣнпешъ, Кантъ, Бушервекъ, Шеллингъ, не говоря о Платонѣ и Аристотелѣ, копорыхъ мы, по милости Божіей, читывали въ оригиналѣ, а не по слуху знаемъ.“

Не говоря о Платонѣ и Аристотелѣ, копорыхъ Г. Богашыревъ со своими поварищами по классу *титиваль* (вѣримъ) въ оригиналѣ, упомянемъ только о другихъ источникахъ ихъ мыслей, *Гассенди*, мечтавшій изъяснить всѣ явленія видимой природы, какъ предмета чувственности, изъ пустаго пространства и движенія внизъ и оппалкиванія пылиннокъ; *Локкъ*, копорого смыслъ, спѣсенный въ узкихъ предѣлахъ опыта, не прибавилъ ничего къ суммѣ чувственныхъ познаній; *Гравесанде*, грубымъ орудіемъ опытноети, или чувственности цосыгавшій очи-

ли, вошь какъ напрымѣрь въкопорые наши новѣйшіе Философы *теребятѣ* въ сочиненіяхъ своихъ *Дежерандо* и другихъ. *Прилѣт.*
Корректора.

спить понятія; *Боннетъ*, намѣревавшийся мыслящій въ челоѣкъ духъ подвергнушь опытамъ и наблюденіямъ, или содѣлашь его предметомъ чувственности: всѣ они служили подъ знаменами эмпирической, или чувственной Философій. *Лейбницъ*, который шагнулъ за Спинозою въ область Метафизики и погрязши въ хаосъ монадъ, на свободный, мыслящій духъ челоѣка, хопѣлъ наложивъ оковы предсавленной Гармоніи, былъ самымъ плохимъ членомъ Философской Республики, на другой гемисферѣ мыслящаго духа, прѣ ешь, умозрительной, за дѣло истины подвизавшейся. *Кантъ*, вышедши на ловишву истины, подъ щипомъ Криптицизма, былъ на дорогѣ къ оной; но ушомясь на новомъ, имъ самимъ пролагаемомъ пути, поколебался и въ урокъ своимъ послѣдователямъ изрекши печальное: non plus ultra, мѣрилomъ истиннаго познанія наименовалъ опытъ. Ипакъ прасцендентальный идеализмъ, уже близкій къ торжеству побѣды, самимъ же шворцемъ своимъ былъ осужденъ уступивъ пальму Эмпиризму, или опытности, или,

что так же все равно, чувствительности. Бутервекъ, желая удовлетворить потребности Философii въ Безусловномъ, изъ котораго знанiе, равно какъ и знанiе безъ основанiя, невозможно, покусился идти далѣе и безвозвратно заперялся въ мракахъ Спинозизма и непрязненныхъ силъ. Шеллингъ, а приподъ упомянутыхъ Философовъ, напрасно выводился на одно съ ними позорище. Мы имѣемъ разныя причины думать, что онъ Г. Богащеву не служилъ основанiемъ мыслей. О многихъ изъ сихъ причинъ умолчимъ, о нѣкоторыхъ упомянемъ ниже, а объ одной намѣкнемъ здѣсь. На стр. 132, Г. Богащевъ, на счетъ сеншенціи Сенеки, оканчивающей Рецензію, положительно говоритъ, что Рецензентъ Сенеки не читалъ, сеншенцію же взялъ изъ одной Русской Рѣчи!!! Рецензентъ поставилъ долгомъ сказать Г. Богащеву, что сія сеншенція Сенеки поставлена эпиграфомъ на одномъ изъ важнѣйшихъ сочиненій Шеллинга *), который Г. Богащеву съ

*) Von der Weltseele.

товарищами по классу служилъ (?) основаніемъ мыслей. На стр. 124, Г. Богатыревъ Рецензента *Разсужденія* называетъ *неизвѣстнымъ въ полномъ смыслѣ*. Какъ же можно сказать о неизвѣстномъ положительно, откуда онъ взялъ сеншенцію Сенеки: изъ самыхъ ли сочиненій Сенеки *), или изъ упомянушаго эпиграфа (если онъ былъ Г. Богатыреву извѣстенъ) только въ сокращеніи? Что она взята не изъ Русской Рѣчи, о которой онъ говоритъ, въ эпюмъ увѣряемъ его честию, ибо Рецензентъ прочелъ Рѣчь сію только шеперь изъ любопытства.

Итакъ неосновательный приговоръ Г. Богатырева на счетъ Лапинской цитации, равно какъ приведенное въ подтвержденіе оной изъ Овидія:

Cum relego, scripsisse pudet, quia plurima
cerno,

Me quoque, qui feci, iudice, digna lini.

какъ непринадлежащее по вышеобъявленной причинѣ Рецензенту, возвраща-

*) Она находится въ *Quaestionum Natur.* Lib. VII, Cap. XXV.

емъ съ присовокупленіемъ другой сен-
пенціи равнымъ образомъ изъ сочине-
ній Сенеки:

Alium silere quod voles, primus sile.

Г. Богатыревъ, выславивъ Авторовъ,
изъ коихъ заимствоваль мысли, про-
должаешь:

Стр. 126. „Основаніе же упомя-
нушой спашьи, принадлежащей къ
прикладной Логикѣ *), взято изъ
класса Снелля.

*) Эпощъ курсивъ нуженъ для *Рецензента*..“

Не только Логика, но и другія на-
уки, имѣющія предметомъ природу во-
обще, а именно: духовный міръ (въ ко-
емъ Логика разсматриваетъ первый по-
рывъ души къ познанію—разумъ) и ве-
щественный, образуются по формѣ го-
сподствующей Философіи. Философія,
Г. В., есть классъ, а прочія науки со-
ставляютъ порядки, роды и виды. Да
вы, кажешся, и сами это знаете, какъ
видно изъ приведеннаго вами на стр.
133 подраздѣленія Философій, чемъ вы
думали удивить Рецензента. Читайше,
не ваши ли это слова:

„Онъ *) и не воображалъ, что къ классу Философіи принадлежатъ ученія Философіи Идеальной, Естественной, Идеал. Теоретической, Идеал. Практической и Естественной; о чемъ не упомянулъ я выше, боясь множествомъ терминовъ утрудить разборчивый вкусъ Рецензента, можетъ быть въ первый разъ встрѣчающаго сіи званія наукъ.“ **)

Такъ! Г. Богатыревъ знаетъ, что Философія составляетъ классъ: и въ заглавіи *Разсужденія о причинахъ заблужденій* сказано: *изъ класса Философіи, и*

*) Прошу читателей припомнить, что Г. Б. пишетъ о Рецензентѣ, въ полномъ смыслѣ ему неизвѣстномъ. Р.

**) Г. Богатыревъ, прошивъ всѣхъ правилъ Кришки, въ каждомъ пунктѣ замѣчаній сыплющій ругательства на Рецензента, вѣроятно имѣлъ въ виду шѣхъ только изъ судей, упражняющихся въ кришической Гимнастикѣ, копорые шемъ болѣе хвалятъ своихъ героевъ, чемъ болѣе сіи бранятся. На подобныхъ зыбяхъ основана и слава Парижскихъ рыбацекъ (*Les poissardes de Paris.*) Р.

въ Рецензіи говорится о качествѣ Философіи, изъ класса которой взято основаніе мыслей. Духъ началъ, на копорыхъ основана Философія, опъывается и во всѣхъ наукахъ, къ классу ея принадлежащихъ. Ежели Философія будетъ втораго класса, ш. е. чувственна, то и въ наукахъ, къ сему классу принадлежащихъ, будетъ опъываться чувственностью (Эмпиризмъ). Въ Рецензіи (повпоряемъ) говорится о классѣ Философіи, а Г. Б. замѣчаетъ курсивомъ для Рецензента, что спашья-де принадлежишь къ прикладной Логикѣ. Дѣло идешъ (еще повпоримъ) совсемъ не о томъ куда принадлежишь спашья, а о томъ, изъ какого класса Философіи взято основаніе мыслей. По сему курсивъ къ *прикладной Логикѣ*, какъ ненужный для Рецензента, а также и приведенное Г. Богашыревымъ изъ Горация:

Delphinum sylvis adpingit, fluctibus aprum —
— *Si caret arte.*

возвращаемъ.

Avec les gens d'honneur
On ne perd jamais rien.

Нужно ли послѣ сего опвѣчать на то, что основаніе спашпы взято изъ Снелля? По нашѣму мнѣнію не нужно; лучше посмошримъ въ чемъ оно состоитъ.

Галъ же. „Мы не всегда прямо идемъ къ истинѣ. Намъ преяшсшвуютъ въ достиженіи истины невѣрность чувствъ, спраспи, предразсудки, сбивчивость языка, недоспашокъ памяти, воображеніе.“

Послѣ сего Г. Богашыревъ дѣлаешъ жалобный вопросъ:

„Есть ли шущъ что нибудь дерзское *), чувспвенное **), непохожее на общепринятая ***) мнѣнія?“

Шеллингъ, копорый (какъ хочешъ насъ увѣришь Г. Богашыревъ, чему мы однако же не вѣримъ) будшо бы ему и его поварищамъ былъ основаніемъ лы-

*) *Протестую!* этого я не говорилъ. — Да проспишь почтеннѣйшій Редакторъ Вѣспника Европы, что мы здѣсь воспользовались его словами, сказанными въ подобномъ случаѣ. Р.

**) Чиспо философски поняшо слово чувспвенный. Р.

***) Съ кемъ?? Р.

слей, о достиженіи истины совсемъ другихъ мыслей. По его мнѣнію не претяпспвуютъ въ томъ ни невѣрность чувствъ, ни спрасши, ни предразсудки, ни сбивчивость языка, ни недоспашокъ памяти, ни воображеніе.

Теперь *предоставляю* (мы, по принятой нами системѣ возвращенія, для выраженія нашихъ мыслей о замѣчаніяхъ Г. Богапырева, пользуемся собственными его словами, см. стр. 127) *мыслящимъ судить, изъ какого класса сіи основныя мысли заимствованы, равно и о томъ, какъ добросовѣстенъ и великодушенъ Богапыревъ? *) Но если бы меня спросили, каково же это заимъзаніе самаго Г-на Богапырева **)? Со всемъ хладнокровіемъ и правосудіемъ, не убавляя ни одного слова, я сказалъ бы: „это заблужденіе закоренълой спрасши ***).“*

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

*) Въ подлинникѣ стоить: *Рецензентъ*.

**) Въ подлинникѣ: *Рецензента*.

***) *Ignis et studium*. Бог. Поелику для Г. Богапырева Рецензентъ *Разсужденія* въ полномъ смыслѣ неизвѣстенъ, по Г. Богапыревъ и не можетъ знать, закоренълая ли это

Разсмотрѣніе новой Драммы Г.
Ганина: *Джонсѣ или добродѣ-*
тсльный Иванѣ.

Когдабъ отъ первыхъ неудачъ
Кидалъ перо худой приемачъ,
Ябъ промолчалъ свою досаду—
Но спойшъ только разъ начашъ,
А шамъ рука ужъ до упаду
Пошла писать! *)

Такъ сказалъ бы какой нибудь К. А. Ч. **) прочитавъ новую Драмму: *Джонсѣ или добродѣтельный Иванѣ*, сочиненную извѣстнымъ Е. Ѡ. Ганинымъ.. Но мы — не скажемъ того ... изъ скромности.

Самое названіе Драммы увлекаешь уже читателей, и заставляешь съ нетерпѣніемъ читать ее. Въ самомъ дѣлѣ,

спрашь въ Рецензентѣ, или новая. Посему и цитация Г. Богачырева, вмѣстѣ съ прочею бранною массою, возвращается съ перешановкою только одного слова на мѣсто другаго, а именно: *Studium et ira. P.*

*) - *Благонаимѣренный* 1821. N^o X, стр. 146.

**) *Благонаимѣренный* 1820. N° XI, стр. 361.

кому не любопытно узнать что такое Джонсъ ... или Иванъ!!

Дѣйствующихъ лицъ не много. Первое изъ нихъ: *Городское Правленіе*, второе *Прескотъ* ... Г. Ганинь—масперъ давашь имена ...

Дѣйствіе происходитъ на Антильскихъ островахъ, неподалеку отъ морскаго берега, близъ возвышенной горы, на степи Сары, (снран. 4), а Театръ представляетъ лужайку, а за ней каменную, ни телъ необрошную гору съ уступомъ. Въ право и въ лѣво, густой лѣсъ, на лужайкѣ логовище изъ сугъевъ и древесныхъ лисъевъ, у логовища двухъ лѣтъ сидитъ младенецъ и львица предъ нимъ валяется. (снран. 5)

Воображаемъ ужасъ зрителей при представленіи этой пьесы! Съ перваго явленія — львица, у двухлѣшняго логовища, валяется передъ младенцемъ! Г. Ганинь не любитъ обыкновеннаго: онъ доказалъ это своими драммами, и своимъ садомъ. Пусть Французы выводятъ на сцену собакъ и сорокъ—этого мало, чтобъ удивить и поразить зрителей; подумалъ нашъ Авторъ — взялъ перо,

махнулъ — и написалъ Драмму: *Джонсъ или Иванъ*.

Кшожь эшопъ Джонсъ или Иванъ? Онъ — племянникъ Кешля (Англинскаго купца), а прозванъ Иваномъ, планшажными работниками — вопъ все, что мы знаемъ; по какимъ же причинамъ перемѣнено его имя — извѣстно Богу, Авшору, и планшажнымъ работникамъ на Аншилскихъ островахъ, неподалеку отъ морскаго берега, близъ возвышенной горы, на спеси Сары. Любопытные мотушъ шуда адрессовашся, а мы слушаемъ что говоритъ Джонсъ, или Иванъ..

Въ первомъ явленіи онъ *выходитъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, а другою разбирая сугъя*. (Карпинное положеніе!) *Какая непроницаемая мражность, говоритъ онъ; здѣсь, я думаю отъ самаго сотворенія мира никто изъ теловѣковъ не бывалъ!*

Послѣ эшого, онъ *выходитъ на средину лужайки и устремляетъ свои глаза прямо на гору и на верьхи деревьевъ, искавъ поразить въ жертву своего желанія пернатыхъ или горныхъ дикихъ козъ, какъ вдругъ услышалъ страшный ревъ и увидѣлъ встающую львицу*. Онъ содра-

енился, ружье изъ рукъ выпало, закричалъ и стрелгавъ убѣгаетъ лъвица, обошедъ кругомъ ружье, нюхаетъ оно и поворачиваетъ, и зацѣпя за курокъ, ружье выстрѣлило, лъвица отскотила, смотритъ на него и потомъ идетъ къ младенцу. (стран. 5 и 6)

Теперь осмѣлимся спросить чипашелей, видали ли, слышали ли они хоть что нибудь подобное? И не должны ли послѣ этой Драмы исчезнуть и сороки-воровки, и собаки, и медвѣди, по временамъ являющіеся на нашемъ Театрѣ? При томъ какой слогъ! Какой разсказъ! И какая прудная роль этой лъвицы! Сверхъ того, изъ немногихъ словъ мы узнаемъ, что на Анпильскихъ островахъ, неподалеку отъ морскаго берега, близъ возвышенной горы, на спеси Сары, есть пернатыя козы, жуущія на деревьяхъ *).

Чтобъ доставить полное удовольствіе чипашелямъ и любипелямъ Драмъ Г. Ганина, мы не будемъ выписы-

*) Не правда! Прил. Изд.

вашъ болѣе, и расскажем содержаніе пьесы. Вотъ оно: Джонсъ, или Иванъ, женился на Фанни, дочери Англинскаго Купца Прескопа . . . шолько!

А львица? — Львица еще нѣсколько разъ проказничаетъ на сценѣ; мычишь, бросаешься спрѣлой, вырываетъ изъ подъ ногъ лѣспницы, смопришь во всѣ стороны, бѣгаешь съ малымъ, а попомъ съ большимъ ревомъ, скачешь, рыкаешь, и наконецъ убѣгаешь въ дремучій лѣсъ со спючомъ. Роль ея изъ самыхъ шруднѣйшихъ — оспалось желать, чшобъ для удовольствія Публики, Г. Ганинъ предспавиль эшу новую акспрису.

М. К.

В. Арх . . . повѣ.


~~~~~  
**С М Ъ С Ъ.**  
 ~~~~~

Геройство Испанки.

(Историческій Анекдотъ *).

Отрядъ Французскихъ Гусарь, состоявшій изъ 40 человекъ и одного Офицера, былъ посланъ въ окрестности Ронды для фуражированія: Невѣрный проводникъ, блуждая будто безъ умысла цѣлый день по горамъ, завелъ ихъ ночью въ одну деревню. Что бы дать отдохновеніе успалымъ лошадямъ и муламъ, навьюченнымъ добычею, Офицеръ оспался ночевать въ деревнѣ. Онъ избралъ для ночлега домъ Алькальда (старосты, или бургомистра), обнесенный высокою стѣною; разсѣавилъ кругомъ часовыхъ; объявилъ жителямъ, что кромѣ небольшого количества съѣстныхъ припасовъ и фуража, ничего отъ нихъ требовать не будетъ, и убѣждалъ ихъ оставаться спокойными. Изъ предосторож-

*) Анекдотъ сей взятъ изъ рукописи, приготовленной къ печати, подъ заглавіемъ: *Воспоминанія объ Испаніи, сог. О. Булгарина*. Многіе опривки изъ сего сочиненія были чипаны въ Обществахъ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и любителей Россійской Словесности.

носіи онъ запрешилъ всѣмъ, даже домашнимъ, выходить изъ дома, исключая одного Алькальда, который во время ночи долженъ былъ пригошовить фуражъ и муловъ для подъема онаго. Между шемъ жишели доспавили солдатамъ съ избыткомъ вина и съѣснаго, и все предвѣщало ночлѣгъ самый благопріятный. Но въ полночь вооруженные поселяне, съ факелами, окружили домъ и шребовали, чшобъ опрядъ сдался добровольно, грозя въ прошивномъ случаѣ пшурмомъ и смершію. Хотя число Испанцевъ нѣсколькими спами превышало опрядъ, ибо изъ окресныхъ мѣстъ народъ сбѣжался по первому извѣстію о непріятелѣ; но Офицеръ рѣшился защищатъся до послѣдней крайности и положилъ, если не успѣетъ на разсвѣтѣ пробиться на большую дорогу, умереть по крайней мѣрѣ съ оружіемъ въ рукахъ, безъ поруганія. Весь опрядъ былъ шого же мнѣнія; ишакъ укрѣпили вороша, сдѣлали подмосшки къ забору и начали спрѣляшь и бросашъ камнями въ осаждающихъ. Но число перевозмогало; Испанцы завалили камнями вороша снаружи, приспавили лѣспницы и гшовились къ пшурму. Чшо бы принудить ихъ рѣзойшись по домамъ. Офицеръ вывелъ на балконъ жену Алькальда съ груднымъ ребенкомъ и другимъ мальчикомъ лѣшъ двѣнадцати, и объявилъ шолпъ народа, чшо если

будушь упорствовашь и не позволяшь ему удалишься съ опрядомъ въ безопасности, по онъ немедленно предасть смерти всѣхъ проихъ. Народъ прекрашилъ спрѣльбу и оспавался въ недоумѣнїи; вогли несчастнаго опца и мужа раздавались среди безмолвныхъ поселянь; наконецъ великодушная Испанка рѣшила всѣ сомнѣнїя. Она просила позволенїя говорипь къ народу и сказала, чпо жизнь ея не должна удерживашь опъ справедливаго мщенїя и чпо она охотно приносишь себя въ жершву опечестреу. Съ симъ словомъ бросилась съ прешьяго эшажа съ груднымъ своимъ младенцемъ, а старшїй сынъ ея добровольно послѣдовалъ сему примѣру. Ужась овладѣль Французами; злоба Испанцевъ дошла до изступленїя. Они бросились, какъ опчаянные, въ окна и двери, перелѣзли чрезъ заборъ незирая на сильный ружейный огонь, и предали всѣхъ ужаснѣйшей смерти. Одинъ только Французъ, бывшїй нѣкогда дьячкомъ (sacristain), спасся опъ погибели. Онъ взлѣзь на самый верхъ кровли и началъ чипашь громогласно молишвы на Латинскомъ языкѣ. Умѣя нѣсколько поиспански, заклиналъ онъ поселянь позволишь ему предъ смершью приобщипься Св. Таинъ. Они согласились на эшо, а Священникъ, увѣрясь въ испинномъ его раскаянїи, выпросиль ему помилованїе съ шемъ однакожь условїемъ, чпо бы онъ

далъ кляпву не служивъ никогда пропивъ Испаніи и до конца кампаніи не рассказывать о семь происшествіи. Солдашъ сдержалъ слово, и я уже въ 1813 году узналъ о немъ о семь ужасномъ приключеніи во время перемирія, когда главная Французская квартира находилась въ Дрезденѣ.

Логогрифъ.

Хотя и бѣденъ я; но съ помощью иныхъ
Согласныхъ буквъ, когда по очереди, ихъ
Предъ именемъ моимъ, сначала будешь спа-
вись,
Могу довольно я вещей тебѣ представить.
Впервыя покажу воспомятаго Царя,
Который спрассию къ побѣдамъ возгоря,
Погибъ и съ войсцемъ, сраженный въ раш-
номъ полѣ;
Тамъ мужа изъ Славянъ, на Кіевскомъ пре-
сполѣ,
На коемъ онъ самдругъ, не бывъ Царемъ,
княжилъ,
Но бѣдственную смерть въ возмездье полу-
чилъ;
Найдешь ты въ древности помятый городъ
знаменистый,
Порцъ коего судамъ всѣхъ государствъ оп-
крытый

Различныхъ спранъ въ себѣ обиліе вмѣщаль;
 Увидишь кто опца и маперь поперяль;
 Чемъ кушанье у насъ нерѣдко приправляющъ;
 Куда гостей всегда заранѣ приглашающъ,
 И наконецъ найдешь чемъ кончипся война.
 Загадка ужь моя шеперь не мудрена.

Костявигб.

~~~~~

Анаграмма.

Въ Идилліяхъ меня прославили пѣвцы;
 Невинностью меня и счастьемъ населили. —

Во мнѣ спасались мудрепы

И жершвы паспушки Амуру приносили. —

Прибавлю—въ вѣкъ злашой я замѣняль дворцы;

А просто—еслибъ. вы спросили:

Я кровь соломенный да кольевь огородъ,

И шожь на оборощъ.

Толскб.

А. И.

~~~~~

Шарады .

1.

Слогъ *первый* — скопъ; мое *второе* озна-
 чаешъ

Предлогъ, родишельный падежь чшо прини-
 маешъ;

Но если *первое* съ *вторымъ* соединяшь,
То вмигъ представившя спрашилище—Ги-
гаишь!

Крѣп. Кизильская.

Птр. Кдршеб.

2.

Дешевле *первое* полшны;
Второе легче паушины;
Все не акшеръ и не поэшъ,
Но безъ него пешра нѣшь.

Толскб.

А. И.

(Логогрифъ, помѣщенный въ XIII N^o,
значишь *Ай*, съ прибавленіемъ буквъ: *л, д,*
м, н, т, и р.—Анаграмма: *Венеб.*—Шарады:
1) *тракт-Ирб*, 2) *дуб-Инка.*)

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ХІV № БЛАГОНАМЪРЕННАГО.

О подпискѣ на новія книги.

1.

Излишнимъ почишаю распросіраняться въ похвалахъ Горацію: онъ принадлежишь къ малому числу Поэшовъ, копорымъ единогласный судъ попомсхва опредѣлилъ вѣнецъ безсмертія. Юные Писатели, одаренные сильнымъ чувствомъ и пламенимъ воображеніемъ, обыкновенно предпочитаютъ всѣмъ лирическимъ Поэтамъ Горація, соединяющаго сладкозвучіе языка, піщческіе восторги и живыя картины съ утѣшительною Философіею. Но для совершеннаго выразумѣнія сего первокласснаго Латинскаго Писателя, пребывающаго, сверхъ знанія языка, глубокіе свѣденія въ Археологіи и Исторіи, также усиленные труды и большое прилежаніе. Для сбереженія времени не только учащимся, но даже и довольно сильнымъ въ языкъ Латинскомъ, также для пособій въ выразумѣніи текста, Ученые разныхъ народовъ спарались посредствомъ Кришики и Герменевшики объяснить коментаріями текста древнихъ Писателей, и Горацій былъ однимъ изъ шѣхъ,

которыя обратили на себя большое вниманіе. Желая по возможности быть полезнымъ обществу, я рѣшился пополнить недоспашокъ въ Россійской Словесности изданіемъ избранныхъ *Одъ Горация съ комментаріями на Россійскомъ языкѣ*. Въ трудѣ моемъ я руководствовался изданіемъ Польскимъ, весьма почитаемымъ знаками древнихъ языковъ. Вѣрность шекспа въ семь изданіи соблюдена, сообразуясь съ Мичерлихомъ и Варденбургомъ, а выборъ Одъ сдѣланъ по Брауншвейгскому изданію Кеппена *); и выпущены только тѣ Оды, кои по излишней вольности въ выраженіяхъ несообразны съ нравами нашими. Въ комментаріяхъ объяснены всѣ трудные выраженія и піишическіе обороты; образъ изъясненія, не весьма употребительный, приведенъ въ слогъ простой, легчайшій для пониманія; сила мыслей и выраженій отмѣчены эстетическими примѣчаніями и историческіе объясненія почерпнуты изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ. Несогласныя мнѣнія ученыхъ въ толкованіи шекспа приведены для сличенія, и причины предпочтенія, или опроверженія шаковыхъ мнѣній доспапочно изложены.

Сочиненіе сіе выйдеть въ продолженіе текущаго 1821 года, въ двухъ частяхъ, изъ

• *) *Encyclopädie der Lateinischen Classiker. Vierter Theil. Braunschweig, 1791.*

коихъ первая содержишь въ себѣ около 16 печатныхъ листовъ, на шакой почто бумагѣ и въ шакомъ формашѣ, какъ приложенный при 32 й книжкѣ *Сына Отечества* разборъ первой Оды, для лучшаго изложенія плана цѣлаго сочиненія. Подписная цѣна, безъ вѣсовыхъ денегъ, здѣсь въ С. П. бургѣ, за обѣ часши 10 рублей. Подписка принимается въ типографіи Н. И. Греча и въ книжныхъ магазинахъ брашневъ Слениныхъ и Плавильщикова.

Θ. *Булгарикъ*.

2.

Басни и Сказки Александра Измайлова съ присовокупленіемъ Опыта о разказѣ Басни и разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ (изданіе четвертое, вновь умноженное и исправленное, въ шрехъ часпяхъ, съ винъешою) уже печатающся. Въ первой часши помѣщены будущъ собспвенно такъ называемыя *Басни*, или *Апологи* (fables morales et mixtes); во второй *Притчи* и *Сказки* (fables raisonnables et contes); въ шрещей *Опытъ о Разказѣ Басни*, и проч. Первая часшь выйдешъ въ Августѣ мѣсяцѣ, а за оною по порядку и двѣ слѣдующія въ непродолжительномъ времени.—Подписка принимается: въ С. *Петербургѣ*, у самаго Сочинителя, Издашеля Журнала *Благонаимѣренный*

живущаго на Пескахъ прошивъ Бассейна въ каменномъ прехъэпажномъ домѣ Моденова подь N° 283, и у Книгопродавцевъ: Плавильщикова, Сленина и Переплещикова; а въ Москвѣ у содержателя Университетской типографіи А. С. Ширяева. Цѣна назначается самая умѣренная, а именно за всѣ при частии 10 р. въ бум.; по оппечашаніи же сей книги, каждая часть оной продававшаяся будеть особо по 5 р., а всѣ при 15 р. За пересылку прилагаешь денегъ не нужно. Для всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ училищъ дѣлаешся уснупки опъ каждого экземпляра по три рубля. Начальники, Правленія, или Содержатели оныхъ благоволяшь опношиться съ шребованіями своими къ самому Сочинишелю. Имена подписавшихся особъ припечашающся при шрешьей частии.

А. Измайловъ.

~~~~~

О выпискѣ новой книги *).

Дошли ко мнѣ приятныя и въ лестныхъ выраженіяхъ опношенія, что Драмма моя: *Любилъ*, переведенная на Французской Языкѣ, была играна въ замкѣ Маркизы Куланжъ, опъ Парижа въ 5 миляхъ, въ день

---

*) Сіе самое объявленіе напечатано въ С. П. бургскихъ Академическихъ Бѣдомосныхъ, 16 ч. Августа. Прии. Изд.

ея рожденія Французскими Акшерами, и зрители оною восхищались, а также играна была и другая моя Драмма, писанная стихами, *Валеріанъ* *) и одобрена въ Вологодской и въ другихъ двухъ Губерніяхъ. Бывъ признашелевъ къ симъ одобреніямъ, тогда же предпринялъ и написалъ я для ихъ новую Драммѣ, подъ названіемъ: *Джонсъ, или добродѣтельный Иванъ* **). Она уже напечатана, но продаваться не будетъ, а въ нѣсколькихъ экземплярахъ шуда будетъ безденежно отправлена, кромѣ почтовыхъ денегъ, коль скоро получу ихъ отношенія, а за шѣмъ сколько у меня экземпляровъ оставалось будетъ, могу служишь ими также безденежно и для охотничьихъ театровъ по другимъ Губерніямъ, и не исключая и шѣхъ, кто любишь и не любишь мои творенія, ежели разсудяшь оную имѣшь у себя:

Егоръ Ганинъ.

~~~~~

(19 Августа.)

*) *Валеріанъ* написанъ не стихами, но стихотворною прозою, также какъ *Любилъ*, *Роза*, и *Джонсъ*. Изд.

**) См. спран. 134 и слѣд. гдѣ помѣщено извѣстіе о сей новой, прекрасной и ужасной Драмѣ Г. Ганина. Она заслуживаетъ подробнаго *методическаго* разбора, и переводится уже; какъ слышно, на Французскій языкъ съ прибавленіемъ арій на голоса лучшихъ Парижскихъ Водевильей и Италіянскихъ Речитативовъ. Изд.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

АВГУСТЪ, 1821. № XV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ АРНОЛЬТОВОЙ ТРАГЕДІИ:
ОСКАРЬ.

Дѣйствіе IV, Явленіе I.

Дермидъ и Филланъ (четырёхлѣпный сынъ его).

Дермидъ.

Въ плачевныхъ сихъ мѣстахъ
Дождаться обѣщаль я вѣрнаго Карила.
Привѣщшвую себя, Фингалова могила!
Цѣль неизбѣжная ничтожесшва сыновъ,
Кровь смерти, шишины гостепрѣимный
кровь,
Ошчизна общая, о ты обитель плѣнныя,
Прими души моей усердные моленья!

Филланъ.

Кому вѣщаешь ты?

Дермидъ.

Безсмертнью въ снхъ гробахъ,
Скрывающихъ, мой сынъ, героевъ слезный
прахъ.

Филланъ.

Героевъ, кто они?

Дермидъ.

Лишь шопъ почтень снмъ савомъ,
Кшо жилъ не бывъ рабомъ, кшо жилъ не
бывъ ширвомъ —
Кшо въ шоржеснв своемъ, башнв однъ
шорокъ,
Темъ болъ былъ великъ, чемъ злй въ нему
былъ рокъ.

Филланъ.

Такъ ты герой, Дермидъ?

Дермидъ.

Гоненья и печали
На шило славное се мнъ право дали!
Съ шерпвнємъ я несъ посылые мнъ дни,
И злобные, мой сынъ . . .

Филланъ.

Родншель, кто они?

Дермидъ.

Они, гнешя людей неправедною силой,
Творятъ имъ свшлый мръ обширною мо-
глой,

Страхъ беззащитнаго, безсильнаго гроза;
 Имъ радость, порожество несчастнаго слеза;
 Они и на дѣшею ядъ злобы вливаютьъ
 И свиншромъ власшвуа, опечештва не зна-
 юшь.

Филланб.

Такъ я ихъ прежде зналъ?

Дершидб.

Мы знали ихъ всегда.

Филланб.

И злобные спрадашь не будушь никогда?

Дершидб.

Нѣшь раволь, поздно ли, но ихъ прешупны
 шѣни

Влешяшъ паровъ Леги въ убійшвенныя сѣни.

Ахъ! ими первое содѣланное зло

Въ душахъ коварныхъ ихъ мученія зажгло;

Всегда, вездѣ, мой сынъ; они ему подвласшны.

Филланб.

Родишель! какъ должны бышь злобные не-
 счасшны!

Дершидб.

Объ нихъ жалѣю я...но сонъ въ швоихъ очахъ.

Гдѣ можешъ шы уснушь, мой другъ...

Филанб (указывая на гробницы).

На сихъ гробахъ.

Не покидай меня...

Дерлидб.

Мой сынь... онъ засыпаешъ...

Одна пощель и сонъ и смершь соединяешъ!
 Покой на камнѣ семъ, подѣ камнемъ симъ
покой,

Вездѣ.. но не въ душѣ, снѣдаемой поской—
 Въ душѣ, копорая несчасье и напасши
 Умѣешъ побѣждашь, но упомишь не въ власши.

Я. Ростовцовб.

~~~~~

КЪ КАЛЬПУРНИЮ *).

Ты говоришь, Кальпурній милый,
 Чшо наше счастье на земли
 Есьть щолько призракъ легкрылый,
 Едва мелькающій вдали?

*

Мой другъ! мы слишкомъ прихопливы:
 Желаньямъ нашимъ нѣшъ конца;
 Но всѣхъ ли замыслы кичливы
 Ведущъ опъ плуга до вѣнца?

*

Я самъ, ты знаешъ, опъ Форшуну
 Умѣль немногое снискашь,
 Одно—искусство лирны спруны
 Моей игрой одушевляшь.

*

---

*) На заданные слова: *Любовь и Дружба.*

Я самъ равно знакомъ съ нуждою;
 Далекъ ошъ славы и чеспей;
 Живу подъ кровлею простою
 Опшельникомъ мѣрскихъ запѣй.

*

Но я обрѣлъ всему замѣну
 Въ *Любви* и *Дружествѣ* свяпомъ;
 Посшигнулъ ими жизни цѣну;
 Теперь у Счасшья подъ крыломъ.

*

Ищи погожь—увидишь вскорѣ,
 Чшо ропощъ твоя несправедливъ;
 Не вѣришь мнѣ—чишай во взорѣ
 У Деліи, сколь я счасшливъ.

Аркадинъ.

~~~~~

ХЛОЯ И МОТЫЛЕКЪ.

(Подражаніе Борду.)

Въ спранѣ весны благословенной,
 Подъ сѣнью опческихъ лѣсовъ,
 Въ долину шихой, опдаленной
 Ошъ шума пышныхъ городовъ,
 Ошъ скуки и суешъ всечасныхъ,
 Вдали сѣшей Любви опасныхъ,
 Невинность—Хлоюшка цвѣла—
 И съ нѣжной маперью вела
 Теченье дней спокойныхъ, ясныхъ

И сполькожь, какъ она, прекрасныхъ.
 Сокрышая опъ чуждыхъ глазъ
 Забошливымъ ея раченьемъ,
 Пишала Хлоя умъ ученьемъ,
 Не зная роскоши заразъ—
 И какъ росу цвѣшокъ душистый,
 Пила прохладу, воздухъ чистый,
 Здоровьемъ, свѣжестью цвѣшя,
 Природы милое дитя.
 Румянецъ на щекѣ прелестной
 Пылалъ спыдливости зарей,
 И лести ядъ, другимъ извѣстной,
 Не доходилъ до слуха къ ней.
 Родясь бышь украшеньемъ свѣща,
 Одна лишь Хлоя, въ эпи льща,
 Не знала красоты своей—
 Не знала, естъ ли сердце въ ней.

Въ тѣни знакомыхъ ей кушочковъ,
 Гдѣ свѣшлый плещеть ручеекъ,
 Красавица, набравъ цвѣточковъ,
 Плела для праздника вѣнокъ—
 Равняя нѣжную лилею,
 Иль розу, сорванную ею,
 Къ лилеямъ, розанамъ своимъ,
 И въ шокѣ улыбаясь имъ.
 На яркомъ солнышкѣ блистая,
 Вершляный, рѣзвый молылекъ
 Кружился въ воздухъ порхая
 Предъ ней съ цвѣшочка на цвѣшокъ,

Заботъ и опдыха не зная.
 Все, все невѣрнаго влечешъ,
 Все радости ему гоповишъ,
 Вездѣ онъ былъ—нигдѣ полешъ
 Воздушный свой не оспановишъ.
 Тупшъ свѣжесшью плѣненный льнешъ
 Къ фіалкѣ скромной и спыдливой,
 И пушъ же наслажденье пьешъ
 На ловѣ аспры горделивой.
 Всегда присшраспный къ новизнѣ,
 Привикъ онъ къ снѣжной бѣлизнѣ
 Роскошной, пышной пуберозы—
 И вдругъ перепорхнувъ лѣсокъ,
 Ужъ онъ цѣлуешъ юной розы
 Едва развернушый шипокъ.
 Живой, блестящій легкокрылой,
 Въ самомъ непоспоянспвѣ милой,
 Удѣла Флоры власпелинъ,
 Ему забава—мигъ одинъ.
 Нашель одно, и въ пожь мгновенье
 Помчался далѣ за другимъ.

Дѣвица смопришъ въ изумленьѣ
 И взоромъ слѣдуешъ за нимъ.
 Гордясь собою Сильфъ прелеспный,
 То пурпуръ опольешъ чудеспный,
 То вдругъ лазурью ослѣпишъ,
 То вдругъ въ одно сїянье слишъ,
 Но двинувъ крылья золошья,
 Вновь сыцлешъ радуги живья...

Охопа Хлои велика
 Поймашь красавца—мопылька;
 Въ груди невольно препенанье:
 Ахъ! это первое желанье,
 Желанье первый вздохъ родить.
 Съ свободной легкостію Грацій
 Черезъ лугъ, черезъ кусты акацій
 Къ прелестному опа спѣшишь—
 Но рѣзвый Хлоѣ не даешся,
 Она къ нему, а онъ опъ ней,
 Та быспро, онъ еще быспрѣй,
 И далъ, далъ все несешся,
 Невѣрный продолжая пушь,
 Захочешь сѣспь и отдохнушь.—
 Дѣвица глазъ съ него не сводишь,
 Удерживаешь робко духъ,
 Тихонько крадешся, подходишь,
 Лишь руку просянула—вдругъ
 Взвился онъ вверхъ, и безопасень:
 Бѣдняжки Хлои прудъ напрасень!
 Но чпожь? Она не опспаешь:
 Всегда въ обманѣ и надеждѣ,
 Еще прилежнѣе, чемъ преждѣ,
 Слѣдишь его и спережешь.
 Вошь вѣпренникъ оспановилсѣ,
 Жонкиль увидѣль и спушилсѣ,
 И съ поцѣлуемъ мопылька
 Унылый, блѣдный видъ цвѣрка
 Въ мигъ ожилъ—мопылекъ тлѣнилсѣ.
 Ужь Хлоя близко, въ двухъ шагахъ—

А онъ недвижимъ, позабылся,
 И ахъ! ужъ онъ у ней въ рукахъ.
 Несчастный рвешся, бьешъ крылами
 И молишъ нѣжными словами,
 Чшобъ избѣжаешъ неволи злой:
 „Не будь жестока, мила Хлоя!“
 „Спыдись побѣды надо мной,
 „Зачшо лишаешъ меня покоя?
 „Рѣзвясъ, я данъ плачу веснѣ:
 „Мнѣ слава — крылышки однѣ,
 „Богашшво—песшроша узора,
 „Удѣлъ мой—нрависься для взора,
 „Все чуждо въ свѣшѣ для меня,
 „Свобода ешъ мое желанье,
 „И все мое сущешвованье—
 „Забава одного лишь дня.“

Умильно съ шайнымъ сожалѣньемъ
 На плѣнника она глядишъ,
 Душа ея полна смущеньемъ;
 Плушишка, вырвавшись, лешинъ:
 Вздыхаешъ Хлоя, съ нимъ прощаешъ,
 И благодарный мопылѣкъ,
 На локонъ ея качаешъ,
 Даетъ красавицѣ урокъ:
 „Одна въ прелесшной сей долинѣ,
 „О Хлоя! ты проводишъ нынѣ
 „Въ безпечномъ счастшии возрастѣ свой.
 „Но годы прилепяшъ другіе,
 „Просшите, игры дорогія!

„И—шы увидишь свѣшь иной:
 „Тамъ нѣкшо встрѣшишся съ побой,
 „Какъ я блестя своимъ убраншвомъ,
 „Какъ я играя поспояншвомъ,
 „Какъ я, съ цвѣпочка на цвѣпокъ
 „Порхаешь онъ ошъ милой къ милой:
 „Вооружись разсудка силой
 „Противъ приманки пуспошы!
 „Когдажь тебѣ побѣда лесшна,
 „И слава льспишъ изъ подшипка:
 „Подумай, Хлоюшка прелесшна,
 „Ахъ! шы поймаешь—мопылька.“

Толскѣ.

А. Иллитевскій.

ОДИНОЧЕСТВО.

Элегія.

Какъ часшо на горѣ, въ шѣни дубовъ вѣшь-
 висныхъ,
 Сижу уныль передъ закашомъ дня;
 Блуждаю взорами въ лугахъ, поляхъ роси-
 спныхъ:
 Ихъ красоша разкрыша вокругъ меня.

*

Рѣка, клубясь волной въ долину благовонной,
 Израилой въ шуманну даль печешъ;
 Тамъ смолкло озеро съ своей водою сонной;
 Звѣзда, какъ гощъ, на небеса идешъ.

*

А шамъ на шемъ горъ, одѣшыхъ мрачныхъ
 лѣсомъ,
 Послѣдній лучъ украдкою блесшишь.
 Царица сумрака, подъ дымнымъ вокругъ на-
 вѣсомъ
 Идешъ въ лазурь—и небосклонъ сребришь!

Вдали священный звукъ изъ сводовъ башни
 древней
 Разносятся въ окрестности нѣмой,
 И сельскій колоколь, одинъ въ пищи вечерней,
 Бесѣдуешь задумчиво со мной.

*

Природы красота въ душѣ моей унылой
 Вновь радостей бывалыхъ не родишь:
 Какъ пѣнь, скипаюсь я въ юдоли сей по-
 спылой—
 Ахъ! солнца лучъ умершихъ не живишь!—

*

Наврасно взорами блуждаю одинокій
 Съ холма на холмъ, съ востока на за-
 кашь;
 Смопрю задумавшись на небосклонъ далёкій:
 Не встрѣшишь мнѣ блаженства милый
 взглядъ!

*

Чертоги пышные, и жижины просныя,
 И неба сводъ, и прелесть мирныхъ сель—
 Меня не усладяшь всѣ радости земныя:
 Одной здѣсь нѣшь—и мѣръ весь опустѣлъ!

*

Горишь ли неба сеодъ, иль сумракъ ночь
 приводитъ —
 Здѣсь ко всему взоръ равнодушенъ мой!
 Пускай свѣшило дня восходишь и заходишь:
 Чего мнѣ ждашь въ обители земной?...

Но, можешь быть, есть край за синевою
 дальней,
 Гдѣ свѣшь ясный, на небесахъ другихъ.
 О еслибъ я возмогъ совлечь покровъ печальной
 И возпарить къ предмету думъ моихъ!

*

Тамъ усладилсябъ я испочникомъ желаннымъ,
 Тамъ вспрѣшилъ бы надежду и любовь,
 Съ блаженствомъ сладостнымъ давно душою
 жданнымъ —
 И съ жизнію я примирилсябъ вновь!...

*

Почто я не могу, взнесясь къ возницѣ свѣша,
 Лепъшь къ тебѣ въ прозрачный перемъ
 швой:
 Къ чему мнѣ на землѣ скипаться безъ при-
 вѣша?
 Ужь не дышу я жизнію земной! ...

*

Лисшь съ дерева падешь, и вѣсперь пробуж-
 денный,
 Схвативъ его, несешь подъ небоскломъ:

И я какъ листь сухой, землю опчужденный—
Умчижь меня, о бурный Аквилонъ!....

Сб Франц. В. Григорьевб.

НАДГРОБИЕ

К. И. Веселовой.

Любезность, молодость, краса—все было
въ ней—

Все было и цвѣло, увь! немного дней.

Въ Гименъ счастливомъ едва вкусила радость,
Рокъ положилъ предѣлъ — и гдѣ краса? гдѣ
младость?

Супругъ! передъ побой всего драгаго—прахъ!

Исчезло все—любовь свѣтиленикъ погасила,

Надежда скрылася и якорь преломила,

Лишь вѣра вѣчности указываетъ прагъ:

„Упѣшься! говоришь—умѣрь души спрданья,

Талиб — разлученнымъ здѣсь—наспунишь часъ
свиданья.

Толскб.

А. Иллитевскій.

МАДРИГАЛЬ.

Ты всѣ дары боговъ въ себѣ соединяешь:
 Умомъ, любезностшю и взоромъ насъ плѣняешь;
 Съ побой—и воздухомъ прияшнѣ дышатьъ;
 Блаженство слѣдуешь повсюду за тобою.—
 Мнѣ чужды всѣ дары но счастливъ я
судьбою,
 Коль милую могу всею сердцемъ обожать.

О. С . . . ъ.

НАКАЗАННОЕ ЛЮБОПЫТСТВО.

Чудесь довольно въ поднебесной;
 Одно изъ нихъ и я узрѣлъ:
 Я видѣлъ огонь въ глазахъ прелестной
 И мальчика съ колчаномъ спрѣлъ.

*

Опасности не предспавляя,
 Я ближе къ милой подхожу,
 И чудо разсмотрѣшь желая,
 Ей приспально въ глаза гляжу.

*

Тутъ искры ярче засверкали;
 Крылашый мальчикъ задрожалъ;
 Колчанъ и лукъ изъ рукъ упали;
 Онъ мнѣ бѣдняжка жалокъ спалъ.

*

Но вдругъ безъ спрѣль онъ самъ пустился
 Спрѣлой каленой въ грудь мою;
 Съ шѣхъ поръ я въ чувспвахъ измѣнился:
 Былъ холоденъ — теперь горю.

Казань.

Съ Франц. Ф. Рьндовскій.

~~~~~

СМЕРТЬ.

Смерть каждого въ дорогѣ наспигаешь:
 Къ ней юноша съ веселиемъ идешь;
 Старикъ ее, какъ шѣни, убѣгаешь;
 Сстрашишься — злой; а мудрый въ мирѣ
 ждетъ.

П. с. р. вб.

~~~~~

ИСТИНА.

Мы помнимъ зло всегда вездѣ,
 Благодаренія не узнаемъ и вида.
 На мѣди рѣжешся обида;
 Добро черпишся на пескѣ.

В. Т.

~~~~~

ЭПИГРАММА.

Его творенье скукой дышешь,
 На бѣдныхъ насъ наводишь сонъ;
 Не говорю, зачемъ онъ пишеть—
 Но для чего читаешь онъ?

В.

~~~~~

ПИСЬМА КЪ М. И. Г. О ЛУНѢ.

Письмо I.

Все, что вамъ, правнися и что васъ
 занимаетъ,
 Всегда предметъ моихъ занятій соста-
 вляетъ

Нѣсколько уже разъ говорили вы
 мнѣ о привязанности вашей къ Лунѣ;
 признаюсь вамъ, что и я изъ числа ея
 обожателей — и подлинно что можетъ
 быть прелестнѣе,

Когда явившись надъ попокомъ,
 Надъ коимъ лѣсъ дремучій спишь,
 Она влюбленнымъ, спроснымъ окомъ

Сквозь сѣшки древнихъ ивъ глядишь;
 И лучъ дрожащій осребряешь
 Волнисты кудри паспушка,
 Иль въ зеркальномъ ручѣ играешь,
 Рисуя образъ рыбака.

Съ шѣхъ поръ какъ я узналъ, что
 вы иногда наблюдаете за Луной, самъ
 спалъ внимательнѣе къ ея прелеспяиъ;
 лесная надежда, что наши взоры встрѣ-
 шаяся на этомъ свѣшилѣ, заспавляютъ
 меня часно на него посмашривать.

Надеждой сладкою пишаясь
 Вашъ милый взглядъ на ней поймашъ,
 Опъ шума свѣша удаляясь,
 Я ухожу къ Лунѣ мечшашъ.—
 Тамъ все, боязнъ что заспавляетъ
 Мнѣ иногда опъ васъ скривашъ,
 Луны свѣщъ помный ободряешь
 Безъ спраха громко разсказашъ.

Напримѣръ, помните ли, когда вы
 мнѣ сказали, что вамъ нравишя пра-
 вило Меншора касашельно любви? — Вы
 говорили, что онъ справедливъ, совѣ-
 шуя намъ удаляшся опъ этой спра-
 сши, бѣжашъ опъ нее, какъ опъ заразы,
 и не оглядывашся на прошедшее.

Какъ могъ тогда я спорить съ вами?—
 Мнѣ было больно—я молчалъ;
 Но эпошь разговоръ межъ нами
 Лунѣ я пошчасъ разсказалъ—
 Твѣрдилъ, что Меншоръ судишь ложно,
 Что эпого не можешъ бышь,
 И клялся ей, что не возможно
 Мнѣ никогда васъ позабышь.

Это милое участіе, которое Луна
 принимаетъ въ нашихъ мученіяхъ, по-
 вѣрьте мнѣ, есть главная причина на-
 шей къ ней привязанности. Кромѣ эпо-
 го, въ природѣ человѣка есть склон-
 ность къ шайншвенности; а что мо-
 жешъ бышь шайншвеннѣ Луны? Самое
 появленіе ея въ міръ имѣешъ причиною
 шайншвенность. Я вижу въ ней Діану,
 которая оставляя горніе чертоги, съ
 шрепешомъ въ сердцѣ, съ воздымающею-
 ся опъ боязни грудью, идешь въ священ-
 ный часъ полуночи на свиданіе съ нѣж-
 нымъ своимъ Эндиміономъ; останавли-
 ваешся надъ миршевою рощею—сходишь
 съ очарованной своей колесницы и эфир-
 ния ея шпопы едва касающся до спыд-
 ливаго чела душистыхъ ландышей и фіа-
 локъ. Эндиміонъ, на дерновой скамьѣ,

удерживая дыханіе, прислушивается къ малѣйшему шороху; каждый нескромный поцѣлуй непостояннаго супруга Флоры кажется ему воздушнымъ шептвемъ его возлюбленной.

И страстная свирѣль вздыхаетъ
 Подъ легкою его рукой,
 И эхо въ роцѣ нарушаетъ
 Природы сладоспный покой.

Діана находитъ своего любезнаго, и спраданія вѣрнаго паспушка забыты имъ.

Вчера пригошова къ вамъ эшо письмо, пошелъ я въ намѣреніи подсперечь Луну, и признаюсь вамъ, что никогда не казалась она мнѣ такъ прелестна. Мысль, что я буду описывать ее для васъ, придавала ей неизъяснимое очарованіе; я разсмошрѣлъ ее совершенно.

На небѣ свѣшло-голубомъ,
 Какъ дѣва юная въ долинѣ,
 Сидишь опершись локошкомъ,
 Иль въ нѣжной цвѣтника куршинѣ.
 Гдѣ роза, лилія, нарциссъ
 Вокругъ прелестной разцвѣшали —
 Такъ звѣзды вокругъ Луны вились,
 Какъ бы вѣнецъ ей соспавляли.

Изь облакъ флеровыхъ покровъ
 Кругомъ чела ея взвѣвался,
 И помный лучъ изъ облаковъ,
 Скользя въ украдкой, разспилался.

Ежели вы найдете описаніе мое
 почнымъ, и оно заслужитъ одобришель-
 ную улыбку вашу: то я буду продол-
 жать мои къ вамъ письма, хотя и не
 имѣю генія Поэта; но

Коль силою любви чудесной
 Для смершной жишель неба праль *).
 То какъ для М ... небесной,
 Чтѣбъ я на лирѣ не играль?

Сверхъ того я имѣю утѣшительную
 надежду,

Чшо вы, приближившись къ окну
 При кропкомъ къ вамъ мелькнувшемъ
свѣшѣ,
 Взглянувъ на милую Луну,
 Воспомнише и о Поэшѣ.

Вл. Дмитриевъ.

*) Геркулесь, будучи влюбленъ въ Омфалу, праль
 въ ея угожденіе съ ея прислужницами.

ПРИЗНАКИ СУПРУЖЕСТВА.

Повѣсть.

(Окончаніе.)

„Такъ уединенны, любезная Графиня!“ сказала Оберъ—Каммергеръ съ удивленіемъ, вошедши въ ея комнашу.

— Господинъ Вельшь уѣхалъ въ городъ, ошвѣчала Графиня. Онъ будешь весьма жалѣшь, когда услышишь, что вы были здѣсь безъ него.

Оберъ-Каммергеръ сѣлъ подлѣ нея. Онъ удивлялся порядку въ домѣ, красота комнашъ и наконецъ карпинамъ, висѣвшимъ на стѣнахъ.

— Мужъ мой былъ знашокъ; собраніе карпинъ, осщавленное имъ, показываешь вкусъ его. —

„Есть другія вещи, копорыя еще болѣе показывающъ его вкусъ, сказала Графъ улыбаясь и поцѣловалъ ея руку. Но онъ былъ удивительный человекъ, имѣлъ причуды, копорыя не оставляли его до гроба: што доказываетъ его завѣщаніе.“

Графиня смотрѣла на него съ удивленіемъ. Оберъ-Каммергеръ, казалось, не примѣчалъ того и продолжалъ. „Въ ваши лѣта спсаться вдовою! Это могло придти въ голову одному только спарому, ревнивому мужу, кошорый и по смерпи хочеть еще мучить свою супругу. Онъ забыль, какъ слабо сердце въ ваши лѣта.“

Графиня опустила глаза и покраснѣлась.

„Сколько мнѣ извѣстно, Г. Вельшь давно уже знакомъ съ вами?“

Уже болѣе прехъ лѣшь — опвѣчала Графиня съ примѣшнымъ замѣшательствомъ.

„Онъ блиспаль своими познаніями и своею любезноспію при Дворѣ, продолжалъ Оберъ-Каммергеръ съ значительною улыбкою; но уже около года не сущесівуеть болѣе ни для Двора, ни для свѣша. Какъ возможно не забышь съ нимъ прихошей спараго мужа, кошорой давно уже въ могилѣ!“

Графиня часъ отъ часу приходила въ большее замѣшательство.

„Для чего не опкровенны вы со мною?“

сказаль онъ шихо, и взяль ее за рѹку. Ваша шайна извѣсна уже всѣмъ; для чего вы хошите скрышь ее отъ меня? "

Графиня испугалась и вскочила. — Возможноли? вскричала она прерывающимся голосомъ. — Не уже ли старикъ — о Графъ! Чшо вы знаете? — Чшо такое извѣсно всѣмъ? —

„Вѣрьте, Графиня, что я честный человекъ, сказалъ Графъ съ чистосердечнымъ видомъ. Я не хочу ничему вѣришь, что я ни слышалъ, что ни видѣль. Наслаждайтесь спокойно темъ, что вы довольно дорого купили двумя годами непрерывныхъ пожертвованій. Но, любезная Графиня, у меня есть дѣши, кошорья можете бышь нѣкогда будущъ жадоваться на снисходительность ихъ отца. Эшо побуждаешъ меня исполнить обязанности родителя. Другой на моемъ мѣстѣ попребоваль бы шеперь. — Онъ предложиль бы доказательства, на кошорыхъ основываешся его шребованіе; но я щажу ваше сердце и почилаю вашу шайну. Другъ молчишь и одинъ отецъ васъ просишь.“

— Ахъ! вскричала Графиня, и слезы

попились у ней ручьями, чего хошите вы опъ меня? —

Оберъ-Каммергеръ вынулъ изъ кармана бумагу. „Вы знаете, Графиня, продолжалъ онъ спокойно, что всѣ мои помѣстья въ закладѣ. Вашъ супругъ оставилъ вамъ большое имѣніе; я молчу объ его завѣщаніи, изъ котораго не сдѣлаю никакого употребленія; но не хочу лишиться дѣшей моихъ того, чего я спольхошно себя лишаю. Подпишите эту бумагу, любезная Графиня. Вы примете чрезъ то на себя часть долговъ, сдѣланныхъ мною на службѣ, и шайна навѣки останешся между нами.“

Онъ пошелъ къ письменному столу и подаль ей перо.—Графиня оправилась.

— Смѣю просить васъ, сказала она спокойно, предсавить мнѣ доказательства, на которыхъ основывающся ваши догадки? —

„Къ чему это? спросилъ онъ съ улыбкою. Впрочемъ, если вы непременно этого хошите, то правительство можетъ сообщить вамъ въ скоромъ времени.“

— Правительствво? — спросила Графиня испугавшись.

„Вы знаете неизбежные слѣдствія судопроизводства. Васъ позовутъ въ судъ. Это конечно, только одна форма; но она весьма неприятна. Вы должны будете явиться, должны будете присягнутьъ.“

— О Боже!—вскричала Графиня прерывающимся голосомъ.

„Вы присягнете, продолжалъ хладнокровно Оберъ-Каммергеръ, и будете спокойно владѣть вашими помѣстьями.“

Графиня поспѣшно схватила перо.— Ваши дѣти не должны ничего перясть— сказала она съ жаромъ, и подписала. Оберъ-Каммергеръ принялъ отъ нея бумагу, поцѣловалъ руку и весело съѣлъ въ карешу.

На другой день возвратился Вельшь.— Намъ измѣнили!—вскричала Графиня и со слезами бросилась въ его объятія.

„Измѣнили?“—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Старый Священникъ все разболталъ—сказала Графиня.

„Какъ это можетъ быть? возразилъ

Вельшъ. Уже болѣе девяши мѣсяцовъ смерть приковала ему языкъ.“

Графиня удивилась. Она рассказала ему о носѣщеніи Графа, о томъ, что онъ говорилъ, и о бумагахъ, копорую она подписала.

„Это обманъ! вскричалъ Вельшъ. Онъ напалъ на васъ въ расплохъ, но не долго будешь наслаждаться шоржествомъ своимъ. Съ сими словами побѣждалъ онъ изъ горницы, велѣлъ осѣдлать лошадь и поскакалъ къ Оберъ-Каммергеру. Графъ вспрѣшился съ нимъ на лѣстницѣ.

„Только одно слово, Графъ, вскричалъ Вельшъ; но я хотѣлъ бы эшо слово сказашъ вамъ наединѣ.“

Графъ (дружески). Позвольте и мнѣ сказашъ вамъ одно слово: шеперь время обѣдашъ. Будьте нашимъ госнемъ. Онъ повель егѣ въ горницу.

„Графъ! продолжалъ Вельшъ, вы обнаружили вчера Графинѣ ваши догадки, кошорыя касающя меня ...“

— Точно шакъ, прервалъ Графъ, мнѣ объ эшомъ сказали; я сказалъ Графинѣ, и шакимъ образомъ все опкрылось. —

„Но чѣмъ, спросиль Вельпъ, можете вы доказать эти догадки?“

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ сполы, сказалъ Оберъ-Каммергеръ — кушанье уже готово, продолжительный нашъ разговоръ можетъ показаться страннымъ, а вы вѣрно не захопите дасть повода къ новымъ догадкамъ. —

Наклоненіемъ головы изъясиль Вельпъ свое согласіе. „И такъ послѣ сполы!“ — сказалъ онъ уже гораздо тише. Оберъ-Каммергеръ отвориль дверь въ споловую и повель его къ женѣ своей.

Съ ними съли за споль два сына Графа. Младшій, любимецъ мащери, въ продолженіи обѣда подлѣзь подъ споль и повидсь на ногахъ Оберъ-Каммергера.

Графъ нѣсколько разъ съ видомъ неудовольствія поднималъ свои ноги, чпобъ освободипся отъ мающки; но онъ со всею силою уцѣпилься за него рученками. Наконецъ Оберъ-Каммергеръ отшолкнуль его отъ себя, и дпшя со слезами уцало къ ногамъ своей мащери.

— Эпощъ мальчишка часъ отъ часу болѣе балуешся! — вскричалъ Оберъ-

Каммергеръ. Мать опирала слезы съ лица малюпки. „Бѣдненькой не ушибь ли онъ шебя?“

— Прощай, прощай ему всё, сказала Графъ, и ты увидишь что изъ него выйдеть. —

„Не тронь его — опвѣчала мать, попрепавъ сына по щекѣ—пустишь ро-спешь онъ на свободѣ, какъ дерево въ полѣ. Такимъ почно Жанъ-Жакъ хочешь видѣшь своего воспитанника.“

— Но онъ долженъ бытъ со време-немъ Каммеръ - Юнкеромъ, вскричалъ отецъ; а ты дѣлаешь изъ него какого нибудь Жанъ Жака, кошорый едва ли го-день и въ придворныя конюхи. —

„Когда дѣши выроспушь, сказала она холодно, тогда свое дѣло будешь предспавишь ихъ ко Двору; эно ты раз-умѣешь: но не мѣшайся въ ихъ воспи-паніе, ежели не хочешь, чтобъ нѣжные распѣнія увяли прежде времени.“

Оберъ - Каммергеръ замолчалъ, и съ примѣшною досадою смотрѣлъ въ ша-релку; а Графиня долго еще говорила о хорошихъ качествахъ ея дѣшей и о ширанствѣ отцевъ, которые не имѣ-

юшь никакого понятія о воспитаніи. Буря мало помалу утихла. Наконецъ вспали изъ за сполы. Вельшь съ неперпѣніемъ напомнилъ Графу о его общаніи, и они пошли въ кабинетъ.

— Господинъ Вельшь! сказалъ Оберъ-Каммергеръ улыбаясь и прося его садиться, женашь ли я? —

Вельшь смолрѣлъ на него съ удивленіемъ. „Не знаю, Графъ, что значить эшошь вопросъ?“

— Вы не были свидѣтелемъ нашей свадьбы; вы не провожали насъ къ олтарю: но сдѣлайте милость, скажите, почему вы знаете, что я женашь? —

„Мнѣ очень странно, что вы меня о томъ спрашиваете. Мнѣ сказали...“

— И вы эшо принимаете за доказательство? —

„Вы приводите меня въ замѣшательство; я зналъ эшо прежде, нежели имѣлъ честь васъ видѣть; а теперь собственные глаза мои въ томъ меня убѣждаютъ.“

— Чшожь такое вы замѣшили? —

„О ешь много бездѣлицъ, копорыя открываютъ намъ эшу связь. Супруги

гораздо опкровениѣ между собою; не такъ заботливо выбираютъ выраженія, когда говоряшъ другъ съ другомъ; иногда бываюшъ несогласны въ правилахъ воспитанія, *и прочее тому подобное.*“

— Такъ точно, продолжалъ Оберъ-Каммергеръ, огонь первой любви угасаетъ; но искренняя дружба соединяетъ супруговъ, и они живутъ вмѣстѣ, не смотря на нѣкопорыя несогласія и холодности. Мужья распочаюшъ учшивости другимъ, а съ женами своими позволяюшъ говорить кому угоднѣ; идушъ задумчиво впередъ и не думаюшъ о томъ, что жены плещуся за ними сзади, *и прочее тому подобное.* —

„Господинъ Оберъ-Каммергеръ! сказалъ Вельшъ съ замѣшательствомъ, вы представляете картину въ самыхъ мѣлкихъ чертахъ ея. Но позвольте напомнить вамъ, что мы опклонились опъ собственной цѣли нашего разговора.“

— А я думаю, что мы приближились къ ней—сказалъ Оберъ-Каммергеръ. Онъ подошелъ къ бюро и вынулъ бумагу. Не поспудитесь ли вы доставить это Графинѣ? Вы можете прочесть эту

бумагу. Она содержишь подтвержденіе моего обѣщанія. Вы увидите, что я опцказываюсь опъ всѣхъ моихъ видовъ по завѣщанію. —

„Графиня будешь удивляться вашему великодушію; но она вчера подписала бумагу, копорую хочешь получишь обрашно.“

— Получишь обрашно? Такъ прошу и васъ возвраишь мнѣ мою. — Но Г. Вельшь, вы нынѣ совсемъ опспали опъ Двора. Знаете ли, что шамъ на это обращають вииманіе? Распускаяють шолки, дѣлають разные догадки. Вы возродили въ нѣкопорыхъ домахъ ревность, Г. Вельшь; эщо конечно для васъ не много значишь; но предостерегаю васъ, любезный другъ; враги ваши не могли ничего сдѣлать вамъ, старающся опспишь эщо на Графинѣ. —

„Возможно ли?“ спросиль Вельшь съ удивленіемъ.

— Меня принуждають основать на сихъ догадкахъ шяжбу. До сихъ поръ я не приспупаль еще ни къ чему, и шолько сообщилъ Графинѣ свои опасенія.... Духовный судъ можетъ пошребовать опъ нея присяги. —

Вельшь съ ужасомъ смопрѣлъ на бумагу. — „Я опдамъ Графинѣ опказъ вашъ опъ наслѣдства.“ — сказала онъ и вспаль.

— Ну! а если она захочешъ взять свое обязашельство назадъ? возразиль Оберъ-Каммергеръ, улыбаясь. Оно лежишь вонъ шамъ между бумагами. —

„Г. Оберъ-Каммергеръ! Графиня не захочешъ уступить вамъ въ великодушii. Имѣнiе свое получила она опъ супруга, котораго имя вы носите, и я увѣренъ, что она съ удовольствiемъ употребить часъ сего имѣнiя на то, что бы поддержать блескъ его фамилии.“

Вельшь проспился учшиво съ Графомъ, который проводиль его до нижней ступени крыльца.

— А пророс! мнѣ сказывали, что вы собираешесь ѣхать путешествовать? — спросиль Оберъ-Каммергеръ, когда они сходили съ лѣсницы.

„Такъ точно, опвѣчалъ Вельшь, и можешъ бышь очень скоро. Я поѣду провожать Графиню, которой хочешся пожить нѣсколько времени въ лучшемъ климатѣ.“

— Не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете въ вашемъ путешествіи весьма много полезныхъ и любопытныхъ наблюдений. Напримѣръ: вы конечно замѣтите, что нѣтъ ничего легче какъ узнать Испанца по его лѣноспии, Англичанина по его гордоспи, Француза по его легкомыслию, Нѣмца по спраспи къ подражанію: но, любезный другъ, позвольте мнѣ сообщить вамъ одно *мое* замѣчаніе—продолжалъ онъ и оспановиль его на лѣспницѣ—когда вы въ Лондонѣ, или Мадридѣ, увидише мужчину, кошорой сидишь прошивъ дамы, и дама уронишь свой вѣеръ, а онъ не бросишься подняшь его, и когда онъ будетъ разсуждашь о ученыхъ манеріяхъ, а дама зѣвашь—то, повѣрьте моему слову, эшопъ мужчина и эша дама—мужъ и жена. —

Г. Вельшь сѣлъ на лошадь.

Поѣзжайте скорѣе — сказала Оберъ-Каммергеръ, улыбаясь—галопъ вашъ обманеть нашихъ сосѣдей, кошорые всегда возвращающяся домой къ женамъ своимъ шагомъ.

Вельшь засмѣялся и далъ лошади шпоры. Оберъ-Каммергеръ удовольствовалъ заимодавцевъ и опянь возвратилъ ся ко Двору.

Съ Нѣм. Сословинб.

МОЛОДЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ.

Повѣсть *).

Москва *разсадникъ* липшерашоровъ, сказалъ....положимъ N. N.—Эшо выраженіе мнѣ очень понравилось; къ помужь я люблю липшерашоровъ—эшо моя слабость. Мнѣ пакъ много наполоковалъ объ нихъ мои сеспры, спрашныя любительницы чшенія, и копорымъ я вѣрилъ болѣе, нежели самому себѣ, пошому что сеспры мои были милыя, благовоспишанныя, крошкія дѣвушки; но и

*) Сочиненная на слѣдующіе заданныя слова: *разсадникъ*, *женухъ*, *дѣдъ*, *дилижансъ*, *студенты*, *статіе*, *рожа*, *Англія*, *Аспазія*, *Малороссія*, *Россомаха*; *ведро*, *союзъ*, *гусары*.

мѣли привычку щипать меня и спавишь на колѣни, если я въ чемъ нибудь прекословилъ. Какъ имъ не вѣрить?

Прошлаго года я былъ въ Москвѣ. Не думаю, чшобъ для чипашелей нужно былъ знать зачемъ я былъ тамъ. Это скучная исторія. Меня хопѣли женишь тамъ на дѣвушкѣ, кошорую я опроду не видалъ, и кошорая, какъ увѣряли меня, все имѣешь—но кошорая и не взглянула на меня, когда ей объявили, что Пешербургскій женихъ приѣхалъ.... Я узналъ причины этого убійственнаго равнодушія опъ кухарки, кошорая въ случаѣ нужды исправляетъ должностъ горничной: „мальчикъ рябъ и малъ росшомъ!“

Миѣ опказали, и я долженъ былъ ѣхать въ Пешербургъ къ величайшей досадѣ моего дѣдушки, кошорый непременно хопѣлъ женишь меня, несмотря на то, что я рябъ, малъ росшомъ и имѣю маленькѣй чинъ. Спарики упрямы—а какъ дѣдъ мой спарикъ, то и онъ долженъ бышь упрямы—и очень упрямы!

Въ это самое время учредились между Москвою и Пешербургомъ *дилижансы*. Какъ смиренный человекъ, я обрадовался этому учрежденію. Смирному вездѣ худо—и въ службѣ и дома и въ дорогѣ. Въ службѣ заспавляютъ работашъ за четверыхъ и обѣщаютъ все . . . но не исполняютъ обѣщаній. Дома — дома бѣсятъ, забываютъ приказанія и за все это требуютъ денегъ. Дорогой—на каждой станціи, если не ямщикъ, такъ сморщившись найдешь случай вымѣститься на смирномъ проѣзжающемъ все, что перпятивъ они опылихъ. Что же долженъ дѣлать смиренный человекъ съ грубиянами ямщиками, со слугами, съ начальниками? — Молчать?.. Не такъ ли, Мм. Гг?

Лишь объявили, что такого-то числа отправился изъ Москвы дилижансъ бѣгу въ Каншору, беру билетъ и съ радостію возвращаюсь въ Цареградскій трактиръ. Тамъ я наемалъ двѣ комнаты, тамъ обѣдалъ и ужиналъ. Вечеромъ по обыкновенію, прихожу въ общую столовую комнату и заспаю прехъ мо-

лодыхъ людей за ужиномъ. Сажусь у особеннаго спѣлика и изъ разговоровъ узнаю, что они *студенты*. Не хвалюсь впрочемъ проницательностію — они сами такъ называли себя.

Попомъ узнаю, что они всѣ проеѣдутъ въ Пешербургъ и ѣдутъ въ дилижансѣ. — Такъ вошь мои шоварици, подумаль я, и разсуждая о счастливой встрѣчѣ, съѣлъ бифшексъ, коплешу, кусокъ шеляшины, выпилъ бупылку бархашнаго пива. — Кончивъ ужинъ и мой разсужденія, вспаль я, и что рѣдко случается въ респораціяхъ, вспаль бодро и швердымъ шагомъ подошелъ къ Сшуденшамъ.

Чеспѣ имѣю рекомендовашься, Гг — сказаль я имъ — я вашъ спушникъ до Пешербурга. — „Очень ради, опвѣчалъ мнѣ самый сухощавый Сшудентъ, намъ эшо чрезвычайно прятшно.“...Попомъ я съѣлъ...разговоръ оживилъ...я узналь ихъ имена — узналь, что они кончили курсъ ученія и ѣдутъ искашь....*састія*; повѣря опъ души, что оно — въ Пешербургъ.

Поговорили, посмѣялись, пошупи-
ли...Такъ водишься, если ужинаютьъ ров-
ные и не видяшь предъ собою отправки
лучшаго блюда—*рожу* какого нибудь....
Послѣ—послѣ я ушелъ въ свои комна-
ты; послѣ...не уже ли должно сказать,
что я раздѣлся и легъ спать? Впрочемъ
это не мѣшаетъ—даже украшаетъ мно-
гіе путешествія.

Черезъ два дни послѣ этого досто-
памятнаго дня мы отправились изъ по-
молодѣвшей столицы.

Въ хать чепыре дни въ одной каретѣ,
видѣшь чепыре дни сряду одни и тѣ же
лица, говоришь чепыре дни съ одними
и тѣми же людьми—кажется не нужно
быть Лафашеромъ, чшобъ узнать лю-
дей.—Я узналъ моихъ товарищей—въро-
япно и они узнали меня...Чшожь я ска-
жу объ нихъ?—А что они обо мнѣ ска-
жутъ?..Не знаю—ей, ей не знаю—а я—я
скажу, это они все шрое чудаки—чуда-
ки, какихъ можно только найши... не
въ *Англіи*, Мм. Гг., а въ Россіи, въ благо-
словенной Россіи.

Знаете ли чпѡ они затѣяли дорогой? По приѣздѣ въ Пешербургъ издавать Журналь!... Журналь Исторической, Спашиспической, Полишической, Липперашурной, Музыкальной, и всего не перепешь!—Желаю вамъ успѣха—сказаль я имъ—но берегипесь! Вспомнише несчастную учась Пуспынника, Сѣвернаго Наблюдашеля, *Аспазіи*, Демокриша, Журнала древней и новой Словесности... Взглянише на издыхающій....—„Ничего сударь! закричали мои спашники, ничего! Нужна одна благородная рѣшишельность, смѣлость; все прочее вздоръ!“

Я не поняль чпѡ такое благородная смѣлость—но согласился съ ними чпѡ все вздоръ. Это слово *вздоръ* такъ приятно! За то безпрестанно его и слышишь и видишь... И *гитаешь*, прибавяшь мои чипашели... Я краснѣю... И продолжаю.

По приѣздѣ въ Пешербургъ, я началъ ихъ навѣщать... Какъ не навѣщать такихъ милыхъ молодыхъ людей? Они липперашоры изъ разсадника! Какъ порадовались бы мои сеспры, увидя ме-

ня въ кругу ученыхъ людей! Гдѣ вы? Гдѣ вы, мои сестры... Но что за вопросы? Какъ будто я не знаю, что одна умерла, прочитавъ Балладу: *Ольгу*; другая, въ Рожественскомъ монастырѣ, оплакиваетъ прошедшую молодость, проведенную съ почками и восклицательными знаками *Путешествія въ Малороссію*.

„Радуйтесь! радуйте! сказала мнѣ самый толстый изъ Студентовъ. Черезъ мѣсяць выйдетъ первая книжка нашего Журнала.“ — Очень, очень радъ. — „Спасъи отборныя.“ — Какъ обыкновенно водятся въ первыхъ книжкахъ новаго Журнала. — „Баллады...“ — Я вздрогнулъ, вспомнивъ о бѣдной сестрѣ моей. — „Повѣсти...“ — Чувствительныя? — „Мистическія, магнетическія... Крипика...“ — Это страшно! — „Мы разобрали Поэму Пушкина.“ — Ее всѣ хвалятъ, ею всѣ восхищаются. — „Темъ же она и несносна, что ее всѣ хвалятъ... Пошомъ слѣдуетъ разборъ *Россомахи*...“ — Этой Драммы, освященной совершеннымъ забвеніемъ и напишанной сугубой и тройной галимашею? — „Мы ее хвалимъ!...“

Не буду рассказывать всего разговора—для образчика довольно и этого... Хорошъ Журналь?

Послѣ этого разговора я долго не былъ у нихъ—мѣсяца при. Не хотѣлось мнѣ слушать ихъ грозныхъ сужденій—я человекъ смирный!... Но смирный человекъ скоро забываетъ досады, и я пошелъ къ Редакторамъ...кваршира пуста.. Вижу дворника... „Гдѣ живешь теперь Гг. Спуденшы?“—спрашиваю его.—Да они уже два мѣсяца съѣхали и разъѣхались. Одинъ живетъ въ Коломнѣ, другой на Петербургской сторонѣ, претій у Московской заспавы.—„Не уже ли? Да что же заспавило ихъ разъѣхаться?“—Не знаю... ихъ поссорилъ какой-то господинъ.—„Кшо этошъ господинъ?“—Дворникъ поспавилъ на полъ *ведро* съ водою, кошорое несъ въ пятый этажъ... задумался..вдругъ схватилъ *ведро*...махнулъ рукою... Господинъ Журналь! Господинъ Журналь!—сказаль онъ—и пошелъ вверхъ.

Какъ? думаль я, Журналь былъ причиною ихъ ссоры?.. Вошь дружба авпорская! Не при мнѣ ли заключили они брашскій союзъ? Не при мнѣ ли клялись любить другъ друга во все продолженіе Редакшорспива? Вошь какъ прочны эпи брашскіе союзы! Но гдѣ же они? Опыщемъ ихъ, погорюемъ съ ними! Я люблю ушѣшашъ несчастныхъ — и дѣлишь съ ними—или дарить ихъ, п. е. я хопѣль сказаць про себя:

Дарить несчастныхъ онъ, чемъ полько
могъ—слезою.

Эшо не дорогой подарокъ, но въ большомъ уваженіи у людей съ шакими.. чувшвами и—карманами.

Но я не видаль ихъ! Журналь прекрашился и Редакшоры исчезли — какъ мечпа!...или какъ все исчезаетъ въ эшомъ свѣшѣ.

Одинъ—самый сухощавый — сошелъ съ ума—его посадили въ желшый домъ. Другой пополще ушонуль, вдуци въ Кроншшашъ—трешій, самый шолспый, по-

шелъ въ *Гусары!*—Конечъ великимъ пред-
пріяшямъ молодыхъ Журналистовъ...и
конецъ моей повѣсши.

12 Августа 1821.

Узбекъ...ий оы.

~~~~~

~~~~~  
АНТИКРИТИКА.
~~~~~

ОТВѢТЪ Г. БОГАТЫРЕВУ.

(Окончаніе.)

„Рецензентъ *Благ.*, (продолжаешъ
Г. Богатыревъ на стр. 127) зашруд-
няешся и не знаешъ, къ какому ро-
ду заблужденій опнесши хромыхъ *),
смѣявщихся надъ однимъ прямо хо-
дившимъ человѣкомъ. — Кпо вино-
вашъ **), что онъ не привыкъ фи-
лософскихъ книгъ, а можешъ бышь
и никакихъ, читашъ со вниманіемъ.

---

*) Рецензентъ и не думалъ зашрудняшся
относишъ хромыхъ къ роду заблужденій;
шрудъ сей предоспавляешся Г. Богатыреву. Р.

***) Разнощикъ хромыхъ. Р.

Въ разсужденіи на спран. 12 й упоминается о *предразсудкахъ*, онимъ-ченныхъ для близорукихъ курсивомъ. Кпо не видишь, что и заблужденіе хромыхъ сюда же относится? “

Положимъ, что заблужденіе хромыхъ можно назваць предразсудкомъ, но дѣло о томъ, какая была причина сего заблужденія, которое можно назваць предразсудкомъ? Въ Рецензії сказано: *„излишняя привязанность къ чувству зрѣнія была тому причиною: оно по недостатку слугая видѣть вещь иначе и слѣдовательно по привыкѣ смотрѣть на нее одинаково, руководило хромыхъ къ ложному заключенію, то не хромать, а прямо ходить, есть странность, отклоненіе отъ должнаго образа хожденія.“* — Кпо не видишь *), что здѣсь говорится о *самолѣ истощникѣ*, о *натальной причинѣ заблужденія хромыхъ?* **)

*) Слуга училеля Философіи, по оплошности уронившій личину. Р.

**) Курсивомъ опимъчается для близорукихъ. Р.

Стр. 1⁰⁸. Забаенный и шупливый
 Г. Рецензентъ подозрѣвая основаніе
 сего разсужденія въ чувственно-
 сти *) (хоть подозрѣвать въ эпозъ
 можно бы только слѣпо-глухо-нѣмо-
 безвкусному и даже необоняюще-
 му **) иначе, кто ***) усомни-
 ся въ необходимости чувствъ)“ —
(продолженіе впрелъ);

Г. Богатыревъ, желая пошупишь
 надъ Рецензентомъ, забавляешь его со-
 бою, не понимая значенія, въ какомъ при-
 нимаешься въ Рецензіи слово чувствен-
 ность ****).

(Продолженіе) „первую вымол-
 виль истину, что есть Философія
 другаго рода. Да въпожъ ешаго не
 знаешь. Ето новостью не покажеш-
 ся и Алжирскому Дею, а не только.

*) Слушайте! **Слушайте!**

**) Приятнѣйшаго благовопія умозритель-
 ной Философіи. *Р*

***) Ни одинъ изъ смертныхъ. *Р.*

****) Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ впрѣ
 въ волнахъ. Возвращая спашья въ переводѣ. *Р.*

чипашелю Европейскому. И къ чему заключеніе ab esse ad posse consequentia valet? Гораздо бы лучше поставишь: non causa pro causa, или quid pro quo.“

Г. Богащыревъ, кажется, слишкомъ много на себя береть, выславляя себя вывѣскою мнѣнія всѣхъ Европейскихъ чипашелей. Не уже ли нѣкоторыя изъ нихъ, не краснѣясь, могутъ сказать, что они знаютъ сію новосць въ той же мѣрѣ, въ какой знаетъ ее Алжирской Дѣй? А къ тому-то и заключеніе: ab esse ad posse consequentia valet, а потому то и гораздо было бы хуже поставишь: non causa pro causa, или quid pro quo.

Тамъ же „о которомъ (*сирѣчь* словъ Мисшика) по видимому Г. Рецензентъ имѣеть понятіе темное*“.

Для ~~чипаш~~авшихъ со вниманіемъ Лоттику Гегеля, кошорый для Г. Богащырева не основаль (спр. 134) *особаго ученія*,

---

*) У кого что болитъ; тотъ о томъ и говоритъ. Вашимъ же добромъ, да вамъ же челомъ, Г. Богащыревъ! Р.

темныхъ поняшій нѣтъ, да и бытъ не можешъ, а слѣпой рабъ Баулейстеръ и иже о немъ доселѣ еще въ Логикахъ своихъ полкуютъ о темныхъ поняшяхъ.

Стр. 129. „Спрашаема Г. Рецензента, желающаго показати прудность и важность Философіи своего (?) рода, слишкомъ обыкновенная. Вопъ она: *незнающимъ Математики не покажутся ли Алгебраическія выкладки Мистикою?* Люди темные, ни себя, ни вещей не понимающіе, всегда оправдываются прудностью, тогда какъ мыслящіе знаютъ, что истина во всѣхъ наукахъ проста и для всякаго вразумительна. Не только алгебраическія выкладки, но и Механика, и Астрономія ясны, какъ науки почныя, опредѣленныя...“

Кшожь съ вами спорить, Г. Богатыревъ, что и Алгебра, и Механика, и Астрономія ясны — для знающихъ сіи науки; но понрудилешъ взглянуть въ Рецензію: тамъ говорился о незнающихъ и вы согласилешъ, что если бы и вамъ, говоря нимало не въ охуденіе великихъ

вашихъ шаланшовъ; предложили рѣшеніе какой нибудь алгебраической задачі, тогда, когда вы и первые правила Ариемешики едва марокавали, шо вы бы вѣрно крѣпко призадумались и сочли его шарабарскою грамотою? Но къ чему я стараюсь доказать вамъ шо, что вы очень хорошо знаете и чего только съ умысломъ понимаете не хопите? Мнѣ оспашаешя только сказаць, что и *ваша стратегема*: оспориваць шо, въ чемъ никто съ вами не спорить, *слишкомъ обыкновенна* и что поему эишпешь: *люди темные, ни себя, ни вещей не понимающіе и даже понимаютъ нехотящіе*, по истинѣ скорѣе принадлежатъ вамъ, нежели Рецензенту *Разсужденія*.

На стр. 130. Г. Богашыревъ схвативъ еѣкоторыя положенія Фихше безъ связи, безъ начала и послѣдствія, и похваливъ себя всенародно за шо, что ихъ не понимаетъ, говоритъ:

„И вопшь по мнѣнію Гна Рецензента *), *Философія другаго рода,*

---

*) Просимъ Г. Богашырева не взводишь небыллицъ на Рецензента.

или, какъ *онъ* *) называешь **), Мисшика, или еще иначе классъ Философіи, прошивный пому, изъ котораго почеркнуто Разсужденіе юнаго сочинителя! И епой-то *Философіи* самъ *онъ* будто *угиля* и другихъ *угить* желаешь! Невольно вспоминаешь припчу о двухъ ракахъ, спаромъ и молодомъ. И шакъ не уже ли и епо мнѣніе ***) Гна Рецензен-

---

*) Замѣчаемъ для будущихъ поколѣній, что правило: мѣспоименіе *онъ*, когда говоришься о нашемъ прошивникѣ писать и печатать *онъ*, изобрѣшено Г. Богашыревымъ, равно какъ и оспрая выдумка печатать одно слово, какъ напр. *Благонамѣренный* вполонину курсивомъ, а вполонину обыкновеннымъ шрифтомъ принадлежишь ему же. *Р.*

**) Г. Богашыревъ забылъ, что на стр. 128 замѣпилъ изъ Рецензіи: „*Приверженцы первой* (т. е. чувствственной) *признавая самое* (и шупъ умышенное превращеніе смысла; Рецензентъ сказалъ: сами) *основаніе оной недостаточныиъ, Философію другаго рода называютъ Мистикою.*

***) Г. Богашыреву вообразилось, что Рецензентъ имѣлъ эпо мнѣніе, и пошому (см. примѣчаніе на оборотѣ).

ша есь заблужденіе? Очевидно—ето заблужденіе отъ недостатка памяти и отъ разстроеннаго воображенія *).“

Г. Богашыревъ, охотно уподобляющій себя старому раку, можеть оспашься симъ гордымъ ракомъ, а Рецензентъ опказываеися опъ обязанности, въ невозможности исполненія коей онъ совершенно увѣренъ; Рецензентъ очень далекъ опъ того мнѣнія, что бы Философii можно было *учить*, или *учиться*. Онъ знаетъ, что Философii, ни даже Логикѣ, никого учить нельзя. Въспо предложенной Г. Богашыревымъ обязанности беретъ Рецензентъ на себя другую, а именно: его вниманіе, въ недоспашкѣ коего шакъ несправедливо и не къ мѣспу. упрекаетъ Рецензента, вниманіе его Богашырева обратишь на *Журналъ Департамента Министерства народнаго просвѣщенія*. Тамъ въ N^o V за Май мѣ-

---

*) *Заблужденіе отъ недостатка памяти и отъ разстроеннаго воображенія* возвращаетъся ему Богашыреву. Р.

сяць нынѣшняго года на стр. 42 говорися: она (Логика)...*содѣйствуетъ только теловѣку къ произведенію того, что въ немъ есть, и не научаетъ его ничему, но развиваетъ только то, что въ немъ самою находится.*“ Вникнувъ въ глубокій смыслъ приведенныхъ словъ, Г. Богашыревъ, богашый вниманіемъ, можешъ перенести оное и на слѣдующую страницу упомянутаго Журнала. Тамъ онъ встрѣшитъ названіе *Философіи другаго рода, или класса Философіи, противнаго тому, изъ котораго потерпнута Разсужденіе о заблужденіяхъ.* Когда мыслящій духъ чловѣка въ естественномъ ему стремленіи къ познанію, начинаешъ съ самаго себя, какъ подобія предвѣчной Мудрости, когда навикаешъ развивать *) что въ немъ находися, по сей родъ Любомудрія называешся умозрительною Философією **); ибо здѣсь умомъ созерцаешся то, чего на души опытности,

---

*) Только не понятія, а идеи, которыя вмѣстѣ и не суть врожденны. Р.

***) Повторяешся для учителя Философіи. Р.

или чувствственности видѣть отнюдь нельзя. Посему Философіи умозрительной прошивополагается чувственная, въ которой великимъ правиломъ поспавляется слѣдующее: nihil fit in mente, nisi quod antea fuerit in sensibus. Какое грубое правило! Только въ спашуѣ Кондильяка ничто не можетъ быть, не бывъ прежде въ преддверіи чувствъ; а въ душѣ—сѣмъ мыслящемъ духѣ, отраженіи Всебѣдущаго—можетъ развиться много великаго, высокаго, Божественнаго, что совсемъ несовмѣстно чувствамъ, сѣмъ рабамъ видимости, спрадапельнымъ вѣспникамъ впечатлѣній извнѣ—со стороны матеріи; спойшь только упражняшь наше мышленіе (das Denken), навикашь философствовашь. Мудрено ли послѣ сего, что Г. Богашыревъ съ гордостію признается въ неразумѣніи Фихте? Фихте навикалъ философствовашь, развивалъ то, что въ духѣ каждаго есть; а Г. Богашыревъ *угился Философіи*. Спросяшь: „какъ же онъ понималъ Шеллинга, основателя его мыслей?“ Въ этомъ мы показали выше сомнѣніе, а теперь ушвердительно скажемъ: Шеллингъ не-

постижимъ для того, кто *утился* Философіи. *Вѣрно одно имя Шеллинга, а не* (въ оригиналѣ *ученіе*) способъ любомудрствовашь, для (вмѣсто слова *Рецензента* подспавляемъ) Богашырева *по-нравилось* *).

Приведенное ни къ селу, ни къ городу Г. Богашыревымъ Лашинское изрѣченіе: *Risum teneatis, amici*, какъ совершенно ненужное, возвращаемъ съ дополненіемъ: *Risu inepto res ineptior nulla est*.

На стр. 129. Г. Богашыревъ, причисляющій къ лучшимъ и счастливейшимъ годамъ молодости своей по время, въ которое *утился* Философіи, добравшись кое-какъ до слова *Трансценденталь-Идеализмъ*, дѣлаешь выноску, и чтожь тамъ говоришь???

„Ешо названіе системы, Г. Рецензентъ. Не сочтите за *individuum* изъ *Натуральной Истории*.“

Можешь ли что либо живѣе опшѣнить главную черту въ характерѣ Г.

*). Изъ числа возвращныхъ спашей. См. стр. 130. P.

Богашырева, какъ сіе замѣчаніе?—Рецензентъ *Разсужденія о заблужденіяхъ* не извѣстенъ, а по словамъ Г. Богашырева, и въ полномъ смыслѣ неизвѣстенъ; слѣдовательно Рецензентомъ могъ бытъ топъ, другой, десятый и милліонный изъ говорящихъ и пишущихъ порусски. По сему, чѣтобъ Рецензенту философской спашы указатъ на Философскій терминъ, говоря: это не живошное, не растѣніе, не минераль, надобно Г. Богашыреву бытъ совершенно увѣреннымъ, чѣто изъ всѣхъ говорящихъ и пишущихъ порусски никшо о Философіи и философскихъ терминахъ поняшя не имѣеть, кромѣ его Богашырева. Это чѣтошо похожее на Парацельсовъ колпакъ.

„Изъ всего сказаннаго, чѣто слѣдуешь заключить о Рецензіи неизвѣснаго глубокомысленнаго любомудра? — (говоришь *ужившійся* Философіи Г. Богашыревъ на спр. 132). Она вся, какъ показано *) состоитъ изъ заблуждений разнаго ро-

---

*) Слѣпымъ? Р.

да: 1. отъ недостатка вниманія, 2. отъ страсти, 3. слабой памяти и разстроеннаго воображенія, 4. даже и отъ слабости разсудка.“

Поелику заблужденіе Г. Богашырева, будшо все сіе принадлежишь неизвѣсному Рецензеншу, произошло опъ того, что Г. Богашыревъ *утился* Философіи, и опъ послѣдовавшаго изъ высокоученія его недоразумѣнія словъ: *чувственчый, чувственность и чувственная Философія*—по мы все въцѣлоспи, какъ вовсе неопносящееся до Рецензенша, опсылаемъ обрашно въ *Хизицы* съ его же Г. Богашырева эпиграфомъ:

*Dum canis os rodit, socium, quem diligit,
odit *)*

*Въ полнолѣ смыслѣ извѣстному Богашыреву.
Въ полнолѣ смыслѣ неизвѣстный снѣ.*

7 Іюля. 1821.

На терной рѣткѣ.

~~~~~

*) См. стр. 124.

С М Ъ С Ъ .

Анекдоты *).

1.

Молодой Офицеръ, споявшій на караулъ при однѣхъ Берлинскихъ городскихъ воропахъ, увидя выходящаго изъ нихъ маленькаго, горбашаго Еврея и желая надъ нимъ посмѣяться, спросилъ его: чемъ онъ торгуешь и не продасшь ли ему чего нибудь.— Эпомъ маленькій, горбашый Еврей былъ ученѣйшій *Мендельзонъ*. — „Вы вѣрно не купите моего повара“—ошвѣчалъ онъ Офицеру. — Да чемъ ты торгуешь? — „*Умолю!*“

2.

„Молише ли вы Бога, о низпосланіи народу болѣзней?“ — спросилъ однажды съ насмѣшкою богашый скряга славнаго Еврейскаго Врача, *Иона Эйтелеса*. — Какъ можно молишься объ эпомъ? возразилъ Эйтелесъ.

*) Изъ новѣйшаго Журнала: *Sulamith, eine Zeitschrift zur Beförderung der Kultur und Humanität unter der jüdischen Nation.*

Развѣ вы не помнише въ Талмудѣ вопроса: кѣ телу молитва о дождѣ, когда онѣ уже съ начала міра существуетѣ? и отвѣща на сей вопросъ, что благодѣтельный молитѣ Господа о дождѣ, дабы онѣй низпосланѣ, былѣ не на неплодныя скалы и пустыни, а на плодосные поля? — „Помню, но къ чему это сравненіе?“ — Въ отвѣщъ на вопросъ вашъ: и болѣзни, какъ необходимое зло, предназначены были Богомъ при сошвореніи міра; никто не долженъ испрашивашъ ихъ у Господа, а только молишъ его объ отвращеніи ихъ отвѣдныхъ и о наказаніи ими богачыхъ скрягъ. —

М. г. . . рѣ.

3.

„Вы очень хорошо сдѣлали, женившись на Италіанкѣ, сказали Г. В: нѣшъ женщины пріяшнѣе, любезнѣе...“ — И копорая бы лучше умѣла готовить макароны! — прибаеиль восхищенный мужъ.

4.

Господинъ N. сдѣланъ членомъ Академіи, и съ шѣхъ поръ всякой день принимаешъ друзей своихъ „Въ библіотекѣ?“ — Нѣшъ, въ споловой.

(изъ Journal des Dames.)

У.

5.

Если нѣкопорые провинціалы, приѣзжающіе въ Парижъ, неловкостію своею и невѣжесствомъ заспавляютъ надъ собою смѣяшся: по не менѣе того и Парижскіе баловни, неполучившіе никакого образованія и говорящіе обо всемъ рѣшишельно, не менѣе смѣяшась собою въ провинціяхъ.

Одинъ изъ такихъ франшиковъ, сынъ богатаго опца, приѣхалъ изъ Парижа въ Ліонъ. Прогуливаясь съ шамошнимъ жишелемъ по набережной и указавъ на рѣку, спросилъ онъ его съ важнымъ видомъ: „какъ у васъ эшо называется?“—Рона, отвѣчала Ліонезъ.—„Фи! у насъ въ Парижѣ называютъ эшо Сеной.“

Черезъ нѣсколько дней послѣ того узнавъ получше названія рѣкъ и осперегаясь, чѣпобъ опять какъ нибудь не проговорипься, рассказывалъ онъ, что скоро опправипсь въ Спразбургъ.—Ишакъ, замѣшили ему, вы поѣдете вверхъ по Рейну.—„Да я очень помурядъ: давно уже мнѣ хопѣлось видѣшь эшу рѣку, въ кошорой такое превкусное вино.“—

6.

Кавалеръ К. пришедши къ перевозу въ большую погоду и видя, что на рѣкѣ были ужасныя волны, спросилъ перевозчика: не

шерялъ ли онъ иногда въ подобныхъ случа-
чаяхъ своихъ пассажировъ. — „Никогда, оп-
вѣчалъ перевозчикъ: на прошедшей недѣлѣ
утонулъ здѣсь мой братъ, но мы на другой
же день его выпасили.

7.

Эпопъ же самый Кавалеръ К. разска-
зывалъ, что онъ обѣдалъ однажды у своего
знакомаго въ Тулузѣ съ какимъ-то Гаскон-
цемъ. При концѣ сшолъ подали кружокъ
прекраснаго сыра, и Гасконецъ, перевернувъ
его нѣсколько разъ на всѣ стороны, спро-
силъ: гдѣ же мнѣ рѣзать? — Гдѣ вамъ уго-
дно, опвѣчалъ хозяинъ. — Гасконецъ кликнулъ
своего слугу. „Опнеси, сказалъ онъ ему,
эпопъ сыръ домой; я *тамъ* его разрѣжу.

Съ Франц. А. Р—гб.

Анаграммы.

1.

Похожъ на волка я, но мѣхъ на мнѣ дороже;
Чишай обратню—я и рыбный ловъ все поже.

2.

Чи напашель! просто я скажу,
 Чшо обонянiю служу;
 Обращiно—днемъ я ухожу,
 А вмѣстѣ съ ночью прихожу.

Толскѣ.

А. И.

~~~~~

Шарады .

1.

Собескiй *первыи*б назывался;
*Послѣднии*б видѣ его геройскiй украшался;
 А все хошь и двуличный былъ,
 Но честный шаричокъ и ссоры не любилъ;

2.

Начало естъ написанное здѣсь;
 А написавшiй естъ *второе*;
 Чешыре *цѣлыя* мiръ составляютъ весь;
 Теперь узнайше чшо шакое?

Толскѣ.

А. И.

~~~~~

Логогрифъ, помѣщенный въ XIV N^o, значишь *Ирѣ* съ прибавленiемъ буквъ: *к, д, т, с, ж, п, и л*. Анаграмма: *шалаиѣ*.—Шарады:
 1) *Вол-отѣ*, 2) *су-флерѣ*.

~~~~~

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ XV N° БЛАГОНАМЪБЕННАГО.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

Давно и съ большимъ неперпѣніемъ ожидаемое: *Руководство къ познанію всеобщей Политической Исторіи, сочиненное Профессоромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Царскосельскаго Лицея Иваномъ Кайдановымъ*, наконецъ вышло изъ печати. (С. П. Б. Въ шип. Н. Греча. 1821. въ 8. Ч. I. XIX и 281. стр. Ч. II. VIII и 247 стр. съ таблицами). Извѣщая о семъ просвѣщенную Публику, мы предоснавляемъ подробной кришикъ опредѣлить достоинство сей книги.

Спѣшимъ увѣдомить любитель Христіанскаго чпенія о поскупившихъ недавно въ продажу слѣдующихъ двухъ книгахъ:

1.) *Душеспасительныя и назидательныя Христіанскія поученія въ пользу юношества, готовящагося проходить многотрудное поприще жизни. Сог. Гжи де ла Моттѣ - Гіонѣ. Переведены съ Французскаго въ селѣ Бурмасовѣ.* (Москва. Въ Унив. шип. 1821. въ 12. Ч. I. 208 стр. Ч. II. 171 стр.)

и 2) *Торжество Евангелія, или записки свѣтскаго теловѣка, обратившагося отъ заблуж-*

деній новой Философіи, сочиненіе, въ которомъ побѣдоноснымъ образомъ поражаются лжемудрствованія невѣрія и въ коемъ доказывається истина Христіанской вѣры, переведено съ Испанскаго на Французскій съ седьмаго изданія, а съ Французскаго на Россійскій (С. П. Б. 1821. Въ шип. К. Шнора. Ч. I. XX и 562).

Въ Орлѣ оппечашана: *Исторія Карла XII, Короля Шведскаго. Твореніе Г. Волтера. Пер. съ Фр.* (Въ шип. И. Сышина. 1821. въ 12. Ч. I. стр. 288. Ч. II. стр. 228; Ч. III. стр. 207. Ч. IV, стр. 228). О сей книгѣ, извѣстной просвѣщенной Публикѣ, говоримъ нечего; о переводѣ—также.

Для начинающихъ учисься Греческому языку рекомендуемъ особенно, какъ наилучшее къ тому пособіе: *Греческую Хрестоматию* (или выписки легчайшихъ мѣстъ изъ древнихъ писателей, собраныя въ Германіи Профессоромъ Ф. Якобомъ; съ переводомъ приложеній и Словаря), изданную М. Катеновскимъ. (М. 1821. въ Унив. шип. въ 8. стр. 240.)

Профессоръ Московскаго Университета *Христіанъ Шлецеръ* печатаешъ вторымъ изданіемъ свои *Начальныя основанія Государственнаго Хозяйства*, имъ вновь исправленныя. Первая часть, содержащая *народное хозяйство или науку о народномъ богатствѣ*, уже оппечатана. (Москва. 1821. въ Унив. шип. въ 8. IV и 179 стр., съ премея таблицами и эпиграфомъ: *Non sum prematur in anim. Horat.*). Въ предисловіи Г. Авпоръ исчисляя успѣхи, которые имѣло первое изданіе его книги въ Россіи и Германіи, опзываетъ съ невыгодной стороны объ одномъ Авпоръ, писавшемъ у насъ о томъ же предметѣ послѣ него. Не всѣ согласяшся съ мнѣніемъ Г. Шлецера и пожалѣюшъ только, что и у насъ между учеными существующъ распри и несогласія. По выходѣ второй части, мы постараемся представить Публикѣ обзорніе сочиненія Г. Шлецера и скажемъ что мы о немъ думаемъ.

Для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона изданы *Начальныя правила Английскаго языка*. (Москва. въ Унив. шип. 1821. въ 8. 83 стр.) съ крашкою Хрешномашією.

Повѣсти для образованія сердца и разума. Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ пользу воспитанницъ Женскаго Патриотическаго Общества. Частію съ Нѣмецкаго языка переведенныя, и частію изъ Россійскихъ Писателей заимствованныя. (С. П. Б. При Академіи наукъ. 1821, въ 8. стр. 260). Книга весьма полезная для юношества. Къ каждой повѣсти присовокуплены вмѣсто нравоченія соотвѣтственные оной изрѣченія изъ Священнаго Писанія. Жаль только, что въ переводныхъ съ Нѣмецкаго языка повѣстяхъ удержаны и трудныя Нѣмецкія имена, а не замѣнены Русскими. Опытомъ дознано, что дѣши находя въ подобныхъ книжкахъ свои, или знакомыхъ и поварищей своихъ имена, лучше сохраняютъ въ памяти и самые рассказываемые о нихъ происшествія. Слогъ также обработанъ не вездѣ съ одинаковою тщательностію,

---

Обрадуемъ молодыхъ читательницъ нашихъ увѣдомленіемъ о слѣдующихъ, вновь вышедшихъ книгахъ: 1. *Рыцари лебедя или дворъ Карла Великаго; историческій Романъ, сот. Г-жи Жанлисъ; новый переводъ съ Франц. въ 4 частяхъ* (Москва, въ шип. С. Селивановскаго, 1821. въ 12.) 2. *Матильда или Записки, взятыя изъ исторіи Крестовыхъ походовъ, сот. Г-жи Котень. Перев. Дмитрія Бантыша*

Каменскаго, въ 6 частяхъ. Третіе изданіе. (Москва, въ Универс. шип. 1821. въ 8-ку) 3. Признанія при гробѣ или семейство лѣсникаго, сот. Авг. Лафонтена, въ 8 част. съ эпиграфомъ: Ни потести, ни злато счастливыхъ не творятъ (Орель, въ шип. Сыщина, 1821. въ 12 д.) и наконецъ: 4 Бблеуѣ, сот. Баронетта Вальтера Скотта, перев. съ Франц. въ 3 частяхъ. (Москва, въ Универ. шип. 1821. въ 12 д. часть I. стр. 293). Авторы сихъ романовъ слишкомъ извѣстны нашей Публикѣ, а потому и не для чего рекомендовать ихъ, кромѣ—можешь бытъ послѣднѣго, который считаешся теперь лучшимъ изъ живущихъ поэзовъ Англіи. Бблеуѣ, кажешся, первый романъ его, который переведенъ у насъ, и по съ Французскаго. Появилась только еще первая часть. Судя по ней, нельзя ожидать ничего необыкновеннаго. Не видно никакой особой цѣли: одна запутанность происшествій. Впрочемъ весьма вѣроятно, что эпошъ романъ изданъ только подъ именемъ славнаго Вальпера Скотта, какъ множество другихъ, которые ему приписываютъ и онъ которыхъ онъ отрицаешся. Многіе думаютъ, что большая часть изъ нихъ написана братомъ его, находящимся въ Америкѣ, который—какъ увѣряютъ—одушевленъ шемъ же гениемъ. Что касаешся до перевода, то онъ принадлежишь къ шѣмъ

дюжиннымъ произведеніямъ, копорые до сихъ поръ, къ сожалѣнію, на Руси не переводятся. О переводѣ прочихъ упомянутыхъ нами романовъ, шакже нечего сказаць болѣе.

Мы прочли новую книгу: *Aphorismes, ou pensées philosophiques, critiques et morales par J. W. Tome Second.* (St. Petersburg. Imprimerie du Departament de l'Instruction publique. 1811. in. 8. VI. et 288 p.) ошь доски до доски. Въ ней находящіяся нѣкопорыя весьма хорошія, но по большой часши старыя и уже всѣмъ извѣсныя мысли. Новаго очень не много. Меньше всего понравились намъ ошпросы Автора, копорыя рѣдко ошпры.

Галерея или изображеніе въ лицахъ Россійскихъ Государей, съ описаніемъ ихъ жизни на Руссколѣ и Французсколѣ языкахъ. Литографическое твореніе Авг. Гондре. (С. П. Б. 1821. Часшь I. десяшь наклѣенныхъ на папку листовъ, въ фушлярѣ.) Приятный подарокъ дѣшамъ. Жаль, что не всѣ экземпляры хорошо ошпечашаны.

Главнѣйшее достоинство книги: *Странствованіе мореплавателя Синдаба.* Съ присо-

вокупленіемъ двухъ поэмъ Омара Бенъ Фареда и Мотенабби, знаменитыхъ Арабскихъ стихотворцевъ. (С. П. Б. При Академіи Наукъ. 1821. въ 8. стр. 90) соспоишь въ томъ, что она переведена довольно чиспымъ Русскимъ языкомъ съ Арабскаго подлинника.

Вошъ и нѣсколько Нѣмецкихъ книгъ, въ недавнемъ времени у насъ въ Россіи оппечашанныхъ:

1.) ALEXANDERS I. Zeitalter, eine glückliche Epoche für Europa und für Russland. Rede zur Feyer der Geburtsfestes S. K. M., von Karl Wilhelm Cruse, Professor. Mitau. 1821. bey Steffenhagen. in 4. 39 S.

2.) Predigten von Dr. Karl Heinrich Pászler, Oberpastor der Ritter- und Domkirche zu Reval I Abtheilung. Reval. bei Carl Dullö. 1821. in 8. IX und 392 S.

3.) Die Quadratur des Kreises durch geometrische Construction realisirt, von F. A. Bockhorn, Privatlehrer in Medsen. Mitau, 1821. bei Steffenhagen. in 4. 11 S.

4.) Sammlung auserlesener Lieder von der erlösenden Liebe. St. Petersburg. 1821. Gedruckt und zu haben in der Schnoorschen Buchdruckerei, in 12. S. 316.

Для Медиковъ упомянемъ здѣсь о Диссертации, написанной для полученія Довшорскаго достоинства *Г. Маслениковымъ*: *Dissertatio inauguralis medica de morbillis*, и недавно оппечатаванной (Mosquae. 1821. Typis Univer. Caesar. in 8. 42)

Напечатанный прешимъ изданіемъ: *Древній и новый вседневный гадательный Оракулъ, найденный послѣ смерти одного сто-шестилѣтняго старца Мартина Задека и пр.* (Москва. Въ Тип. Рѣшетникова. 1821. въ 8. 25 стр.) есть худшая даже и изъ сего рода книгъ.

Для дѣшей оппечатаваны еще двѣ новыя книги:

1. *Свѣтъ въ малолѣ видѣ или Жизнь теловѣческая въ противоположныхъ отношеніяхъ.* Соч. Г. Масселеня. Пер. съ Фр. (съ 20 грав. каршинками. Москва. Въ тип. Ав. Семена 1821. Въ попереч. 8. 211 стр.) Переводъ хорошъ. Каршинки выгравированы весьма не дурно.— Книга сія можетъ бытъ весьма полезною для юношества.

2. *Путешествіе по пяти частямъ свѣта или любопытное описаніе разныхъ достопримѣтательныхъ народовъ, живущихъ въ пяти частяхъ свѣта, съ картинками, изображаю-*

или національное ихъ одѣяніе. Переводъ съ Французскаго. (Москва. въ шип. П. Кузнецова. 1821. въ 12. сѣр. XVIII и 149). Собраніе географическихъ и спашиспическихъ свѣдѣній о разныхъ народахъ, весьма впрочемъ неполное. Изображенія на карпинкахъ, плохо выгравированныхъ, расположены по азбучному порядку.

Вновь вышедшіе продолженія книгъ, о которыхъ мы уже имѣли честь извѣстить почтенную Публику:

1. Ключъ къ таинствамъ Натуры, сочиненіе Г. Экартсгаузена. Ч. III. 309 сѣр. Ч. IV. сѣр. VII и 304.

2. Избранныя сочиненія Гжи Гюбъ. Ч. II. 547 сѣр. Ч. III. 436 сѣр.

3. Записки о жизни и смерти Карла Фердинанда - д'Артуа, Герцога Беррійскаго. Соч. Шатобриана. Ч. II. 156 сѣр.

4. Творенія Мармонтеля, Исторіографа Франціи, Непремѣннаго Секретаря Французской Академіи, найденныя по смерти Сочинителя и напечатанныя съ собственною его рукописи. Памятныя Записки. Часть четвертая. Переводъ съ Французскаго *). (С. П. 6. въ Ме-

*) Прод. въ С. П. 6. у книгопродавцевъ: Плавильщикова, Слениныхъ, Воробьева, Свѣшниковъ и М. Глазунова, а въ Москвѣ у Содержателя Унив. шип. А. С. Ширяева. Цѣна за всѣ чешыре части на люб. бум. 20 р., а на прошлой 17 р. 50 к. За пересылку прилагается 5 р.

дицинской типографіи 1821. въ 8. 191 стр.)
 О сей весьма любопытной книгѣ упомянуто
 въ 48 N^о *Сына Отечества*, также въ XXIII
 и XXIV N^о *Благонамѣреннаго* за прошедшій
 1820 годъ.

5. *Новое собраніе образцовыхъ Рускихъ
 сочиненій и переводовъ въ стихахъ, вышедшихъ
 въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ, изданное Об-
 ществомъ любителей Отечества Слоvesно-
 сти. Часть вторая. (С. П. б. въ шип. Н. Греч-
 ча — въ 8 — 286 стран.*

Въ сей второй части, украшенной ис-
 кусно гравированнымъ порпешомъ В. А.
Жуковскаго, помѣщены, также какъ и въ пер-
 вой, стихотворенія извѣстныхъ нашихъ Поэ-
 товъ — стихотворенія, изъ коихъ однако не
 всѣ могутъ назваться образцовыми — естъ
 даже и весьма, весьма посредственные; на-
 прошивъ того многіе очень хорошіе стихо-
 творенія, напечатанные особо и въ журналахъ
 послѣднихъ годовъ, напримѣръ: Гг. Межакова,
 Крылова (А. А.) и другихъ, не вошли ни въ
 первую, ни во вторую часть. О семъ ска-
 жемъ подробнѣе послѣ. — Въ слѣдъ за симъ
 выдутъ двѣ части *Прозы*. Первая часть
 будетъ содержать въ себѣ избранные Слова
 и отрывки изъ твореній Фенелона, Боссюэ-
 та, Лерузадема, Блера, Мозгейма, Бурдалу,
 Цоликсфера, Амвросія, Михаила, Филарета,
 и другихъ новѣйшихъ знаменитыхъ иностран-

ныхъ и опечеспвенныхъ Паспырей и проповѣдниковъ Слова Божія; а-впорая соспавишся изъ лучшихъ новыхъ прозаическихъ швореній и окрываетъ историческихъ полишическихъ и философическихъ, писемъ, разговоровъ и проч. Карамзина, Муравьева (Н. М.) Фонъ-Визина, Подшивалова, Башюшкова, Жуковского, Каченовскаго, Измайлова (В. В.), Головчина, Давыдова (И. И.) и многихъ другихъ Писателей.—Подписка принимается у Книгопродавцевъ Плавильщикова и брашьевъ Слениныхъ. Цѣна за всѣ четыре тома съ 4 портретами, въ бум. 30 р.—съ пересылкою 35 р.

Гг. подписавшіеся на Французскій переводъ *Исторіи Государства Россійскаго, соч. Г. Карамзинымъ* (Histoire de l'Empire de la Russie, par Mr Karamzin, traduite par Mrs S. Thomas et Jauffret) симъ извѣщаются, что 7 и 8 томы уже оппечатаны и раздаются у Г. Сен. Флорана и прочихъ иноспиранныхъ книгопродавцевъ въ С. П. бургѣ. Сей важный шрудъ, заслужившій справедливую похвалу во всѣхъ лишинерашурныхъ Французскихъ Журналахъ конечно приобрѣшетъ доспойнымъ переводчикамъ уваженіе и благодарность всѣхъ благомыслящихъ Россіянъ; ибо они познакомили Европу съ Исторіею нашего Опечеспва; они доказали окончаніемъ

сего благороднаго предпріяшя, какъ дарова-
нїя свои, пакъ и почность въ выполненїи
своихъ обязанностей опносительно къ Г. г.
подписавшимся. (8 шмовъ *Исторїи Государ-
ства Россійскаго*, на Французскомъ языкѣ, на
хорошей бумагѣ, въ 8 ю долю листа, 50 р.,
въ 4 ю долю, 75 р., на веленовой бумагѣ вдвое.)

У шѣхъ же Гг. Книгопродавцевъ можно
найти портретъ Г. Карамзина, гравирован-
ный въ Парижѣ Г. Лоришонъ (Logichon), Ко-
ролевскимъ Пенсіонеромъ, съ рисунка Г.
Лагшишъ (Lagiche), наблюдающаго надъ издані-
емъ Греческой и Римской Иконографїи. Со-
единенныя паланпы сихъ двоихъ художни-
ковъ произвели сей портретъ, въ которомъ
искусство гравировки, совершенство и кра-
сопа цѣлаго, совокуплены съ разительнымъ
сходствомъ лица. Продается по 5 р.

~~~~~

Извѣстія о бѣдныхъ.

4й Адмиралшейской частни 3го квартала,
въ домѣ Купца Суханова подъ № 232, жи-
вешъ бѣдная вдова Надворная Совѣшница
Вельяшева съ дочерью. Одержима будучи на-
дучею болезнїю, въ преклонности лѣтъ сво-
ихъ она лишена всѣхъ средствъ къ пропи-
танїю. Трудолюбивая дочь ея занимаясь без-
престанно работою, едва можетъ выручаемы-
ми оцъ своего рукодѣля деньгами плащить

за наемъ не большой горницы и доставашъ насущный хлѣбъ.—Благопворишельные сердца! не откажише несчастной, престарѣлой вдовѣ, шерпящей во всемя крайнюю нужду и ужасную болѣзнь.

Д—нб.

Во 159 N^о Русскаго Инвалида помѣщено извѣстіе о несчастіи, постигшемъ 1 го ч. Юня нынѣшняго года губернской городъ *Уфу*. Въ печеніи пяши лѣшъ претій уже разъ огонь испребляешъ въ ономъ большую часть строеній. Послѣдній пожаръ былъ несравненно ужаснѣе двухъ первыхъ. Въ продолженіе двухъ часовъ сгорѣло нѣсколько сотъ домовъ и около 700 сѣмействъ осталось безъ куска хлѣба. Бѣдные жилиши укрывающся опть непогоды въ обгорѣвшихъ погребахъ и подпольяхъ домовъ своихъ, а нѣкопорые—на кладбищѣ, въ такъ называемыхъ *голубцахъ*, по еспь: деревянныхъ пирамидахъ, или шалашахъ надъ могилами. Нѣсколько благонамѣренныхъ людей открыли подъ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго *Феофила*, Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго, *вспомогательное Общество для погорѣвшихъ*. Они взяли на свое содержаніе пядесять бѣднѣйшихъ сѣмействъ и предположили, по мѣрѣ приумноженія капитала, распространить таковое пособіе и на большее число несчастныхъ. Главнѣйшій

предметъ сего Общества состоить въ постройкѣ домовъ для шѣхъ, копорые лишились оныхъ во время пожара. Въ первое засѣданіе (16 ч. Іюня) внесено членами 6.000 р., а вскорѣ послѣ того опъ разныхъ пожертвованпелей одного города Уфы поступило еще 1000 р. да изъ разныхъ мѣсѣ 16.810 р. ассигнаціями и 30 р. 50 к. серебромъ. Благошворительные люди, желающіе принять участіе въ пособіи несчастнымъ Уфимскимъ жишелямъ, благоволяшъ посылашъ свои пожертвованія прямо въ Уфу, на имя *Общества для пособія погорѣвшимъ, состоящему подъ попечительствомъ Преосвященнѣйшаго Теофила, Епископа Орѣбургскаго и Уфимскаго.*

И.

Благошворенія за Іюль и Августъ мѣсяцы помѣщены будущъ въ XVI N^o *Благонамѣреннаго.*

Первая книжка новаго четвертаго изданія *Басень и Сказокъ Александра Измайлова*, содержащая въ себѣ *Басни, или Апологи* (Fables morales et mixtes), уже оппечатапана и Г. г. подписавшимся раздается. Вшорая, въ которой помѣщены *Притчи и Сказки* (Fables raisonnables et Contes) оканчивается писненіемъ. Трешія часть, или *Опытъ о разсказѣ*

Басни, съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ нашихъ Фабулистовъ, выдешъ также въ непродолжительномъ времени. Сія часть будетъ гораздо болѣе двухъ первыхъ. — Подписка принимается въ С. П. бурѣ у самаго Сочинителя, Издавателя Журнала: *Благонравный*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна, въ домѣ Моденова подъ № 283, и у книгопродавцевъ: Плавильщикова, Сленина и Переплетчикова: а въ Москвѣ у Содержателя Университетской типографіи А. С. Ширяева. Цѣна назначается самая умѣренная, а именно за всѣ три части *десять* рублей. За пересылку прилагаешь денегъ не нужно. Для всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ училищъ дѣлаются уступки ошъ каждого экземпляра по *три* рубли. Начальники, Правленія, или содержатели оныхъ, благоволящъ отнoситься съ требованіями своими къ самому Сочинителю. Имена подписавшихся особъ припечатываются при третьей части.

~~~~~

(10 Сентября.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

АВГУСТЪ, 1821. N° XVI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЕЧЕРЬ НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА.

Элегія.

Я не забылъ мечпы,
Которыя душа моя пишала
Средь грозныхъ ужасовъ и дикой красоты,
На берегахъ угрюмага Байкала;
Я живо помню ихъ — онѣ
Вездѣ унылаго Пѣвца сопровождающъ —
И въ ошдаленной стпоронѣ
Минупы скорби окрисяющъ.

Былъ вечеръ—и кругомъ по дремлющимъ
скаламъ

Ночныя тѣни разспилались;
И небо и берега и одинокій храмъ *)
Въ пучинѣ зыбкой колебались;
Порой на сумракъ шемнѣющихъ небесъ ,

---

*) Посольскій монастырь.

Въ шуманыхъ кроясь, появишся въприло...
 Я думалъ: рано ты, волшебный сонъ, исчезъ,
 И рано, сердце, ты заныло!...

Бышь можешь, зашумяшь съ зарею паруса
 Въ прохладной нѣгѣ надо мною,
 И тихо, тихо вы, родимые лѣса,
 Покроешь шуманной пеленою...

Напрасно странника осирошѣлый взоръ
 Къ вамъ съ теплою мольбою устремился:

Онъ встрѣшитъ голые верхи набрежныхъ
 горъ—

И сердце бѣдное въ уныньѣ погрузишься...

Куда ведешь меня угрюмая Судьба?

Что безприютнаго въ чужбинѣ ожидаешь?

Почто въ душѣ моей свирѣпая борьба

Живыхъ спрасшей не умолкаетъ?..

Гдѣ кровные мои?...шуми, шуми, Байкаль!

И голосъ заглуши природы;

Я невозвратно поперялъ

Младенчества невидимые годы.

Ихъ нѣтъ уже со мной; но сладокъ былъ
 закашъ

Души погибшихъ наслаждений;

Онѣ шеперь мнѣ предстоятъ,

Какъ рядъ безчисленныхъ знакомыхъ приви-
 дѣній.

Но ахъ! увижуль я опять роскошный брегъ
 Быспропекущаго Онона?

Гдѣ гордый сынъ спешей, смиривъ надмѣн-
ный бѣгъ,

Ласкается у стопъ Адончалона,

Тамъ часпо я любилъ сидѣшь въ пиши ночной

Надъ рядомъ низменныхъ кургановъ,

И вопрошашъ у древности сѣдой

О гибельной судьбѣ Сибирскихъ Хановъ.

Гдѣ исчезавшіе съ вѣками племена?

Дѣла ихъ смысла кровь съ листовъ бышо-
писанья;

Намъ сохранилися однѣ ихъ имена

Въ разказахъ темнаго преданья.

Здѣсь, надъ могилами народовъ и царей,

Краснорѣчивѣй гласъ забвенья:

Гдѣ пучные поля спѣнали опъ коней,

Тамъ все удѣломъ запущенья!

Смотрише, сильные! здѣсь подъ землей лежишь

Въ развалинахъ обипель власпелина;

Объ лапы вишязя со скрежежомъ звучишь

Убогій плугъ поселянина!...

Что вы оставише опъ славы и побѣдъ?

Горсишь праха подъ холмомъ пуспыни оди-
чалой!

И никогда не вспомянешъ свѣшь

Покинушихъ молвой успалой...

Когдажъ я на поля родимой спороны

Съ полей чужбины возвращуся?

Когда въ глубокой мракъ масшишой спарины

Привычной думой понесуся?...

Вы, дебри дикія! вы сѣни грозныхъ скаль!

Лѣса—приютъ успокоенья!

Гдѣ я величіе Создателя позналъ—

Вамъ сердца вздохъ, вамъ слезы разлу-
ченья!

Прости и ты, Байкаль! еще я въ первый
разъ

Узрѣлъ себя съ гранишными скалами—

И вопъ ужъ наспаешъ урочный часъ

Разлуки долгой между нами.

Необозримыхъ водъ могучій исполинъ,

Всегда въ своихъ порывахъ бурный!

Скажи, откуда ты, природы дикій сынъ?

Изъ чьей шайншвенной измился урны?

Кшо укрываешься въ шѣни швоихъ лѣсовъ,

На влажномъ днѣ швоемъ распущихъ?..

Почшо ты грозенъ шакъ подъ грудой обла-
ковъ —

И въ буряхъ надъ шобой ревущихъ?..

Я принесусь къ тебѣ на радужныхъ крылахъ

Волшебницы—Мечты съ полей чужбины;

Пусть мнѣ послышишся знакомый гласъ въ
волнахъ

Твоей шайншвенной пучины!

Пусть оживляется подъ говоръ швой душа

Безцѣнной сладостью воспоминанья,

Какъ я на' родинѣ, подъ кровомъ шадаша,

Не зналъ сердечнаго спраданья...

Но если вдалькѣ отъ кровныхъ и друзей

Я кончу вѣкъ—реви, угрюмая пучина!

Пусть будетъ дно пвое могилою моею:
Мнѣ усладительный на родинѣ кончина!

Такъ я, спокойствія лишенный, поскобавъ;
Ужь дальній небосклонъ темнѣлся;
Все смерклось вокругъ меня—и ропотный
Байкаль
Между пустынныхъ горъ чернѣлся.

Ө. Бальдауфъ.

~~~~~

ИСТРЕБЛЕННАЯ РОЩА.

(Изъ Мильвуса.)

Нимфы! скрывайшесь, бѣгите толпою:
Древнюю рощу злодѣй исхребилъ!
Плачьше, Амуры! подъ тѣнью густою
Онъ вашъ алшаръ навсегда сокрушилъ!
Пшицы умолкли, и тихо стадами
Вдаль понеслись опъ знакомыхъ вѣшвей.
Милые госпи лѣсовъ и полей,
Видно, изгнанники еспъ и межъ вами!
Спранникъ, успалый въ далекомъ пуши,
Пощъ опирая, съ надеждой опрадной
Въ полдень шоропишся къ сѣни прохладной,
Ищешъ ее—и не можешъ найти!
Тщешно любовникъ зовешъ на свиданье
Милую въ рощу вечерней порой;
Дѣва придетъ, поглядитъ, и съ поскою

Издали другу промолвишь прощанье;
 Взоры пошупишь и мимо пройдешь.
 Горе тебѣ, истребишель жестокій!
 Мстительный богъ на тебѣ восплаещь.
 Онъ на горахъ неприступныхъ живещь,
 Дикой пущыни хранитель высокій!
 Онъ принимаетъ дары паспуховъ,
 Внемлещь обѣщанья паспушекъ спыдливыхъ;
 Гласъ его слышенъ въ поляхъ молчаливыхъ;
 Видны слѣды на пропинкахъ луговъ.
 Онъ разсылая воздушныхъ пословъ,
 Имъ повелѣлъ укрывашь въ непогоды
 Стебель зеленый и цвѣтъ молодой;
 Въ сумракъ ночи, опшвергнувъ покой,
 Бодрствущещь онъ для блаженства Природы;
 Легкимъ Зефирамъ велитъ на лугахъ
 Звукъ разноситъ сладкогласной свирѣли,
 Вѣяшь въ лѣсу и качашь на вѣшьяхъ
 Тихо пернашыхъ пѣвцовъ колыбели.
 Буряль съ деревьевъ листы оборвещь,
 Или красавица рѣзвой ногою
 Первые ландыши въ полѣ сомнещь,
 Богъ благошворный кропишь ихъ слезою.
 Знай, истребишель! сей богъ надъ тобою
 Судъ произнесъ. За него Купидонъ
 Грозной рукою злодѣя накажещь;
 Онъ для опшщенья колчанъ свой развяжещь:
 Ты на спраданья любви осуждѣнъ!
 Тщешно повѣришь подругъ прелешной;
 Кляшву ея унесещь въперокъ,

Также какъ въ роуцѣхъ подѣ шѣню древесной
Прежде кружилъ онъ лепуцѣй лишокъ!

А. Крыловъ.

~~~~~

КЪ МИРЪ.

(Опрывокъ изъ Поэмы: *Ирнеръ*, соч.
Лорда Байрона.)

Надежда, дщерь Небесъ, вчера одно мгновенье
Согрѣла грудь мою живительнымъ лучемъ;
И счастье льстивое, въ забвеніи моемъ,
Мелькнуло мнѣ, какъ привидѣнье!
Прекрасная Мирза! я о тебѣ мечталъ:
И воздухъ свѣжешью дышалъ,
И сами Небеса, какъ будто улыбались,
И думы мрачныя, какъ сны, позабывались;
Крошчайшій вѣкій богъ, казалось, предстоялъ.

*

Но снова въ сей дупцѣхъ проснулись мученья,
Неисповый воспоргъ меня объялъ!
И вопль ужасный угрызенья
Мечшы приапныя мгновенно разогналъ.
Привѣшшвую васъ, мраки ночи!
Привѣшшвую васъ, ужасы громовъ!
Мнѣ яркій молній блескъ не ослѣпляеть очи,
Не страшень мнѣ перунъ, лешащій съ обла-
ковъ!

Въ сихъ ужасахъ, въ семъ ревѣ опда-
ленномъ

Я голосъ брата узнавалъ...

О какъ бы я, въ моемъ воспоргѣ изспу-
ленномъ

Вмѣшательствѣ въ брань спихій желалъ!

Ты дочь Аравіи! спрашисъ, цвѣшокъ пре-
красный!

Тебѣ знакомъ Симумъ ужасный:

Коль онъ дыханіемъ губипельнымъ дохнешъ,
Цвѣзокъ увянешъ и падешъ.

О. Соловб.

НЕ ПОЗАБУДЬ МЕНЯ.

Арминія! когда въ краяхъ далѣкихъ,
Какъ въ вихрѣ листь, умчишя жизнь моя,
Когда въ шокѣ увядшій, одинокій,
Засну навѣкъ—не позабудь меня!
Попрежнему съ зарею міръ проснешся,
Попрежнему луна въ полночь зажжешся,
Ты будешъ вдаль смопрѣшь на лунный пушь,
Но я ужь мерщвъ... Меня не позабудь!

*

Не позабудь меня въ кругу веселомъ,
Гдѣ веѣхъ живишь улыбкой шы одной;
И въ пишияѣ, когда надъ злчнымъ доломъ,
Мракъ опускась, одѣнешъ шеремъ швой,

Когда въ полночь мiръ звѣздъ разоблачитсѣ,
 Твой духъ къ звѣздамъ въ воспоргѣ устремишсѣ,
мишсѣ,

Куда въ полночь лешалъ душой и я —
 Арминія, не позабудъ меня!

Не позабудъ меня, когда красою
 Весенняя дубрава заблещишъ,
 И солнца лучъ, зардѣвшисъ надъ волною,
 Увядшія лилеи оживишъ.—
 Воспомни ты воспоргъ мой, какъ впервые
 Узрѣлъ швои я прелесши младыя,
 Съ шѣхъ поръ внимаешь швой началъ нѣж-
ный слухъ:
 Не позабудъ меня, мой милый другъ!“

*

И смерть близка...ужь въ сумрачной долинѣ
 Предвѣспникъ вранъ ее ко мнѣ зовешъ;
 И голосъ мой, покоршвуя судьбинѣ,
 Тебя призвавъ, съ веселіемъ умрешъ!
 Въ душѣ швоей невольню духъ сгрустишсѣ;
 Къ тебѣ мой вздохъ, послѣдній вздохъ до-
мчишсѣ
 И возвѣспишъ, что мой оконченъ пушь.
 Арминія, меня не позабудъ!

В. Г.

~~~~~

ДРУЖБА.

Сспрасъ высокая, чувство душъ великихъ, блаженство сшраждающихъ, украшеніе счастливецвъ, о священная Дружба! ты уже именемъ своимъ напоминаешь мнѣ всѣ прелести жизни! Не ты ли воспаляешь Героевъ склонностію всегда чистою, оживляемою разсудкомъ? Добродѣтельная ушѣшительница, не тебя ли Верховный Владыка даровалъ человѣку, да изцѣляешь раны, наносимыя заблудшимъ разсудкомъ? — Чувство благошворительное, безъ тебя на землѣ нѣтъ счастья, ибо не съ кемъ раздѣлишь его! Добродѣтель божественная, какъ часто имя швое безславишя, какъ часто образъ швой измѣняешя, какъ часто не познаешя, но и въ самомъ незнаніи всегда богошворимъ смертными! Сспрасъ великодушная, небесная, возвышающая все бышіе наше и заставляющая жить единственно для друга, избраннаго сердцемъ, тебя я хочу описать! —

Сгараемый священнымъ огнемъ дружбы особливо тогда воспаляешя, когда видишь друга въ крайней нуждѣ, шребующей помощи; онъ слѣдуешь не раз-

лучно за несчастнымъ на край бездны, и не охлаждаешь даже равнодушіемъ своего избраннаго; любишь даже неблагодарнаго, невѣрнаго законамъ пріязни; состраждаешь, прощаешь виновному; раздираешься сердцемъ, но равно любишь пресшупнаго друга своего; жерпвуешь ему всемъ благополучіемъ своимъ, самою жизнію, и хочешь, что бы жерпва сія была ему неизвѣсна. — Дружба соединяешь двѣ души въ одну: у обѣихъ одинакіе желанія, чувствованія, склонности. Разрываетъ ли смерть союзъ драгоцѣнный и похищаетъ предметъ безсмертной приверженности—не спрашна могила: оспяющійся въ живыхъ скрываетъ опъ умирающаго слезы свои, услаждая послѣднія минуны жизни, утѣшаетъ его въ самомъ преддверіи вѣчности. Но опустивъ въ нѣдра земли, уже свободно проливаешь слезы; въ безмолвномъ уединеніи мрачнаго лѣса оплакиваешь невозвратную поперю свою, любишь въ горести мечташь о другѣ и не щадя жизни, бесполезной въ одиночествѣ, расправляешь печалію сердце осиропшлое.

Иногда во мракѣ ночи онъ думаетъ видѣть друга своего въ слабомъ мерцаніи свѣта, бесѣдуетъ съ умершимъ, какъ съ живымъ, находить оправду въ семь приятномъ и мучительномъ обольщеніи, проспиритъ руки къ любезному привидѣнію и, обнимаетъ только безчувственный мракъ; сердце по прежнему снѣдается плоскою; безуспѣшный призываетъ друга ночью, призываетъ его днемъ; и наконецъ изнемогая, падая подъ бременемъ печали, съ послѣднимъ дыханіемъ произноситъ любезное имя.

О божественная дружба! для чего не всѣ стараются чистымъ своимъ пламенемъ? Для чего всѣ имѣютъ себя на успахъ, а немногіе въ сердцахъ? для чего имя швое, которое произноситъ надлежало бы только добродѣтели, часто прикрывало ненавистную измѣну и коварные замыслы?

Изъ Ласпеда И. Богдановъ.

ОХОТА.

Я большой охотник до споровъ: какъ скоро начинаю говорить, пошчасъ начинаю и спорить—если найдешся человекъ, кошорой мнѣ противорѣчить; если же нѣтъ, то предлагаю себѣ собственныя мои мнѣнія и самъ ихъ опровергаю. Я спору о томъ, что видѣлъ, о томъ, что слышалъ, о томъ, что знаю, и даже иногда о томъ, чего не знаю; спору ошъ скуки, ошъ нечего дѣлать, спору нерѣдко и для того, что бы заставить кого нибудь говорить и научиться чему нибудь изъ словъ его.

Однажды приѣхалъ ко мнѣ спарой мой приятель, кошорый жилъ въ деревнѣ и проводилъ все время съ ружьемъ и собаками. Я начиналъ съ нимъ говорить объ липшеранурѣ, о наукахъ, о полишикѣ ... прокляпой человекъ ни въ чемъ мнѣ не противорѣчилъ пошому, что всѣ эти предметы выходили изъ сферы его понятій; наконецъ я догадался — началъ опорочивать охоту — и приятель мой началъ спорить изо всей силы; но у него такая крѣпкая грудь,

такой неушомимый языкъ, что онъ заговорилъ меня совершенно: я принужденъ былъ замолчать, а онъ принялся рассказывать мнѣ свою исторію.

„Ты знаешь, сказалъ онъ, что я воспитывался въ деревнѣ подъ руководствомъ превосходнаго учителя; сначала я учился весьма хорошо; но на 16 году жестокая болѣзнь прекратила всѣ мои занятія: у меня сдѣлались страшные біенія сердца, бессонница, и здоровье мое становилось всякой день хуже; машущка послала за Докшоромъ, которій, къ счастью моему, былъ человекъ весьма умной. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, онъ взялъ перо и написалъ рецептъ: *двуствольное ружье, лядунку съ порохомъ, якташъ для дигины и лягавую собаку; все вместе употреблять каждое утро четыре, или пять часовъ сряду.* Вы, городскіе жишели, знакомишесь съ колыбели со всѣми приятностями жизни, а пошому не можете вообразить себѣ удовольствія, самаго непорочнаго, которое я вкушалъ въ такіе лѣша, когда могъ бы уже знать многіе другіе нешорь невинные. Любовь моя къ охотѣ

доходила да дурачешва. При всякомъ въспрѣлѣ я препеналъ ошъ радости, и въ послѣдствіи времени никогда не чувствоваль такого восторга при видѣ прелестной любимой женщины, какъ тогда при видѣ убишаго мноюзайца. Черезъ нѣсколько времени сонъ, апетишъ, веселоснѣ възврашились; но учинься было уже нѣкогда—и я отправился въ полкъ.“

„Тогда была война; я провель три лѣта въ походахъ, двѣ зимы на кварширахъ въ Польшѣ и — благодаря шрудношьямъ однихъ и удовольствіямъ другихъ—возвращьсь домой, былъ такъ худъ и блѣдень, что меня съ шрудомъ могли узнать. Опять послали за Докпоромъ, онъ опять прописаль мнѣ по же лѣкаршво: я послушался — и молодоснѣ моя възврашилась.“

„Снуспя нѣсколько мѣсяцевъ я спрашно влюбилъся въ одну сосѣдку; скоро примѣшилъ, что у меня былъ соперникъ и имѣлъ глупоснѣ опчаявашься: сдѣлалъ молчаливымъ, задумчивымъ, пересталь ѣсть и спать; днемъ писалъ письма, копорыхъ она не принимала, а ночью ходиль по комнащѣ, искаль

средства опмспшишь за себя и выдумывалъ разныя романическія сцены. По счасію Докторъ подоспѣлъ ко мнѣ на помощь. „Любовь! Ревносшь! сказала онъ мнѣ; я знаю только одно лекарство отъ сихъ ужасныхъ болѣзней.“ — Смершь? — „Охоту, сударь, охоту!“ — Но я не найду въ ней никакого удовольствія. — „Да вамъ нужна усалосшь, а не удовольствіе: развѣ вы не видите, что спокойствіе шѣла увеличиваетъ дѣятельносшь души; упомище члены — и воображеніе успокоишься, а ппешшь возвратишься и любовь ваша угаснешь. Я принялся опять за ружье, объявилъ войну зайцамъ — и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вылечился такъ хорошо, что женился по волѣ отца моего на другой дѣвушкѣ, которой совсемъ почти не зналъ.“

„Жена моя была богата, умна, добродѣтельна; но къ несчастію получила отъ природы дурное лице и шяжелый нравъ. Я ее ненавиждѣль, а она меня любила; мы ни въ чемъ не были согласны, а она во всемъ копѣла подражать мнѣ. Я бралъ книгу — и она начинала чппашь; я подходилъ къ клавибордамъ — и она

начинала пѣшь; пѣла весьма невѣрно, а попому спрасшь моя къ музыкѣ обра- шилась для меня въ мученіе. Я надѣялся избавишься ошь нея, ѣздивши верѣхомъ; но она до пѣхъ поръ не выходила изъ манежа, покуда не въ состояніи была ѣздишь вмѣспѣ со мною. Я не зналъ уже куда дѣвашься; но къ счасшію вспомнилъ рецешь любезнаго Докшора, предался совершенно единспвенному упражненію, кошораго не могла раздѣляшь со мною жена моя—и еще разъ охота сдѣлалась моимъ спасеніемъ: въ первые дни она ходила вмѣспѣ со мною, но я водилъ ее спакъ далеко, что она поневолѣ оставила меня въ цокоѣ. Прошашавшись цѣлой день, вечеромъ я молчалъ, а ночью ональ. Видя меня мало, привыкла она жишь безъ меня, нашла себѣ новые занятія, нѣжностъ ея успокоилась и послѣ эптого мы жили съ ней довольно хорошо. Ипакъ ты видишь, другъ мой, что я имѣю причины хвалишь охоту и; что она, покрайней мѣрѣ, иногда бываешь весьма полезна.“

Приашель мой замолчалъ; я поблагодарилъ его и въ первой разъ въ жиз-

ни не сказалъ ни слова въ защипу своего мнѣнія.—

Изъ Жци. — А. Откинъ.

~~~~~

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ МОЕЙ ЖИЗНИ *).

(Истинное происшествіе, потерпѣнное изъ записокъ одного Офицера **).

Я, съ деньщикомъ своимъ, возвращался изъ подъ Дрездена въ Теплицъ и достигъ высокоу горъ, называемыхъ *Рудными хребтоу* (Erzgebirge). Дорога становилась часъ опъ часу хуже и спрашнѣ; рѣзкій сѣверовосточный вѣсперь продувалъ меня насквозь; дождь лилъ какъ изъ ведра. Казалось всѣ спихіи буншovali другъ прошивъ друга. Къ тому присоединялся еще глухой громъ пушечныхъ выспрѣловъ, копорый безпрешанно раздавался вдали позади меня.

---

*) Чисано въ дружескомъ лишперашурномъ Общеспвѣ (С. Д. П.) 12 го Августша.

***) Писано за два дни до сраженія при Кульмѣ.

Верховыя лошади наши едва шацились по скользкому скашу дороги. Въ мрачной задумчивости, опуспилъ я повода и даль лошади свободу везпи меня по произволу худая погода, а можешъ бышь и худая надежда на успѣшное окончаніе нашего предпріянія прошиву. Дрездена совершенно меня разспроило.

Наконецъ деньщикъ мой прервалъ молчаніе: 'ему хотѣлось добрашься поскорѣе до приспанища, чшобъ уполишь голодь и обсушиться. — „Лошади наши, сказалъ онъ подѣхавъ ко мнѣ, вязнушь въ грязи по колѣно, да и вамъ пора успокоишься. Не лучше ли будешъ въ первой деревнѣ остановишься на ночлеги?“ Въ сію минушу взѣхавъ на одинъ холмъ, увидѣли мы не вдалекѣ большую деревню, гдѣ и рѣшилъ я провеспи ночь. Вечеръ съ каждою минушою спановилъся мрачнѣе; дикая и уединенная спорона ужаснѣе. Дорога вела часшо между пропаснями. Ипакъ съ нашей спороны было бы слишкомъ дерзско, если бы мы вздумали въ незнакомыхъ намъ мѣспяхъ, при совершенной шемношѣ, продолжашъ пущъ нашъ далье.

Чрезъ полчаса въѣхали мы въ деревню. Съ трудомъ пробираясь между пушками, ящиками, повозками, копорыми заставлена была вся дорога, опыскали мы наконецъ домъ спаросшы и узнали ошъ него, что деревня называешся Пешерсвальде, и что всѣ дома въ ней заняшы кварширующими войсками. Несмотря на то, обѣщаль онъ намъ хорошую кварширу и даль до нее провожашаго.

Мы поѣхали въ слѣдъ за нимъ и шолько шупъ узнали, что кваршира намъ ошведена въ шалашѣ бѣднаго кресшьянина, находившемся на другомъ концѣ деревни, копорая занимала вдоль пространства едва ли не болѣе трехъ вершш. И шакъ намъ надобно было шацишся еще добрые чешверш часа, пока добрались до ночлега.

Въѣхавъ на дворъ, ошдалъ я лошадь деньщику, а самъ вошелъ въ избу вмѣстѣ съ провожаемымъ, несшимъ билетъ на заняшіе кварширы.

Какъ окаменѣлый ошановился я у порога; зрѣлище, представившееся мнѣ, было слишкомъ неожиданно.

Изба была полна людей. Крестьянинъ, сѣмья его, нѣсколько козаковъ и солданы спояли по угламъ разными группами. Посреди ихъ находилась молодая, прекрасная женщина. Съ перваго взгляда видно было, что она принадлежала къ лучшему классу, и послѣдствіе доказало, что я не обманулся въ своей догадкѣ. Въ нѣмомъ опчаяніи, ломая себѣ руки, ходила она взадъ и впередъ, и только время отъ времени вырывались у нея слова: „Боже мой! мой мужъ! мой мужъ!“ Горестъ этой женщины пронула меня несказанно. Я подошелъ къ ней и спросилъ, какое несчастіе ей приключилось и не могу ли я ей помочь. „Ахъ, Боже мой! нѣтъ! нѣтъ! — вскричала она взглянувъ на меня—что Богъ взялъ, того не возвращишь никакой человѣкъ. О я несчастная!“ Тупъ только примѣнилъ я въ одномъ углу шѣсный кругъ около колыбели. Я приблизился и увидѣлъ въ ней крошкаго ангела, казавшагося заснувшимъ. Это былъ двулѣпный сынъ безуплѣшной женщины, скончавшійся за нѣсколько минутъ до моего приѣзда. Сердце мое замерло. Я опошелъ и оперъ на вернувшіяся на глазахъ моихъ слезы.

Хозяинъ разсказаль мнѣ, что несчастная машь была жена одного .....скаго Капишана, копорый за два дни предъ симъ прошель черезъ Пешерсвальде съ полкомъ, и оставиль шуть жену ожидать окончанія экспедиціи, предсposableей прошиву сполицы Саксоніи.

Извѣстясь о причинѣ печали этой злополучной женщины, и видя что она отъ всѣхъ предсposableихъ совершенно оставлена своей горести, я снова подошелъ къ ней и спарался упѣшить ее надеждою скорого свиданія съ ея супругомъ. Она остановилась, посмопрѣла на меня нѣсколько минушь неподвижными глазами, какъ бы хотѣла припомнить себѣ кто я, и наконецъ сказала: „ахъ! сохраненіе мужа моего я конечно приму какъ неоцѣненный даръ небесъ; при всемъ томъ потерю сына, единственнаго моего сына ничто мнѣ замѣнить не можеть.... Но развѣ не слышите вы этошь громъ орудій? Каждое ядро, каждая пуля грозить смертію мужу моему, а вы хотите, чшобъ я была покойна?“—Что оставалось мнѣ опвѣчать на споль справедливое возраже-

ніе? Тщешно искалъ я новыхъ причинъ къ ея ушѣшенію. Сшоль плачевное зрѣлище слишкомъ поразило меня и гореснь эшой женщины сдѣлала и меня печальнымъ.

Между темъ пушечные выспрѣлы спановились часъ опъ часу слышнѣе и, казалось, болѣе и болѣе приближались къ Богемской границѣ. Я сѣвшиль въ поле, взошелъ на холмъ, и успремиль глаза свои шуда, опкуда слышна была спрѣльба. Вся окреспная спрана опкрылась моимъ взорамъ.

Мрачный горизонтъ былъ вдали освѣщенъ; багровое зарево лежало надъ Дрезденомъ. Казалось, онъ весь былъ объятъ пламенемъ; но эшо зарево происходило, какъ я послѣ узналъ, опъ нѣсколькихъ домовъ, кошорые горѣли опъ брошенныхъ въ нихъ гранашъ. Въ спорону, ближе къ Богемской границѣ, явшвенно различаль я молнію пушекъ; вѣрояпно онѣ спояли на большомъ возвышеніи: ибо огонь казался низпадающимъ съ неба. Я не ошибся, полагая что эши выспрѣлы происходили изъ крѣпости Кенигшпейна. Дождь все еще

лиль рѣкою; мгла окружала меня; вой вѣтровъ сливался съ громомъ пушекъ, удары коихъ спановились чаще и чаще; подъ ногами моими ревѣлъ ручей, который увеличась отъ прилива дождя, съ ужаснымъ шумомъ свергался со скалы. Спрахъ, удивленіе, опасеніе, печаль непрерывно волновали мою душу. Я былъ на многихъ сраженіяхъ; видѣлъ много пожаровъ, испреблявшихъ цѣлыя селенія и города; много друзей и знакомыхъ умерли вокругъ меня, въ глазахъ, на рукахъ моихъ: но такое зрѣлище поразило меня—оно было слишкомъ для меня ново. Я поспѣшилъ домой, вспомня о вопляхъ женщины, кою сердце раздиралось сугубой печалью: поперею единственнаго сына и опасеніемъ вѣчной разлуки съ ея супругомъ. Я нащель ее, казалось, нѣсколько успокоенною; она сидѣла на скамейкѣ подлѣ сполоа. Козаки улеглись на голомъ полу и спали крѣпко, хозяинъ также лежалъ въ постелѣ.

Деньщикъ мой приготоовилъ мнѣ между шемъ немного поужинашь и вынулъ изъ чемодана другое плашье, чшобъ

перемѣнишь измоченное дождемъ до
нишки.

Переодѣвшись въ сѣняхъ, вошелъ я
опять въ избу и сѣлъ за столъ проши-
ву Дамы. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ:
сердце мое было слишкомъ встревоже-
но, и припомъ извѣстность имѣль по-
длѣ себя столъ несчастную особу не
давала мнѣ покоя. Я предался размы-
шленіямъ.

Въ такомъ положеніи оставался я
до чепырехъ часовъ, какъ вдругъ ужа-
сный спукъ у воротъ пробудилъ меня
отъ задумчивости. Я побѣжалъ, чтобъ
отворить; но работникъ предупредилъ
меня. Не любопытствуя видѣль при-
шедшихъ, возвратился я въ избу. Скоро
послѣ меня вошло въ двери нѣсколько
человѣкъ ...скихъ солдатъ, несшихъ шѣ-
ло убитаго Офицера. Съ воплемъ отча-
янія вскочила сидѣвшая противъ меня
Дама и въ мерживомъ оцѣненіи бро-
силась на шруль. Козаки пробудились
и окружили группу. Глаза всѣхъ напол-
нились слезами; я и многіе не могли
удержаться отъ рыданій. Наконецъ не-
счастливая женщина почувствовала къ

новой горести. Съ нѣкопорымъ родомъ сумасшесствія спала на колѣни и рвала на себѣ волосы. Глаза ея были сухи, но все лице искажено знаками безмѣрнаго опчаянiя. Я старался привести ее въ себя, но тщетно. — „Боже мой! этого уже много! слишкомъ много!“ — повпоряла она прерывающимся голосомъ. — „Возьми и мою жизнь: она не нужна мнѣ.. Сына и мужа поперяшь пакъ внезапно, въ одинъ день, почти въ одинъ часъ! Нѣтъ! это ужасно!...теперь я одна, одна въ цѣломъ свѣтѣ.“...Я споялъ подлѣ нея и не могъ ей помочь. Горестъ ошнела и у меня всѣ душевныя силы.

Въ это время подошелъ ко мнѣ деньщикъ и звалъ меня оставишь это жилище плача и спенанiй. Я согласился. При моемъ ошѣздѣ она все еще лежала на шрупѣ своего мужа и произносила слабымъ голосомъ: „Боже! великiй Боже!“ — Да ушѣвшишь, Всевышнiй тебѣ, несчастная! да возвратишь тебѣ поперянное спокойсливiе. Твоя примѣрная любовь къ супругу и сыну заслуживаетъ высокое воздаянiе.

Съ разшерзаннымъ печалiю сердцемъ

сѣлъ я на лошадь и оставилъ деревню, копорой одного имени не могу вспомнить безъ содраганія. На другой день она была занята неприятелями. Что сдѣлалось съ злополучною, Богъ знаетъ. Я не могъ ничего развѣдать о судьбѣ ея.

Сословинъ.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО
НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ *).

(Продолженіе.)

Кухмистерской столъ. Май 1818.

Благодареніе Богу! мое путешествованіе благополучно продолжается! Все обыкновенное! Странно только то, что я безпрестанно встрѣчаюсь или съ авторами, или съ редакторами, или съ переводчиками!...Мое путешествованіе можно назвать саншментальною прогулкою по кабинетамъ сочишпелей ... или чудными встрѣчами...на Невскомъ проспек-

---

*) См. *Благонамбранный* прошедшаго 1820 года, N° XI, XIII и XV.

пѣ. Чудныя, въ самомъ дѣлѣ чудныя
встрѣчи! Куда нейдѣ, вездѣ авторы! Не
уже ли ихъ такъ много въ Пешербургѣ?
Мнѣ кажется однако, что многіе при-
своили себѣ это названіе 'авторовъ' —
очень несправедливо? Впрочемъ—оно не
приноситъ у насъ большихъ выгодъ; и
изъ всѣхъ несправедливыхъ приобрѣше-
ній—самое невинное, самое извинитель-
ное... Много ли писателей, которыхъ
уважають именно за то... что они пи-
сатели? ... Пять, шесть человекъ *) а
прочіе — или покорнѣйшіе рабы книго-
продавцевъ — или!...

Въ кандидерской лавкѣ я видѣлъ Поэ-
шовъ; въ книжной лавкѣ — Прозаиковъ;
теперь—видѣлъ Крипиковъ, нашихъ Ари-
старховъ... Звуки громкихъ ихъ голо-
совъ и шеперь еще опзываются въ мо-
емъ слухѣ...и шеперь еще вижу ихъ гроз-
ные взгляды...

Вышедъ изъ книжной лавки, я за-
думался... Иду — въ шихомъ уныніи, съ
безпечнослію (словомъ иду, какъ пока-

---

*) Не больше ли? *Прим. Изд.*

зано ходишь чувствительному путешественнику) вдруг—ужасный крикъ поражаетъ слухъ мой. Остановливаюсь—и узнаю, что онъ происходитъ изъ подвала, надъ которымъ сѣнешь надпись: *Кухмистерской столбъ*...Еще разъ повторю, что я люблю искашь приключеній; еще разъ повторю, что чувствительному путешественнику вездѣ надобно бышь, все видѣшь.—Я...иду въ подвалъ.

Если бы я писалъ не порусски и не для Русскихъ — непременно бы сдѣлалъ описаніе Русскихъ харчевень, самое подробное; рассказалъ бы, что въ энихъ кухмистерскихъ столахъ запахъ самый неприятнымъ, тяжелымъ; что столы накрышы самыми салными скапернымъ; что шамъ нельзя достать ни одной бушылки хорошаго вина—но мои соотечественники пусть сами туда заглянушь, если не хошашъ мнѣ вѣришь.

Спускаюсь въ подвалъ — и вхожу въ маленькую, запачканную, закопѣлую комнашку — съ низкими поклонами всрѣчаетъ меня человекъ, въ красной Русской рубашкѣ, и спрашиваетъ съ улыбкою: „что прикажете, Ваше Бла-

городіе? Поросенка, или вѣпчины? Щей, или бошвиньи?“ — Вошь я наконецъ въ комнашѣ, заняшой громогласнымъ обществомъ. Человѣкъ десять молодыхъ людей сидянтъ кругомъ спола за спаканами пунша. Они спучашъ руками и ногами, качаются на спульяхъ, звѣняшъ спаканами, и всѣ до одного кричатъ. Смиренно сажусь въ уголкѣ, и не желая подашъ подозрѣнія, что я пришелъ ихъ слушашъ, спрашиваю у вѣжливаго прислужника ... бошвиньи.

Послѣ бури обыкновенно бываешъ пицина; и мои громогласные сосѣди мало помалу ушихнули. Разговоръ сдѣлался порядочнѣе, и я замѣшилъ, что большая часишь крикуновъ обратилась къ одному молодому малорослому человѣку, который съ важностию курить трубку и прихлебывалъ пуншъ. Вдругъ эиошъ молодой, малорослый человѣкъ вспаешъ съ своего мѣсша... Все ушихло. Онъ оиашъ садился и начинаешъ говорить: „Все эио не шо, господа! Не шакъ должно поступашъ въ такихъ случаяхъ! Выслушайте меня! Теперь у насъ шишущъ, не шакъ какъ мы пищемъ —

„но всякой изъ насъ знаетъ. что кромѣ
 „насъ никто не умѣетъ писать порус-
 „ски. Что значать передъ нами всѣ эти
 „модные, любимые авторы?—Мы хопимъ
 „оцѣнить ихъ—показать Публикѣ, что
 „она ошибается. Хорошо—но нападаешь
 „явно на людей, которыхъ она защи-
 „щаетъ—не выгодно!—Надобны насмѣш-
 „ки, сипаціи изъ Буало, ссылки на оша-
 „ринныя книги; надобно каждому изъ
 „насъ преобразиться въ какого нибудь
 „забавнаго шаричка, жителя Васильев-
 „скаго Острова, Буырской Слободы,
 „Бродяги . . . . Какъ не прочесть моей
 „спашы, гдѣ я докажу, что . . . . не
 „Поэтъ, и подпишусь именемъ какой
 „нибудь рыбы—или *обитатель гердака*
 „*у . . . моста?* — Еслижъ кто нибудь спа-
 „шетъ доказывать, что я не правъ—
 „темъ лучше для меня! Я сдѣлаюсь из-
 „вѣспыгмъ!— Это самый легкій и вѣр-
 „ный способъ заставить говорить о
 „себѣ! Примѣръ въ нашихъ журналахъ!—
 „Наши театральные судьи, защитники
 „и обвинители актеровъ, и прочіе и
 „прочіе—кто узналъ бы объ этихъ бо-
 „гашыряхъ, еслибъ они не прибѣгли къ

„Журналамъ и двумя, прѣмѣ оспрѣнь-
 „кими словцами не обрашили на себя
 „вниманія.—Такъ должно послушанъ и
 „намъ господа!—Ты будешь пишешь ко-
 „меди на Журналистовъ!“ сказала Ора-
 шоръ, оборотясь къ молодому, сушоло-
 ващому человѣку въ очкахъ, которъ
 былъ еще меньше его ростомъ. „Ты бу-
 „дешь пишешь пасквили экзаменромъ и
 „насмѣхашься надъ экзаменрами!“ про-
 должалъ онъ оборотясь къ другому мо-
 лодому человѣку въ модномъ сершукѣ.—
 „Ты будешь кричать вездѣ, что я пишу
 „лучше всѣхъ прозою“ — сказала обо-
 ротясь къ третьему — „крѣпкая грудь
 „швоя замѣнишь талантъ.— Ты будешь
 „хвалишь меня въ журналахъ...“ — Сло-
 вомъ мой малорослый крикунъ роздалъ
 всѣмъ роли, и потомъ пригласилъ всѣхъ
 къ себѣ... на чашку чаю. — Они ушли.

Я вышла изъ подвала—съ намѣре-
 ніемъ потчасъ же записашъ эпошъ раз-
 говоръ—но не сказывашъ гдѣ именно я
 его слышала. Меня назовушь собесѣд-
 никомъ пуншевыхъ бесѣдъ, бродягой
 пракфирнымъ старичкомъ, посѣщителемъ
 харчевень....Но что нужды? Я чув-

спвишпельный пупешеспвенникъ! Я дол-
жень вездѣ побывашь!

Кандитерская лавка Амбіеня.

Какъ я доволенъ своимъ пупеше-
спвиемъ! Какое счастье жить въ Пешер-
бургѣ и не знашь другихъ городовъ и го-
родковъ! ... Благодарю Провидѣніе! Благо-
дарю судьбу свою! .. А я ропшалъ—я со-
бирался ѣхашь Богъ знаешь куда!...Прав-
да, совершенная правда: *вездѣ хорошо,
едѣ насѣ нѣтъ!* Прежде я не вѣрилъ этой
пословицѣ ... Чшожь заставило благода-
ришь судьбу, копорая не выпускаешь
меня изъ Пешербурга? Чшо?—Узнаешь..

Я зашелъ въ кандитерскую лавку
Амбіеня прохладиться и ошдохнушь по-
слѣ жестокаго испыпанія въ подвалѣ.—
Мнѣ подаюшь рюмку мороженаго.—Бла-
годѣтельное изобрѣшеніе! Я забылъ шум-
ную пуншевую бесѣду — и достоинство
свое: достоинство чувствительнаго пу-
шеспешвенника, какъ вдругъ раздались
громкіе восклицанія въ комнашѣ, въ ко-
шорой я сидѣлъ.—„Давно ли здѣсь? Гдѣ
былъ? ... Какъ я радъ, чшо тебя вижу! ...
Какими судьбами!“—Вошь шѣ восклица-

нія, копорые мнѣ помѣшали вполнѣ насладиться моею, рюмкой мороженаго. — Я посапавиль рюмку на сполікъ—взяль газешы—и подѣ зацішоной ихъ спалѣ играць свою роль наблюдателя и чувствительнаго путешественника.

Двое молодыхъ людей спояли у окна, держась за руки, осыпая другъ друга вопросами. — Одинъ, какъ я догадался, какъ можешъ и всякой догадашься, былъ приѣзжій — другой Пешербургскій — и эшошь — шо Пешербургскій кричалъ: давно ли? здравствуй! и прочіе восклицанія, помѣшавшіе мнѣ доѣспѣ спокойно мое мороженое. — Они держались за руки—обнимались—и съ учасціемъ смотрѣли другъ на друга. Но вошь ихъ разговоръ...я его расскажу какъ слышалъ и какъ запомню.—Вообразите, что вы читаете пеперь какую нибудь Комедію... Вообразите—эшо не мудрено. Читайте же. Нѣшь! прежде надобно дашь имена дѣйствующихъ... Хорошо! Одинъ Пешербургскій, другой приѣзжій. Они сѣли у окна.

Петербургскій. Ишакъ шы опяшь здѣсь?

Приѣзжій. И никогда не оставлю Пешербурга.

Пет. Никогда? Не пы ли кричалъ, что Пешербургъ скучный, несносный городъ? — Помнишь ли? ... Что же перемѣнило твои мысли?

Пр. Моя поѣздка... Благодареніе Судьбѣ! Я узналъ что такое провинція! Какіе люди—какіе общества въ эсихъ губерніяхъ—узналъ—и безъ ужаса не могу вспомнишь времени, проведеннаго мною внѣ Пешербурга.

Пет. Но расскажи мнѣ что съ побою случилось?—Вѣрно чудесные, неожиданные приключенія?

Пр. Изволь—ты знаешь, что я скучалъ въ Пешербургѣ...Что не наскучишь человѣку въ 22 года? Прогулки, театры, общества — все надоѣло мнѣ! Я искалъ перемѣны, искалъ новаго и съ радостию согласился ѣхать въ *V.*, когда мнѣ предложили тамъ мѣсто. — Я воображалъ, что ѣду въ земной рай. — Заранѣе представлялъ мою провинціальную жизнь, мои занятія, мой кабинетъ, дружеское общество — все въ самомъ приятномъ, восхищительномъ видѣ. Наконецъ послѣ

мучительной дороги, которую мужественно перенесъ, приѣхаль я въ V... Первый шагъ въ городъ — охладилъ мое восхищеніе... Предсавъ, что я не зналъ куда преклонишь голову! Тамъ нѣтъ домовъ для приѣзжихъ, и я, простоявъ часа два на улицѣ, долженъ былъ остановиться на кварширѣ, которую опыскалъ въ самомъ грязномъ переулкѣ города.— Вхожу... предсавъ себѣ комнашу — запачканую, заваленную мѣшками съ овсомъ, крупами, плашьемъ — въ углу Русскую печь, которая распросшраняла кругомъ несносный запахъ рыбы съ посланнымъ масломъ—два окошечка, въ которые едва входилъ свѣтъ — и полъ, на которомъ лежала слоями грязь — вопъ внушренность моей кварширы—и вопъ гдѣ долженъ былъ я помѣщаться съ хозяйкой дома, съ ея внучками, курами, кошками, поросятами! — Признаюсь, эпошь первый шагъ въ V. такъ поразили меня—мнѣ сшало шакъ грустно, что я готовъ былъ ворошиться пѣшкомъ въ Пешербургъ. Нечего было дѣлать! Я попросилъ очистишь себѣ уголокъ, кое-какъ разобралъ свои вещи, и

сѣль . . . на чемоданѣ , за неимѣніемъ спула . — Вообрази мое положеніе ! . . . Я ѣхалъ съ такими прияшными надеждами , съ такимъ радоспнымъ ожиданіемъ — но велѣніемъ Судьбы — очутился въ хлѣву . . . Говорашъ , что съ деньгами вездѣ хорошо ; но тушь и съ деньгами я не зналъ что дѣлашъ . — Между темъ вечеръ приближался . . . лучина задымилась . . . хозяйка и внучки сѣли ужинашъ . . . куры усѣлись . . . поросята замолкли . — Хозяйка косилась на поспояльца ; поспоялецъ радъ былъ опдашъ ей половину своихъ денегъ , чтобъ шолько избавишъся ея кварширы . — Коекакъ досталъ я свѣчу . . . и не раздѣваясь , бросилъ на чемоданъ . — Рано , очень рано ушромъ вспаю . . . больной , измученной , и идѣ поспощрѣшъ V . — Спроеній немного , большая часшъ мазанокъ . Цѣлью моей прогулки была кваршира . . . Я вспрыгнулъ опъ радости , когда одинъ добрый снарикъ сказалъ мнѣ , что ешъ кваршира въ домѣ одной Полковницы . Бѣгу , и нахожу въ самомъ дѣлѣ при комнашъ , довольно хорошо мебелированнъя . Въ шу же минушу на-

нимаю, перевожу свои вещи — и — забываю свое вчерашнее горе... Опдыхаю — и примиряюсь съ *V*...

Въ короткое время я познакомился со всемъ городомъ—по есъ на другой же день послѣ моего переселенія на новую кварширу. Тамъ есъ церковь, въ копорую весь городъ собирается по воскресеньямъ. Меня, какъ приѣзжаго, пошчасъ примѣпили шамъ—и дѣло кончилось шемъ, что я со всѣми познакомился. — Начинаю ходишь къ шому, къ другому—и мнѣ эшо вмѣнили въ грѣхъ, въ непростишельный грѣхъ. Напримѣръ шамъ опличаешся бойкой, отспавной Поручикъ. — Онъ распоряжаешъ всемъ; онъ заказываешъ обѣды; онъ назначаешъ балы и праздники — все повинуется его волѣ! *) Такъ какъ въ *V*. не всѣ еще потеряли здравый разумъ, шо и нашлись люди, копорые не захошѣли имѣшь чеспи раболѣпствовашъ передъ Господиномъ Поручикомъ.—Онъ не шерпишь неповиновенія, и сдѣлался непримиримымъ врагомъ и гонителемъ не признающихъ его могущеспива. — Къ не-

---

*) *Ахъ онъ Поручикъ! ахъ онъ злодѣй! Изд.*

счастію, или счастію, нѣкоторыя изъ эгихъ вольнодумцевъ мнѣ понравились, и я спалъ навѣщая ихъ.—Гляжу ... Поручикъ со мной и не кланяется—Поручикъ—и не глядишь на меня! И во всѣхъ домахъ и домикахъ заговорили обо мнѣ, что я и дуракъ, что я грубіянь, не умѣю жишь въ свѣтѣ, не умѣю говоришь. — Эти разговоры восхипили меня! Я спалъ забавляясь говорунами и Г. Поручикомъ. Каждый день упрямъ скакаль по городу верхомъ *), а послѣ обѣда, или вечеромъ съ людьми оппозиціонной партіи хохошаль надъ раскащиками.— Часто, по привычкѣ, прогуливаясь вечеромъ, пѣль Тирольскіе вальсы—или сидя подъ окномъ, смопрѣль въ телескопъ на проходящихъ и проѣзжающихъ. Все эшо вмѣнили мнѣ въ ужасные пресупленія... и я слышу, что старухи креспяшся при одномъ имени моемъ, а опщвѣшающія красоны, ропы Г. Поручика, прославляють меня негодяемъ и пьяницей; что я во все горло пою пѣсни, прогуливаясь по улицамъ и мимо *Бнаральскихъ* домовъ; что я...довольно!...

---

*) Когда же ходиль къ должности? *Пр. Изд.*

Меня пожаловали вдругъ изъ дураковъ въ негодяи первой степени...Этого мало. Однажды меня пригласили на охоту. Я далъ слово, и велѣлъ приготовить верховую лошадь....Надобно пѣбѣ знать, что моя квартира, или домъ, въ кошоромъ я жилъ, выходилъ на двѣ улицы, и заднее крыльцо его соединилось съ переднимъ посредствомъ коридора.—Въ ожиданіи поварищей; пригласившихъ меня на охоту, сажусь у окна...вдругъ они подѣзжаютъ и поросятъ меня.—„Сей часъ, господа! сказала я, сей часъ!“ — Выбѣгаю на дворъ — сажусь на лошадь и черезъ коридоръ выѣзжаю на улицу....На другой день...Ужасъ! Во вѣхъ домахъ, во вѣхъ домикахъ, на площадяхъ, въ кабинетахъ, въ переднихъ въ конюшняхъ, ни о чемъ другомъ не говорили какъ обо мнѣ и о моей лошади! Нашлись свидѣтели происшествія и увѣряли, что я превратилъ мою комнапу въ конюшню—что я въ комнапахъ ѣзжу верхомъ — въ залѣ обгоняю лошадей на кордѣ — въ госпиной кормлю лошадей овсомъ—а въ спальнѣ пою ихъ. И заговорили и заболшали! Послѣ: *здоровы ли*

вы? — сей часъ начинали рассказывать обо мнѣ и моихъ лошадяхъ.— Когда же я проѣзжалъ по улицамъ, спарухи закрывали свои лица — вѣрояпно, чѣтобъ не испугать моей лошади — а молодыя бросались къ окошкамъ... и дивились, какъ могу я ѣздить верхомъ въ комнапахъ, вышней двухъ аршинъ съ чепвершью? — Служки обо мнѣ достигнули до города N. за пятьдесятъ верстъ отъ V. — опшуда, исправленные и умноженные, пронеслись въ деревню Г-жи Полковницы, хозяйки дома, въ кошоромъ я жилъ. Она — ахнула — перепугалась моя голубушка — и прислала эсшафету къ Городничему. — Пишеть, чѣто бы ради Христа освободилъ онъ ее отъ постояльца — чѣто она не спитъ отъ сшраха другую недѣлю — чѣто ей все кажется, будшо я переверну домъ ее вверхъ дномъ. — Городничій объявилъ мнѣ, чѣтобъ я сыскалъ себѣ другую квартиру и объяснилъ причины. — Спранные люди! Если я провель лошадь по корридору, въ кошоромъ надобно прыгать, чѣтобъ не переломить себѣ ноги, или не провалишься — шо вѣрно не корридоръ могъ испортишься, а моя бѣдная лошадь... и

будшо въ первый разъ проходили по немъ лошади!.. О сколько лошадей—сколько даже ослось прогуливалось тамъ прежде, гораздо прежде моей лошади!.. Но—эшо дѣло постороннее...

Я переѣхаль на новую кварширу и опъ скуки принялся за рисованье... расписаль занавѣски у своихъ оконъ по-своему, п. е. предсшавиль каррикашурныя группы мужчинъ и женщинъ. — Чшожь вышло? Опяшь работа проворнымъ языкамъ! Опяшь заговорили обо мнѣ! Нашли сходство въ моихъ каррикашурахъ съ такими-шо, съ шакою-шо, и пошла пошѣха! — Въ моемъ переулкѣ сдѣлался базарь! Безпрестанно начали мимо ѣздить, чшобъ посмопрѣшь каррикашуры; полпами сбирались передъ окнами и полковали!.. Ужась! — Между шемъ Поручикъ, или чшо-шо похожее на военное, продолжалъ свою работу и прославлялъ меня.—Все эшо было забавно для меня сначала; но послѣ наскучило и бѣсило. — Все, чшо скажу, чшо сдѣлаю — все извѣстно — гдѣ былъ, чшо ѣлъ, чшо пилъ — все узнано и все рассказано съ тысячами прибавленій. На-

конецъ я началъ явно насмѣхаться надъ Г. Поручикомъ, надъ всѣми его рыцарями и дамами. Я опспалъ опъ общеспвъ и началъ жить пуспынникомъ!—И очень былъ радъ. Надобно тебѣ знашь общеспво въ эпомъ *V*. Всѣхъ домовъ не болѣе двадцати (ш. е. дворянскихъ домовъ).—Ошгадай же сколько партій?—*Пятнадцать!!* Всѣ косяшся другъ на друга, выдумываюшъ клеветы, рассказываюшъ небылицы—Сойдушся ли женщины....молчаніе. Сидяшъ — попарно, или по шри; и шепчушся.....Взглядываюшъ на сосѣдокъ—осмашриваюшъ ихъ съ головы до ногъ—и злобно улыбаюшся другъ на друга....На другой день и пошли рассказы! Такая-то была въ шакомъ плашь! „Умера!..Что за шадія!... Чшо за дурацкая кисея!... А ша-шо, въ бѣлой Турецкой шали!... Знаеш ли кшо ей пода-риль?... Ну—Купецъ, которому было дѣло до ея мужа!“—И вопъ подобные-шо разговоры всегда занимаюшъ женскіе языки *V*.—А мужчины? — О эти важные люди слишкомъ заняшы! Ушромъ дѣлаюшъ происки другъ надъ другомъ, или занимаюшъ деньги у людей, которые

имѣюпъ до нихъ нужду; а вечеромъ играюпъ съ шѣми же заимодавцами въ каршы, и пьюпъ—пьюпъ немилосердо! Безъ ошибки можно сказапъ, что въ девять часовъ вечера весь *V.* пьянъ! — И вошь въ какой городокъ привела меня судьба! Боже мой! Какъ искренно молилъ я Бога о возвращеніи меня въ Пешербургъ! Наконецъ желаніе мое исполнилось! Я здѣсь, и даю клятву—никогда не оспавляпъ Пешербурга!—Здѣсь я живу; живу какъ хочю; никто обо мнѣ не думаешъ — никто не забоишся какой у меня жилешъ и какіе сапоги! А шамъ? Но — все прошло!.. Выпьемъ за здоровье Пешербурга—и пожелаемъ болѣе разсудка жителямъ *V.*....

Молодой человекъ вспаль и удариль по рукъ своего товарища. „Вошь вся исторія — или нѣкоторыя случаи моей провинціальной жизни. — Не правда ли, что эти уроки — научили меня цѣнишь Пешербургъ и столичную жизнь ...“

И для меня это урокъ! подумаль я. Благодарю Провидѣніе, что живу въ Пешербургѣ — и путешествуя только по Невскому проспекту!....

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПИСЕМЪ КЪ М. И. Г. О
ЛУНѢ.

Письмо II.

Благосклонный приемъ вашъ моего сочиненія заспавляетъ меня продолжатъ его. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ описалъ я вамъ нѣкоторыя главныя причины, заспавляющія насъ любить Луну: послѣ этого старался я наблюдать за собственными нашими чувствами касательно сего предмета, и полагаю, что изъ числа важныхъ причинъ привязанности нашей къ прелестной Лунѣ есть то, что она бываетъ видима въ самыя мирныя минушы, въ минушы вдохновеній, то есть: вечеромъ и ночью.

Когда природа въ сладкомъ снѣ
На лонѣ нѣги ошдыхаетъ,
И лишь дубрава въ тишинѣ
Пернапыхъ пѣсни повсоряетъ —
Какъ дѣва юная одна
Идетъ въ молчаніи глубокомъ:
Такъ, вышедъ изъ за горъ Луна,
Глядитъ на насъ влюбленнымъ окомъ.

Тёмнопа ноци и паинспвенный
свѣшь Луны вливають въ душу неизъ-
яснимые чувсшва, рождають смѣлосшь
и заспавлиють рѣшашься на опаснѣй-
шіе предпрятія:

Такъ дочь владыки Алькашои, *)
Плѣнясь врагомъ своей спраны,
Смошря съ спѣны на бранны спрои
При свѣшь блѣдныя Луны —
Къ ошцу въ чершогъ поспѣшно входяшь,
Сопровождаема Луной,
И робкій духъ не переводяшь,
Ошрѣзавъ волосъ роковой —
Иль Тизба нѣжная, въ разлукѣ
Не могли съ милымъ другомъ жидь,
Томясь въ опчаяньи и мукѣ,
Судьбѣ рѣшаешя вручишь
Себя — закрывъ лице прелесшно,
Украдкой домъ оспая свой,
Идешъ пропинкой неизвѣстной
Съ своею спутницей Луной.

---

*) Городъ, принадлежавшій Царю Низу.
Дочь его Сцилла, плѣнясь Миносомъ, сдала
оный ему, ошрѣзавъ съ головы ошца пурпу-
ровый волосъ, ошъ кошораго, зависѣла судь-
ба всего государсшва.

Что касается до меня, — еслибъ Луна рождала во мнѣ смѣлосшь приводишь въ дѣйствіе' мои намѣренія, и слѣдовашь движенію моего сердца: по' при каждомъ своемъ появленіи находила бы она меня у ногъ моей обожаемой М...

Но только я рѣшусь' открыться,
 Хоть смѣлосшь мнѣ Луна внушишь,
 Тушь строго вамъ взглянуть случишься,
 И въ мигъ Поэшь вашъ—замолчишь.

Другое достоинство Луны есть то, что она меланхолическимъ, помнымъ своимъ полусвѣтомъ, сколько я могъ замѣпить, наспроиваетъ насъ къ мечтамъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь описать вамъ разные роды мечтаній; хоща они и рѣдко бывающъ сбыточны, но человекъ почти только бываетъ счастливъ мечтающа, даже и самое счастье едва ли не мечта. Что касается до меня, по я большой мечташель — помните ли, когда бывши у насъ, вы пѣли прелестную арію: *Я не скажу тебѣ люблю*; Луна явилась на небѣ — я забылся и воображалъ, что слова романса относятся ко мнѣ. Какъ я былъ тогда счастливъ!

И въ сердцѣ я моемъ швердилъ тогда сто разъ,
 Что, еслибъ нѣжно пакъ *любили*,
 Любили, какъ люблю я васъ,
 Тогдабъ въ земномъ раю мы жили.

Впрочемъ иныя мечпанія бывають
 довольно сбывочны, и я увѣренъ, что
 одно изъ моихъ сбудешся; вы вѣрно хо-
 шите знать какое?

Когда подъ вашею рукой,
 Звукъ нѣжный фортепіанъ вздыхаетъ,
 Поэтъ вашъ съ спраспною душой
 Сидитъ въ молчаньи и мечпаетъ,
 Что съединивъ мою судьбу
 Навѣки съ вашею судьбою,
 Во взорахъ вашихъ рай найду
 И счастье міра подъ рукою.

Но естъ мечпанія, копорымъ мы
 предаемъ, какъ будто не мечпаня, и
 даемъ имъ нѣкопорый видъ сущестпен-
 носпи, напримѣръ:

Я слабою моею рукою
 Наспроивъ скромную свирѣль,
 И съ милою подружась мечшою,
 Для васъ кой-какъ Луну воспѣлъ;
 Но вамъ безъ спраха посылаю
 Спихи, скропавъ въ свободны дни,
 И даже иногда мечпаю,
 Что вамъ понравятся они.

Вл. Длиторіевъ.

С М Ъ С Б .

Анекдоты .

1.

Экспролитъ за экспролитъ.

Недалеко отъ Бреслава, главнаго города Прусской Силезіи, находится дача, называемая Шейденихтъ (Scheidenicht), принадлежащая Принцу Гогенцоллернъ, сослывшему въ Королевско-Прусской службѣ. Въ тамошнемъ саду, извѣстномъ своею красою, есть между прочимъ конная статуя Фридерика II, съ разными, весьма оспроумными надписями въ похвалу сего Героя. Въ 1806 году, когда Французы заняли Силезію, одинъ опрядъ ихъ войскъ назначенъ былъ расположиться въ квартирами на мызѣ Шейденихтъ. Командующій онымъ Офицеръ, прогуливаясь по саду, и читая надписи на сей статуѣ, вздумалъ испытать свой пиписическій талантъ и написалъ на пьедесталѣ карандашемъ большими буквами:

En faveur du grand roi, qui régna dans ces
lieux,
Napoléon! pardonne á son fils malheureux *).

*) Ради великаго Государя, царствовавшаго въ сихъ мѣстахъ, прости, Наполеонъ! несчастному его потомку.

Едва онъ успѣлъ пройшиться по дальнимъ аллеямъ и возвратиться къ памянику, какъ нашель уже подъ своею надписью слѣдующіе стихи, написанные также карандашемъ:

Peuple frivole, esclave et voleur,
 Tu n'es que trop digne d'un tel Empereur,
 Qui violant les loix, te méprisant de même,
 Par cent atrocités eût le pouvoir suprême;
 Mais s'il vivait encor qui régna dans ces lieux,
 Il vous en chasserait et vengerait les Dieux,
 Trop offensés des crimes de ce Cameléon
 Que vous nommez toujours le Grand Napoléon *).

К. п. ю. ка.

2.

Урокъ Клеветникамъ.

На роскошныхъ берегахъ озера *Cu - eu*, между гробницъ возвышается мавзолей, подъ коимъ покоишься прахъ Мандарина, падшаго

---

*) Легкомысленный, рабскій и хищный народъ! ты весьма достоинъ такого владыки, котораго презирая и себя и законы, тысячью гнусностей и лютоостей приобрѣлъ себѣ верховную надъ собою власшь. Но если бы жилъ еще пошль, кто царствовалъ въ сихъ мѣстахъ: то безъ сомнѣнїя выгнать бы онъ отсюда всѣхъ васъ и ошмшилъ бы боговъ, оскорбленныхъ злодѣянїями гнуснаго сего Хамелеона, котораго называете вы Великимъ Наполеономъ.

опшъ ядовитыхъ спрѣль клеветы. Императоръ, осудившій его на смерпъ, узнавъ свою ошибку, повелѣлъ лишить жизни чепырехъ клеветниковъ, совратившихъ его съ пуши истины, изваявъ изъ бронзы изображенія ихъ и поставивъ при гробницѣ несчастнаго Маңдарина. Спашуи сіи видны и понынѣ: клеветники изображены споящими на колѣняхъ, со связанными за спиной руками, поникшею главою и лицемъ, обращеннымъ къ жершвѣ ихъ злобы; имя каждаго начертано на груди спашуи. Кишайцы, приходящіе сжигашъ благовонія предъ сею гробницею, возвращаясь домой, всякой разъ бьютъ камнемъ, или палкою по лбу изображенія сихъ извѣрговъ.

Съ Франц. М. Я—вѣ.

3.

Прилѣрѣ мужьямѣ.

Аббашъ Делиль, до женишъбы своей, былъ въ пѣсной связи съ одною женщиною, которая обращалась съ нимъ иногда грубо, пошому что онъ обходился съ нею всегда ласково. Съ примѣрнымъ шерпѣніемъ переносилъ Делиль гнѣвъ ея. Однажды, когда расписывали ихъ компаншу, не знаю за что они поссорились. Чтобы не раздражить еще

болѣ опвѣшамн свою возлюбленную, Аббашъ разсудилъ уступитъ ей поле сраженія. Она почтя уступчивость сію для себя обидною, преслѣдовала его ругательствами; но видя, что онъ ушелъ уже за двери, схватила горшокъ съ разведенною краскою, и въ то самое время, когда неоспорожный Делиль шелъ мимо окошекъ дома, вылила ее на него. Вопль нашъ Аббашъ произвелъ прямо въ Кардиналы.— Не думайте, что бы онъ за это разсердился.— Нѣшъ, возвращаясь домой, хладнокровно спросилъ маляра: „скажи, дружокъ, хорошо ли я выкрасилъ, и какою краскою, водяною, или масляною? ...

Съ Франц. М Я—въ.

4.

Тонкое мошенничество.

Одна провинціалка, сидя въ шеапрѣ недалеко отъ Королевской ложи, и вообразивъ себѣ, что Королева приспально смолришъ на ея брилліаншовыя серьги, начала безпреспанно повершывавъ головой, чтобъ придать серьгамъ болѣ блеску.— Вдругъ входитъ къ ней хорошо одѣшый мужчина и говоритъ, что Королева, замѣшивъ ея прекрасныя серьги, желаетъ посмолрѣшъ ихъ вблизи. Обрадованная дама въ шу же минушу

вынимаешь одну серьгу изъ уха и съ воспорогомъ отдаешь посланному Ея Величества, копорый однакожь къ ней не возвратился и не входилъ даже въ Королевскую ложу. Вспревоженная провинціалка не сомнѣвается, что ее обманули и объявляешь о шомъ Полиціи. На другой день, очень рано являешь къ ней полицейскій чиновникъ—говорить, что серьга ея нашлась и пребуешь другой для улики вора. Дама благодарить его, отдаешь другую серьгу, провожаешь, ждешь ... и не дождешься. Мнимый полицейскій чиновникъ былъ шовариць перваго плуша, и бѣдная провинціалка лишилась обѣихъ серегъ своихъ.

Съ Фр. А. Р—гб.

5.

Примѣрное равнодушіе.

Президентъ С., опличающійся своимъ хладнокровіемъ, приѣхаль въ шеапръ, гдѣ давали одну изъ лучшихъ Трагедій. Сидѣвшіе съ нимъ въ ложѣ дамы и кавалеры заливались слезами, и удивляясь необыкновенному равнодушію Президента, спросили его: почему онъ не плачетъ?—„Вопервыхъ, опшвѣчалъ С., пошому что эшо неправда; а во вторыхъ пошому, что хошябъ была и правда, шо мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

Съ Фр. А. Р—гб.

Логогрифъ.

Какіе чудеса среди кустовъ шѣниспыхъ!

Собраніе болошныхъ водъ, нечиспыхъ (1);

Живошное съ клешней (2);

И жипель водной,

Престрашной, преогромной (3);

А вошь и памяшникъ я вижу гробовой (4);

Два города: одинъ въ Ишалии (5); другой (6)

Торголей процвѣшаль издревле; но пред-
спавъ же

Сюда и человѣкъ въ чалмѣ попался шакже (7).

Здѣсь вижу вещь, пренужную поршнымъ (8),

И пищу вкусную—ее мы въ поспѣ ѣдимъ (9);

Но вошь раздался крикъ побѣдной (10);

Тамъ поднйшь плещи брашь (11); идешь о-
кровоавленной

Мучишель (12); шамъ въ спруяхъ пернашое
плывесть (13),

И ахъ! изъ бѣдняковъ бѣднѣйшій чупъ бре-
дешъ (14),

И тушь же чпю пишашъ, чинашель, у-
стаешъ (15),

Перо, бумагу осшавляешъ,

И шрубкою ихъ замѣняешъ.

И. П—ій.

Омонимы:

1.

Я инструментъ, друзья!
И шакже карта я.

2.

Вкушаете меня во снѣ
И обихаете во мнѣ.

И. П.

Шарады .

1.

На *перволив* молодежь усшалоспи не знаешъ;
Богиню прелесшей *второе* вамъ являешъ;

На *цѣлоеж* у насъ

Большая нынѣ мода—

Заваленъ ими весь Парнассъ .

Диковинокъ различна рода

Найдете въ нихъ: и вѣдьмъ и мершве-
цовъ

И скромную луну и злыхъ духовъ,

Приющъ могиль привольной,

Премножесство *цвы* и *ахб!*...

Но кажешся двольно

И шакъ меня ужъ пронялъ спрахъ.

2.

Безъ пѣнья, музыки *начало* не бываетъ;
Послѣдній же мой слогъ
 Былъ Скандинавскій богъ;
 Искусство *цѣлаго* намъ часто жизнь спасаетъ.

3.

Началомъ иногда пугають,
Вторымъ опважныхъ называютъ,
 А въ кухнѣ *цѣлое* мѣе употребляютъ.

Костяевъ.

Изъ напечатанныхъ въ XV N^o Анаграммъ
 первая значить: *янтъ* и *тоня*, вторая —
носъ и *сонъ*.—Шарады: 1) *Ян-цѣ*, 2) *стихи-я*.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ XVI N° БЛАГОНАМЪРЕННАГО.

Извѣстія о новыхъ книгахъ.

Краткое описаніе путешествія Россійско-ИМПЕРАТОРСКАГО Посольства въ Персію въ 1817 году. Василія Брозды. (С. П. Б. При Имп. Ак. Наукъ, 1821. въ 12. 270 стр.) Эту книжку лучше было бы назвать *Журналомъ Путешествія Посольства*; ибо въ ней кромѣ поденныхъ записокъ, гдѣ какого числа Посольство находилось и куда откуда отправилось, и нѣкоторыхъ географическихъ и статистическихъ свѣдѣній, немного, особенно любопытнаго. Впрочемъ мы и за то должны благодарить почтеннаго Издашеля, ибо у насъ еще очень мало извѣстій о сей сосѣдственной намъ странѣ. — Чѣмъ дабы поныше о слагъ сего сочиненія, выпишемъ небольшой отрывокъ о первой аудіенціи Посла нашего у Шаха.

(Стр. 185.) 31—20 (Іюля 1817). Въ одиннадцать часовъ, прибылъ въ станъ Посольскій *Маглутъ-Ханъ*, впорой *Адъюпаншъ Шаха*, съ приглашеніемъ на аудіенцію къ Его Величеству. Послѣ чего шестивіе Посольства происходило верхомъ, въ помъ же порядкѣ, какъ и при въздѣ въ Султанію. Оно

продолжалось до палатки ожиданія (*Кюлюкѣ Хана*), въ которой встрѣшилъ Посла первый Адъютантъ и зять Шаха, по имени *Алла - Аярѣ - Ханѣ*, съ нѣкоторыми другими вельможами, въ числѣ коихъ былъ и *Мирза-Абдѣль - Гассанѣ - Ханѣ* (бывшій Посломъ въ Россіи). Для Посла пригошовлены были кресла, а прочіе чиновники помѣстились на спульяхъ. Во время разговора, подавали чай и *каліцѣны*. „

„Когда возвѣщено было, что время аудіэнціи наступило; то Посоль отправился на оную въ сопровожденіи *Алла-Аярѣ-Хана* и обоихъ Соезѣшниковъ Посольства, изъ коихъ одинъ несъ на золотомъ блюдѣ кредитивную грамошу. *Магмѣтѣ Ханѣ* оспался съ прочими чиновниками въ *Кюлюкѣ-Ханѣ*. На пути опряды войскъ отдавали Послу надлежащую почешъ, а за ними шло много шество зрительей. Посоль вошелъ чрезъ ворота на пространный дворъ, въ концѣ котораго находилась приемная сѣвка Шаха. Все пространство отъ входа до палатки уставлено было придворными чиновниками, и нѣкоторымъ количествомъ вооруженныхъ *Гулашѣ-Питхелетовѣ* *) или шлохранишель Шахскихъ. При входѣ на дворъ,

---

*) На стр. 200 напечатано: *Гуламѣ—Питлетметовѣ*. Что правильнѣе? Р.

сдѣланъ былъ первый поклонъ, въ срединѣ онаго, вшорой, а предъ самую палашкою шрешій. Тогда *Алла - Аяръ - Ханъ* возвѣспилъ громогласно сидѣвшему на тронѣ Шаху, что чрезвычайный и полномочный Россійско-Императорскій Посоль желаетъ имѣть щастіе, поднесши Его Величеству кредитивную грамоту своего ГОСУДАРЯ.—*Хошъ-Гялды*, (добро пожаловать), ошвѣстствовалъ Повелитель Персіи также громкимъ голосомъ, и далъ рукою знакъ, для приглашенія Посла въ палашку.“

„Его Превосходительство, взявъ грамоту съ золотого блюда, и вошедъ въ сопровожденіи своихъ Совѣтниковъ въ спавку, остановился прямо противъ шрона. Онъ поклонился Шаху, произнесъ краткую привѣтственную рѣчь, въ которой излагалъ миролюбивыя намѣренія ИМПЕРАТОРА Всероссийскаго и называлъ себя щастливымъ, бывъ удостоенъ высокой довѣренности Августѣйшаго своего Монарха. Потомъ, приближась къ шрону, вручилъ Его Величеству помянутую грамоту, которую Шахъ, взявъ изъ рукъ Посла, положилъ на тронъ. Посоль возвратился на прежнее мѣсто; и, по приглашенію Шаха, сѣлъ въ приготовленные для него кресла. Его Величество, съ ласковымъ видомъ, спрашивалъ Посла о состояніи его здоровья, послѣ споль

шруднаго путешествія, учинилъ нѣсколько вопросовъ о благосостояніи здоровья Государя ИМПЕРАТОРА, и о нынѣшнемъ мѣспребываніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. За симъ слѣдовали взаимныя увѣренія, о посподномъ желаніи обоихъ Государей, сохранить щасливый миръ, союзъ и дружбу между обѣими Державами. Послѣ того присовокупилъ Шахъ, что желалъ бы найсти возможность, дѣлать взаимныя посѣщенія съ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ, подобно какъ происходитъ по между Европейскими Государями.—Переводчикомъ былъ Совѣтникъ Посольства *Негри*.“

„Между тѣмъ введены были *Магмунтъ-Ханолъ* чиновники Россійскіе, остававшіеся въ Кючюкъ-Хане. Они сдѣлавъ, подобно Послу при поклоне, вошли въ палатку, и были доимянно представлены Посломъ Его Величеству. Шахъ привѣщивовалъ ихъ тѣми же словами: *Хошъ - Гялды*; и изъявилъ удовольствіе свое, что видитъ отличныхъ и ревностныхъ служителей Россійскаго ИМПЕРАТОРА, Высокаго Союзника своего. Когда въ числѣ прочихъ, былъ представленъ Шшабсъ - Капшанъ *Коцебу*, и Посолъ объявилъ Его Шахскому Величеству, что сей Офицеръ, совертившій путешествіе около свѣта, стремился желаніемъ видѣть Великаго Шаха *Фетъ - Али* и Персію; по Его Величеству сказалъ съ улыбкою, изъявляв-

шею полное удовольствіе. — „Теперь онъ все видѣлъ.“ — Шахъ милоспиво обращаясь къ Послу и его свисѣ, изъяслялъ благосклонность свою съ чистосердечіемъ, напечатлѣннымъ на лицѣ его. Всякой разъ, когда Послу подлежало отвѣчать на вопросы Шаха, Его Превосходительства вспавалъ съ мѣста; когдаже произносимо было имя Шаха; по всѣ присуществовавшіе Персіане преклоняли съ благоговѣніемъ головы. По окончаніи аудіэнціи, Посоль съ свисою своею возвратился въ лагерь, при громѣ музыки, сопровождаемый первымъ Адьюшанпомъ Шахскимъ.

Мы не беремъ на себя судить о новой книгѣ *Die Erziehung als intègrierender Theil unseres Kampfes gegen das Böse*, (Von Leopold von Holst. Dorpat. 1821. Bei. I. C. Schönmann in 8. 418. S.) а предославляемъ знапокамъ сего дѣла, разсмотрѣвъ оную въ подробностяхи, опредѣлишь истинное ея достоинство.

Въ дополненіе къ 2 й части *Церковной Исторіи Г. Тета* вышла небольшая книжка, подъ названіемъ: *Neueste Geschichte des Libauschen St. Annen-oder lettischen Kirche*, съ присокупленіемъ говоренныхъ при возобновленіи сей послѣдней Церкви 29 Сентября 1820

года проповѣдей. Издана Алексѣемъ Ферс; Совѣшникомъ Консиспори и Либавскимъ Лежскимъ проповѣдникомъ, и напечатана въ Минавѣ (1821. bei Steffenhagen und Sohn. in 8. 64. S.)

Долгомъ посшавляемъ поспѣшить извѣщеніемъ нашихъ читашелей о вновь вышедшихъ христіанскихъ назидательныхъ сочиненіяхъ и переводахъ, кои сущь:

1. *Толкованіе Евангелій на Господскіе и Богородитные праздники съ нравоучительными Бесѣдами.* Сочинено Членомъ Св. Синода Варлаамомъ Митрополитомъ и кавалеромъ, въ бытность его Экзархомъ Грузіи, то есть, Иверіи. Переведено съ Грузинскаго на Россійскій языкъ. (С. П. Б. Въ шип. Юс. Юаннесова. 1821. въ 4. 360 с.)

2. *Священная Исторія новаго завѣта, содержащая въ себѣ Жизнь Іисуса Христа.* Украш. 82 грав. картичками. Твореніе весьма полезное для людей всякаго возраста и особенно для наставленія юношества. Переводъ съ Французскаго. (М. Въ шип. Ав. Семена 1821. въ 12. с. V и 469.)

3. *Слово, говоренное въ Петропавловскомъ Соборѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Первенствующимъ Членомъ, Серафимомъ Митрополитомъ Новгородскимъ, Санктпетербургскимъ, Эстляндскимъ и Финляндскимъ, и*

Святотроицкія Алексáндро-Невскія лавры Архимандритолѣ, кѣ паствѣ Санктпетербургской Епархіи, при вступленіи въ управленіе оною, Августа 6 дня 1821 года. (С. П. В. При Св. Синодѣ. въ 8. 13 стр.)

4. *О Милости кѣ ближнему. Сотиненіе Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго (Безъ означенія мѣсца печатанія 1821. въ 8. 29 стр.)*

5. *Избясненіе о узколіи пути. Соч. Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. (1821. въ 8. стр. 10.)*

6. *О блаженствѣ доставляемолии Христіанскою религіею. Пер. съ Нѣм. Въ 4 часпяхъ (Москва. Въ Унив. шип. 1821. въ 12. Ч. I. стр. 183. Ч. II. стр. 180. Ч. III. стр. 161. Ч. IV. стр. 184.)*

7. *Пастырскія наставленія, какѣ простолюдиналии молиться Богу, въ краткихъ бесѣдахъ предложенныхъ. (С. П. В. Въ шип. Іос. Іоаннесова, 1821. въ 8. стр. 223.)*

8. *Хожденіе предѣ Боголии или жизнь брата Л Съ эпиграфомъ: Предзрѣхѣ Господа предо мною выну. Пс. 15. ст. 8. Пер. съ Нѣм. (С. П. В. При Имп. Акад. Наукъ. 1821. въ 12. X и 135 с. *)*

---

*) Книжку сію получаютъ можно въ Богадѣльни и Лишпейн. частци 5 квар. въ домѣ подѣ № 594.

9. *Сочиненія Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Пензенскаго и Саратовскаго, собранныя послѣ его смерти. Въ 2 частяхъ* (С. П. Б. въ Медиц. шип. 1821. въ 8. Ч. I. XXXVI и 355.)

Сверхъ того въ недавномъ времени оппечашаны:

1.) *Предметы, назначенные для открытаго испытанія студентовъ Санктпетербургской Духовной Академіи при оконтаніи четвертаго учебнаго курса.* (С. П. б. въ Медиц. ш. 1821. въ 8. сшр. 20)

2.) *Нѣкоторые опыты упражненій воспитанниковъ Санктпетербургской Духовной Академіи, изданные по случаю испытанія, при оконтаніи четвертаго учебнаго курса.* (С. П. б. въ Мед. шип. 1821. въ 8. сшр. 140.)

3.) *Нѣкоторые опыты упражненій учениковъ Санктпетербургской Духовной Семинаріи, всѣхъ трехъ Отдѣленій оной, изданные при оконтаніи учебнаго курса 1821 года.* (С. П. б. въ Мед. шип. въ 8. сшр. 85.)

На сихъ дняхъ вышла изъ печати книга, подъ заглавіемъ: *Математическія предложенія, сочиненія Аршиллеріи Генераль Маіора Верещагина.* Книга сія, найденная послѣ смерти Сочинителя, и напечатанная по Высочайшему повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРА-

ТОРА, заключаешь въ себѣ употребленіе Алгебры во всѣхъ частяхъ прямолинейной Геометріи, Логарифмахъ, Тригонометріи плоской и сферической, гдѣ можно видѣшь разныя Геометрическія задачи, рѣшенныя по правиламъ простыхъ уравненій, квадратныхъ, кубическихъ и прочихъ степеней, вычисленіе Логарифмовъ по правиламъ возвращенныхъ порядковъ и употребленіе ихъ, вычисленіе синусовъ посредствомъ безконечныхъ порядковъ, рѣшеніе уравненій квадратныхъ, кубическихъ и прочихъ степеней по таблицамъ синусовъ, и наконецъ вычисленіе всѣхъ формулъ, принадлежащихъ къ Тригонометріи сферической, въ шрехъ томахъ въ четвертку, съ фигурами особо.

Сочинитель сихъ предложеній преподавалъ лекціи высшей Математики нынѣ благополучно царствующему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ И ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ Въ послѣдніе годы царствованія ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, бывъ тогда Инспекторомъ наукъ Архиллерійскаго Инженернаго Кадетскаго Корпуса, что нынѣ 2й, и самъ же преподавая въ томъ Корпусѣ, лекціи высшей чистой Математики, въ верхнихъ классахъ, тридцатилѣтнимъ опытомъ узналъ необходимость преподавать употребленіе Алгебры пространно, въ среднихъ классахъ, и написалъ сіи предложенія,

дабы учить по онимъ въ Аршиллерійскомъ Корпусѣ; ибо когда пройдена прямолинейная Геометрія и часть Алгебры въ нижнихъ классахъ, то въ среднихъ учащіяся слушаютъ гораздо внимательнѣе употребленіе Алгебры въ Геометріи, нежели повтореніе Геометріи, а между темъ есть случай Профессору повторять всѣ теоремы Геометрическія и показывать легчайшіе онимъ доказательства алгебраически. Сообразивъ только лѣтъ Кадецъ, когда имъ въ Корпусахъ начинаютъ преподавать Математику, и число оныхъ въ каждомъ классѣ легко увѣришься въ сей истинѣ.

Хотя предложенія сіи писаны 25 лѣтъ предъ симъ, но до сихъ поръ печатнаго подобнаго шворенія нѣтъ еще, хотя почти вездѣ въ преподаваніи приняты методъ приложенія Алгебры къ Геометріи; а какъ нынѣ почти изъ всѣхъ учебныхъ заведеній поступаютъ и въ военную службу, то сочиненіе сіе вездѣ должно бытъ довольно полезно.

Книга сія, по 40 рублей за экземпляръ, продается въ книжныхъ лавкахъ Ивана Глазунова противъ Госпитнаго Двора и В. Плавильщикова: у Синяго моста. Для учебныхъ заведеній дѣлается уступка по 5 рублей съ каждаго экземпляра. Таковыя благоволять адресоваться къ самому Издателю, живущему въ Садовой улицѣ, между церковью Покровы и Каликинымъ мостомъ, въ домѣ

Полковницы Верещагиной, прежде бывшемъ Берниковой 4 часпи, 4 кварнала подъ N^о 215,

---

Изъ Сочиненій для дѣшей вышли вновь:

Географическое Лото. С. П. Б. въ Тип. Н. Греча. въ 12. 23 стр. и

Другъ Юности, наставленія и примѣрали рѣководствующій къ просвѣщенію и добродѣтели. Переводы и подражанія. Въ четырехъ часяхъ съ каршинками. Москва. Въ шип. А. Семена. 1821. въ 18. Ч. I. 211 стр. Ч. II. 212. Ч. III. 214. Ч. IV. 248. стр.

Басни и Сказки Александра Измайлова, съ присовокупленіемъ Опыта о Разказѣ Басни и разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень лучшихъ Россійскихъ Фабулистовъ. Въ трехъ часяхъ. Изданіе четвертое, вновь исправленное и умноженное. С. П. б. Въ шип. И. Байкова. въ большую 8 ку. Съ заглавнымъ, искусно гравированнымъ виньетомъ. Ч. I, содержащая въ себѣ *Басни*, VI и 65 стран. Ч. II, или *Сказки*. IX и 107 стр.—Подписка на сію книгу принимается въ С. П. бургъ у самаго Сочинителя, Издашеля Журнала *Благонамѣренный* и у книгопродавцевъ: Плавильщикова, Сленина и Переплещикова, а въ Москвѣ у Содержашеля Университетской шипографіи А. С. Ширяева. Цѣна назначается самая умѣренная, а именно: за всѣ при часпи, изъ коихъ послѣд-

няя будетъ гораздо больше двухъ первыхъ *десять* рублей. За пересылку прилагаешь денегъ не нужно. Для всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ училищъ дѣлается уступки, ошъ *каждаго* экземпляра по *три* рубля. Начальники, правленія, или содержатели оныхъ благоволяшь ошноситься съ требованіями своими къ самому Сочинителю. Имена подписавшихся особъ припечатываются при шрепей части. Первые двѣ части продаются особо, каждая по 4; а обѣ вмѣстѣ по 8 р. Третья часть выйдетъ въ непродолжительномъ времени и продаваться будетъ по 6 р. Подписка прекратится 1 ч. Ноября сего года.

~~~~~

Благотворенія.

Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ при письмѣ Г-на П. Г. изъ Архангельска ошъ 17 ч. прошедшаго мѣсяца *Юля*, для доставленія бѣдной и пресшарѣлой *К. И. В.* сто рублей.

Доставлены.—*К. И. В.* живетъ 2 й *Адмиралшейской* части 3 кваршала въ домѣ наследниковъ *Цветца* подѣ N^о 156. Она имѣетъ ошъ роду 75 лѣтъ, удручена болѣзнію и находится въ крайней бѣдности. Единственное содержаніе получаетъ ошъ двухъ замужнихъ дочерей своихъ по 25 р. въ мѣсяць, изъ коихъ платишь по 10 р. за кварширу, состоящую изъ одной маленькой комнашы.

Сверхъ того въ печеніи Іюля и Августа прислано къ Издашелоу *Благотѣлѣннѣго* для раздачи бѣднымъ по его распоряженію, а именно:

Изъ <i>Талбова</i> при письмѣ неизвѣснаго	25 р.
— <i>Прилукѣ</i> опъ <i>Г. Т.</i>	30 —
25 Іюля	25 —
24 Августа	50 —

Ишого *сто тридцать* рублей . . 130—

Изъ сихъ денегъ роздано:

На погребеніе одному бѣдному чиновнику	15 р.
Бѣдному и больному мѣщанину <i>И. П.</i>	20 —
<i>Тип. Сов. Худякову</i>	10 —

Вдовамъ:

<i>А. А. Ш.</i>	25 —
<i>Маздорфъ</i>	25 —
<i>Анкудиновой</i>	15 —
<i>Зайцовой</i>	10 —
<i>Макаровой</i>	5 —
<i>Ивановой</i>	5 —

Ишого *сто тридцать* рублей . . 130р.

Изъявленіе благодарности.

Опо всей искренности моего сердца приношу чувствительнѣйшую благодарность неизвѣстному и великодушному моему благодѣтелю, назначившему мнѣ ежегодно пенсіона по *стѣ пятидесяти* рублей, копорый я всегда исправно получаю чрезъ почтеннаго Г. Паспора Рейнбоша. — Молю Всевышняго о ихъ здоровіи и благоденствіи.

С. П. бургъ.

25 — 39.

Желающіе получить книгу: *Подарокъ на Святки*, или описаніе разныхъ новыхъ святочныхъ игръ, разыгрышей фаншовъ, съ присоюкупленіемъ разныхъ загадокъ, шарадъ, омонимовъ, анаграммъ и логогрифовъ, благоволящъ адресоваться къ Издашелю Журнала: *Благонамѣренный*, живущему на Пескахъ противъ Бассейна въ домъ Моденова подъ N° 283, или въ Суровскую линію Госпитнаго Двора въ лавку подъ N° 136. Цѣна за каждый экземпляръ въ бумажкѣ съ карпинкой 5 руб. За пересылку прилагащъ денегъ не нужно.

У Издашеля *Благоналюбреннаго* можно еще получать сей Журналъ за прошедшіе 1818, 1819 и 1820 годы. Цѣна за каждый годовый экземпляръ 50 р. а съ пересылкою 35 р. Для подписавшихся на нынѣшній годъ, равно какъ для всѣхъ казенныхъ и частныхъ училищъ, дѣлается уступки оиъ каждого годоваго экземпляра по *пятнадцати* рублей. Начальники, Правленія, или содержатели оныхъ благоволяшь относись съ требованіями своими къ самому Издашелю.

XVII и XVIII N^o *Благоналюбреннаго* выйдуть вмѣстѣ и уже печатающся, равно какъ и XIX книжка.

~~~~~

(30 Сентября.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1821. N° XVII и XVIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

УСЛАДОВА ЛИРА.

Баллада *).

Върна была Усладу Лира
Въ его шиши;
Онъ промѣнялъ *всѣ* блески міра
На миръ *души!*—

*

Онъ не позорилъ чистшой Лирѣ,
И, лесши врагъ,
Предъ вами, грозные кумиры,
Не падалъ въ прахъ.

*

Но разшерзавъ земныя узы,
Къ звѣздамъ лепѣлъ
И, пылкой другъ свободной Музы,
Онъ съ жаромъ пѣлъ

*

---

*) Читано въ Обществѣ любилелей Словесности, Наукъ и Художествъ.

Великолѣпную Природу
 И дивный свѣтъ,
 Души высокую свободу
 И былъ Поэтъ!

*

И Добродѣшель въ пѣсняхъ громкихъ
 Прославилъ онъ:
 „Узнаюшь ли о нихъ попомни?
 „Все въ мірѣ сонъ!“

*

Такъ говорилъ не разъ унылый:
 „Здѣсь все на часъ!“—
 И недопѣвши пѣсни милой,
 Поэтъ угасъ!—

*

Но весь не умеръ онъ — и *Лира*
 Еще спойна,
 И шолько въ обласпи ээира
 Взойдешъ луна,

*

И струнъ допронешся лучами,
 Дрожащъ онъ,
 И вспыхнешъ жизнь на нихъ — и сами
 Поюшъ однѣ! —

*

Какъ прежде все поюшъ Природу,
 Добро поюшъ;
 И удивленному народу
 Урокъ даюшъ!

*

И Лиру розами вѣнчали,
 Диеяся ей;
 И благовоннѣй розы спали,
 Цвѣшя на ней!

*

И вопшь кругомъ градовъ обломки—
 Ихъ блѣскъ погасъ!
 Но слышущъ все еще попомки
 Той Лиры гласъ!

Ө. Глинка.

~~~~~

ВОЗЗВАНІЕ.

О пы, копорая въ сей горесшной пущыинѣ
 Казалась мнѣ посланницей Небесъ;
 Казалась госшьею минушпой въ сей чужбинѣ,
 Кошорой взглядъ мнѣ счастье въ жиз-
 ни несъ!—
 О пы, кошорая въ мракъ ночи, какъ хра-
 нишель,
 Свѣшила мнѣ лучемъ любви свяшой,
 Явись опяшь очамъ, бывалый обольсшишель,
 Скажи: кто пы, и швой удѣль какой?
 Земляль была швоею колыбелью?
 Иль пы Небесъ, дыханіе благихъ?
 Узришь ли завпра пы свѣшь вѣчный—бли-
 зосшь съ цѣлью—
 Или еще въ семь морѣ бѣдсшвей злыхъ,
 Въ спранѣ изгнанія, печалью облеченной,

Должна ты вновь иди спезею бѣдь?
 Небесъ ли крошкихъ дщерь, или земли сей
 плѣнной,
 Прекрасная, съ кемъ миль угрюмый
 свѣпть,
 Позволь мнѣ въ жизни сей, опринувши земное,
 Пока во мнѣ лепся жизни кровь,
 Благоговѣпть къ тебѣ, созданіе, благое,
 И въ жерпву несешь чистѣйшую любовь!
 Но если и тебѣ назначено Судьбою,
 Какъ смершному, окончишь жизни
 пупть—
 Позволь и прахъ лобзашъ мнѣ подъ швоей
 швоей сппою;
 Защишой мнѣ, опорой будь!
 Ахъ...если улешипшь ты въ край своей опчи-
 зны,
 Въ край Ангеловъ, навѣки жишь съ род-
 ней—
 Съ шбой вкусившаго минушу сладкой жизни
 Не позабудь и шамъ въ сѣмѣ своей!...

Сѣ Франц. В. Гр.

КЪ РОДИНѢ.

Благословляю васъ, поля спраны родной,
 Хранители моей безвѣстной колыбели;
 Васъ, рощи шихія, приющъ мой и покой,
 Гдѣ ранніе часы зари моей лепѣли!
 Давно покинулъ вашъ гостепріимный кровъ;
 Вдали ошъ мирныхъ селъ, обилии счастли-
 вой,
 Я долго, долго мѣлъ среди шума и пировъ,
 Въ споллицѣ роскошью, богатствомъ при-
 хопливой,
 Гдѣ, мнился, ты быспрѣй свершаешь свой
 полепъ,
 О время! даръ боговъ, для смертныхъ дра-
 гоцѣнный.
 Тамъ думалъ я: ужель здѣсь счастье живешь,
 На лонѣ пышности и явги упощенной?
 Уже ли храмъ его на мраморныхъ столпахъ
 Здѣсь высился главой, пороку въ угожденье,
 И жершвы пучныя дымящся въ пѣхъ мѣ-
 спахъ,
 Гдѣ спонущъ бѣдныи, богатство въ наслаж-
 деньѣ?
 Ахъ, нѣшъ! и въ шихинѣ заглохнувшихъ
 полей
 И въ дымной хижинѣ орашая простова,
 И въ упрѣ свѣшное, и въ вечеръ нашихъ дней,
 Оно вожапѣемъ бышъ смершному гошво;
 Лишь ошъ пушей прямыхъ душей неопшшупай,

Лишь добродѣтели не попирай закона,
 Лишь въ счастіи другихъ свое ны обрѣшай,
 Будь въ рубищѣ великъ, великъ въ сіяньи
 шрона!
 Форшуна гордая, несчастныхъ душъ кумирь,
 Творишельница бѣдъ въ юдоли сей мясежной,
 Пусть, рабшвуя, блажишь себя подлунный
 мірь,
 И съ знаменемъ своимъ спѣшишь пловець
 надежно.
 Съ презрѣняемъ опъ себя свой опвращаю
 взоръ,
 Горжуся чувстввами къ тебѣ пренебреженья,
 Въицы тебѣ спленать ешь для меня позоръ,
 А славу дѣлъ твоихъ чистишь—верхъ уничи-
 женья.
 Къ вамъ, мирные поля, изъ града я спѣшу,
 Въ мѣсна, гордынею забвенью обреченны;
 Въ справѣ опцесъ моихъ свободнѣе дышу,
 Кичливой пышности и блеска удаленный.
 Здѣсь шихихъ днѣй моихъ невидимый пошокъ
 Польешся медалью въ проспранную долину,
 Какъ съ древа сорванный, поблекнувшій ли-
 спокъ,
 Лешницъ въ безбрежную, воздушную пучину.

И. Богдановъ.

П Ъ С Н Я .

Чшо Зефиру сладкѣй шопощь,
 Чшо гармонія ручью,
 Чшо дубравѣ тихій ропощь,
 Пѣсни спрасшны соловью,
 Жаворонковѣ звонки шрели
 Вновь воскреснувшей веснѣ—
 То и тихій гласъ свирѣли,
 То и звуки лиры мнѣ!

*

Чшо цвѣшамъ благоуханье,
 Зелень бархатна лугамъ,
 Лѣсу вечера дыханье,
 Жаждущимъ роса полямъ —
 То мнѣ дружба—упѣшишель!
 О посланница небесъ!
 Будь ты Ангелъ мой хранишель
 Въ сей юдоли горькихъ слезъ!

*

Чшо пловцу изъ волнъ спасенье
 Къ милымъ родины брегамъ,
 Чшо желанью исполненье,
 Чшо волшебный видъ очамъ,
 Чшо несчасью упованье;
 Безприютному покровъ—
 То сердце очарованье—
 Мнѣ всеильная любовь!

Перль.

Вильгельмъ Тило.

mmmmmm

НАДПИСЬ НА ДВЕРЯХЪ СЕЛЬСКАГО ДОМИКА.

Молю боговъ, чшобъ помнили сюда
Одни друзья и добрые дорогу,
Чшобъ Аполлонъ и рѣзвая Мечша
Украсили мнѣ хижину убогу!
Чшобъ и Любовь подѣ часъ въ нее зашла—
Я не зову Форшуну быспроногу—
Чшобъ Радость въ ней безвыходно жила
И Горести оспались у порогу.

П. с. р. вб.

НАДГРОБИЕ МЛАДЕНЦУ.

Покойся, милый сердцу прахъ!—
Покойся—души всѣхъ незлобныхъ
Младенцевъ, Ангеламъ подобныхъ,
Наслѣдять царство въ Небесахъ.

И.

ДОНЪ КАРЛОСЪ *).

Не одинъ Шиллеръ былъ виною славы Донъ Карлоса; многіе Историки: Сенъ Реаль, Мерсье, Лангель и даже основательный Лепи на счетъ его заблуждались. Всѣ рассказываютъ, что по желанію Филиппа II, Инквизиція осудила Донъ Карлоса къ смерти; описываютъ даже разговоры между Филиппомъ, Великимъ Инквизиторомъ, Принцемъ и т. д., какъ будто сами присутствіемъ были; выписываютъ приговоръ, какъ будто его читали. Нынѣ однако Ллорентъ въ 3й части своей Исторіи Инквизиціи, сообщилъ все происшествіе изъ актовъ и другихъ достовѣрныхъ, болѣею частью рукописныхъ источниковъ, и доказалъ, что Инквизиція никогда не дѣлала приговора Принцу; но сдѣлала его

*) Изъ Журнала: *Litterarisches Wochenblatt*, который издавался А. Коцебу въ 1818 году. Мы помещаемъ эту статью по случаю такой же, напечатанной въ VII книжкѣ *Соревнователя просвѣщенія и благотворенія*.

Государственный Совѣтъ, гдѣ Президентомъ былъ Кардиналь Эспиноза, любимецъ Короля, бывший вмѣстѣ и Великимъ Инквизиціонеромъ, что самое вѣроятно было поводомъ къ такимъ слухамъ.

„Никогда неощецъ, говоришь Лоренсъ, не имѣлъ большаго права бытъ неумолимымъ. Одни недословѣрные писатели придали молодому Принцу любезный характеръ. Не правда, будто онъ съ мачихой своей имѣлъ любовную связь. Не правда, будто она умерла отъ яда. Она не писала письма къ Донъ Карлосу, не имѣла съ нимъ тайныхъ свиданій.“

„Донъ Карлосъ, рожденный въ 1545 году лишился матери своей спустя четыре дни послѣ рожденія. Не правда, будто дѣдъ его, Карль V, занимался и воспитаніемъ и образованіемъ его сердца; Карль мало и видѣлъ его, и по уже въ 1557 году, по сложеніи съ себя короны, въ проѣздъ чрезъ Валладолидъ, когда Принцу было 12 лѣтъ. Правда, что онъ старался издали давать ему хорошіе уроки; но Принцъ былъ лѣнивъ, что доказываетъ письмо отца его 1558 года. Вообще Филиппъ худо отзывался о

характеръ своего сына, который, еще въ юности, находилъ удовольствіе убивать собственными руками журавлей, коихъ приносили ему съ охоты, и забавлялся судорожными движеніями убитыхъ. Сему былъ очевиднымъ свидѣтелемъ и Венеціанскій Посланникъ.“

„Правда, что въ одной предварительной синахъ мирнаго договора, заключеннаго между Франціею и Испаніею, о которомъ практиковали въ 1558 году, положено, что бы Донъ Карлосъ женился на Французской Принцессѣ но онъ былъ тогда еще 13, а Принцесса 12 лѣтъ; слѣдовательно они не могли быть влюблены другъ въ друга; къ тому ни его самаго, ни его портрета тогда она не видала, а слухи о его дурномъ воспитаніи совсемъ не могли послужить въ его пользу. Въ семь послѣднемъ былъ виноватъ не отецъ его, но бывший послѣ Императоромъ Максимилианъ, зять Филиппа, и Иоанна Австрійская, вдовствующая Королева Португальская, которыми Филиппъ, во время его путешествій, поручилъ воспитаніе своего сына вмѣстѣ съ управленіемъ Государ-

снба. Впрочемъ они и пеклись довольно о тѣлесномъ здоровьѣ ребенка, только не о душѣ его. “

„Миръ совершенно заключень былъ не ранѣе 1559 года. Между темъ умерла Марія, Королева Англинская, Филиппова супруга. Тогда Дочь Карлосъ былъ еще едва 14 лѣтъ, а отецъ его только 32. Король Французскій разсчелъ, что сдѣлаетъ лучше, если дочь свою отдастъ за Короля, а не за Принца, которому долго еще ждешь престола. Сей разсчелъ оправдался въ послѣдствіи, потому что Филиппъ царствовалъ еще 48 лѣтъ. И такъ предварительная снбья, о которой сказано, перемѣнена такимъ образомъ, что бы опцу заснупись мѣсто сына. Напрасно полагаюшь, что Изабелла имѣла опвращеніе опъ сего брака. Филиппъ былъ не старъ, а Карлосъ слишкомъ еще молодъ и врядъ ли знала она даже, что была ему назначаема.“

„При ея бракосочетаніи въ Толедо, 1560 года было собраніе Кортесовъ, что бы провозгласить Карлоса наследнымъ Принцемъ. Однако Изабелла не могла находиться при бывшихъ тогда праздне-

спвахъ, пошому что черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы своей занемогла оспою и была въ опасности поперяшь свою красочу, а пошому не имѣла времени думашь о любовной связи съ своимъ пасынкомъ. Онъ самъ былъ погда боленъ чѣтырехдневною лихорадкою; былъ блѣдный, худой ребенокъ 15 лѣтъ; слѣдовашельно не шаковъ, какимъ изображали его Мерсье и Сень-Реаль. Вѣрояшно шакке, что Изабелла скоро получила поняшье о его высокошѣрии — какъ было оно несочно; какъ дурно обращался онъ съ своими людьми; какъ въ сердцахъ разбивалъ въ дребезги все, что ни попадалось ему въ руки; какія дерзосши позволялъ онъ себѣ противъ Герцога Альбы, когда сей во время поржесшвеннаго провозглашенія его наследникомъ, задержанный по своей должноспи, не во время явился. При семъ случаѣ довель онъ себя до того, что Филиппъ засшавиль его просить прощения у Герцога. Но съ сихъ поръ уже они взаимно другъ друга ненавидѣли. “

„Изабелла была еще больна, а Карлось едва выздоровѣль, какъ ошець оп-

правиль его въ Алкалу де Генаре: Когда же было ему влюбиться въ свою мачиху? И во всѣхъ рукописныхъ акшахъ, копорые я доспаль, нѣшь пому ни малѣйшаго слѣда. Въ Алкалѣ здравье Карлоса укрѣпилось и онъ нѣсколько учился; но его отвращеніе къ наукамъ было непреодолимо. Кромѣ Испанскаго, не зналъ онъ никакого языка. На 19 году упалъ онъ съ лѣспницы и разшибъ себѣ голову и хребшовую кость. Король поллуча о семъ извѣстіе, прискакалъ къ нему на почшовыхъ, велѣлъ молишься за него во всѣхъ церквахъ и принесши чудотворный шрупъ Францисканца Діега, копорый клали Принцу на спину. Съ шого времени больной получилъ дѣйствительное нѣкопорое облегченіе, и эшо было поводомъ, что Діега, по ходатайшву Филиппа, былъ канонизированъ *) Па-

*) Кононизация есть одинъ изъ шорже-спвеннѣйшихъ акшовъ Римской церкви. Папа заспавляетъ сдѣлашь формальное разысканіе достоинствъ шого умершаго, копорый предспавленъ къ канонизации. При семъ изслѣдывающъ всѣ дѣла его въ жизни и спра-

пою. Однако безъ сомнѣнія помогъ Принцу и славный врачъ изъ Брюсселя, по имени Базиліо, копорый его *трепанировалъ*, т. е. просверлилъ ему черепъ и выпустилъ много воды изъ головы его. При всемъ помъ онъ не могъ совершенно выздороветь, а всегда чувствовалъ слабость въ головѣ.“

ведливы ли чудеса, копорые ему приписываютъ. Къ суду допускаютъ шакъ, называемаго *дьявольскаго стряпаго*, копорый спраешся всячески благочестіе умершаго сдѣлашь подозрительнымъ; но разумѣется всегда остаешся безъ успѣха. Тогда признаннаго достойнымъ канонизаціи Папа называетъ *блаженнымъ*; совершенное же посвященіе, или канонизація совершаешся уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда новые доказательства удостоверяютъ въ свяпости и по другимъ причинамъ. Наконецъ назначаютъ день для празднованія памяти Свяпаго, обыкновенно шопъ, въ копорый онъ умеръ, вносятъ имя его въ Канонъ Свяпыхъ, посвящаютъ ему церкви и олпари; и берегаютъ останки его шѣла какъ свяпную. Послѣдняя канонизація, происходила въ 1803 году. *Примѣч.*
Перевод.

„Изъ всѣхъ приближенныхъ его одинъ только Епископъ Озма, бывшій его учи-пель, имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе. Съ нимъ и послѣ вель онъ переписку; но какъ бродило въ головѣ его, доказываютъ по нѣкоторыя оставшіяся письма.“

„Хотя Донъ Карлосъ и былъ привержень къ Епископу Озмѣ болѣе чѣмъ къ кому либо другому; но несмотря на то вовсе не слѣдовалъ его совѣшамъ. Онъ позволялъ ему говорить правду, спокойно выслушивалъ, но не болѣе. Совершенно не умѣлъ обуздывать спрассей своихъ. Надзирашеля своего Дона Гарціа хотѣлъ онъ однажды высѣчь на охотѣ. Спарикъ убѣждалъ къ Королю и взялъ отсшавку. Съ преемникомъ его Принцемъ Эболи было не лучше. Однажды Эспиноза, какъ Президентъ Кастильскаго Совѣша, выгналъ изъ Мадриша одного акшера, по имени Эйснероза, въ тошъ самый день, какъ онъ должень былъ играть въ комнапахъ Принца Карлосъ, узнавъ это, бросился съ конжаломъ на Президента и закричалъ: “какъ осмѣлился какой нибудь пошъ дѣлать мнѣ непріяшности! Клянусь жизнию отца моего, я сверну ему шею!“

И дѣйствительно не оставилъ бы онъ его въ живыхъ, если бы придворные не остановили. — Каммергера, который спалъ въ комнатѣ Принца, хотѣлъ онъ выбросить въ окно, потому что спящій не слышалъ звона въ колокольчикъ. Служителямъ давалъ пощечины. Однажды сдѣлалъ ему узкіе сапоги; онъ велѣлъ изрѣзать ихъ въ куски, сварить и заспавилъ сапожника съѣсть эту кашу. Несчастный чуть не умеръ.“

„Донъ Карлосъ проводилъ ночи въ распушныхъ домахъ и испортилъ свое здоровье. Вѣроятно ли, что Королева, не смотря на все это, была въ него влюблена?“

Въ 1585 году хотѣлъ онъ пропить воли своего отца шихонько уѣхать во Фландрію. Это открылось. Когда Филиппъ въ 1567 году сдѣлалъ Герцога Альбу Шпашгалперомъ Фландріи, Карлосъ пришелъ въ бѣшенство и вскричавъ: „прежде, нежели я дамъ шебѣ уѣхать, пронжу кинжаломъ въ сердце“ — бросился на него, какъ неистовый. Герцогъ принужденъ былъ для своего спасенія схватить Принца, и сжалъ его въ ру-

какъ своихъ шакъ крѣпко, что онъ не могъ пошевелинуться, пока пришли люди.“

„Нѣмецкій Императоръ имѣлъ планъ женишь его на Аннѣ Австрійской. Эшо было поводомъ къ тому, что Донъ Карлосъ задумалъ снова опсправиться тайно въ Германію. Для сего онъ заставиль служиселей своихъ занимать деньги во всемъ Государствѣ, и даже опъ всѣхъ Испанскихъ Грандовъ письмененно пребовалъ, чтобъ они помогли ему.—Вельможи обѣщали эшо съ условіемъ, что его предпріяшіе не будетъ обращено прошиву Короля. Однако старый Адмиралъ Каспильскій почелъ долгомъ своимъ уведомить Короля о сихъ непозволительныхъ зашѣяхъ. Король молчалъ и велѣлъ за Карлосомъ наблюдать, пока наконецъ сдѣлалъ ужасное опкрышіе, что сынъ посягаетъ на собспвенную его жизнь.“

„При сей крайности совершеннаго его безпущства опкрывается, что Карлосъ былъ не только загоренѣлый злодѣй, но и вовсе презрительный человекъ, въ чемъ въ особенноти свидѣтельспвуетъ слѣдующее рукописное показаніе придверника внуспренихъ его комнатъ.“

„Уже нѣсколько дней — шакъ начинаешъ придверникъ — Принцъ былъ въ ужасномъ безпкойствѣ и говорилъ безпресызанно о какомъ-то ненависномъ чловѣкѣ, котораго хотѣлъ убишь. Какъ весь Дворъ въ праздникъ Рождества Христова принимаешъ святое причащеніе, шо и Принцъ, при которомъ я находился, отправидся на кануѣ сего праздника въ монастырь Св. Іеронима, гдѣ исповѣдовался; но за какой-то злой умысль не дали ему отпущенія грѣховъ. Онъ обратился къ другому исповѣднику, сказавъ: „вы вѣрно будете створчивѣе“ — однако монахъ ошвѣчалъ ему: „эшо шакой случай, для котораго должно Вашему Высочеству сосшавишь совѣшъ изъ ученыхъ Теологовъ. Тогда онъ призвалъ 14 шакихъ Теологовъ изъ Апохскаго монастыря, спорилъ съ ними долго, однако всѣ ошрѣклись дашь ему отпущеніе. Чшо бы однако можно ему было на другой день вмѣспѣ со всемъ Дворомъ приняшь причащеніе; пошребовалъ онъ неосвященную гостію. Эшо шребованіе привело въ запрудненіе духовныхъ. О многомъ я еще умалчиваю

изъ снисхожденія. Пріоръ Апохскаго монастыря опвелъ Принца въ спорону, чшобъ у него вывѣдашь, кого именно хотѣлъ онъ умершвишь. „Если мы будемъ знашь эшо, сказала онъ: по, можеть бышь, найдемъ какое нибудь средство удовольствоватъ Ваше Высочество.“ Тогда Принцъ признался, что дѣло идешь о его опцѣ. Споръ продолжался до двухъ часовъ ушра. Онъ не получилъ оппущенія; я проводилъ его назадъ во дворець, а между темъ обо всемъ происшедшемъ увѣдомили Короля, которій вскорѣ самъ приѣхалъ въ Мадридъ.—Донъ Жуанъ Австрійскій посѣшилъ Донъ Карлоса, своего племянника. Карлосъ зналъ, что дядя его имѣлъ долгую аудіенцію у Короля, и пошому онъ спросилъ перваго: о чемъ они между собою говорили? Донъ Жуанъ увѣрялъ, что о флотѣ, которій въ шо время снаряжали къ походу. Тогда Принцъ выхватилъ прошивъ него свою шпагу. Донъ Жуанъ бросилъся къ двери, но нашель ее запершою. На крикъ его ворвались люди и онъ спасъ себя. Принцъ сдѣлался нездоровъ и легъ въ постель. Въ шестъ часовъ вечера вспалъ онъ и велѣлъ принести

кушанье, попому чіно съ восьми часовъ управничего не ѣлъ. Въ половинѣ десятаго легъ онъ опять. Я былъ при немъ. Въ одиннадцатъ часовъ увидѣлъ я Короля, который со спражею и свишою всходилъ на лѣспницу. Онъ былъ въ панцырѣ подъ верхнимъ плащѣмъ, и въ шлемѣ. Пришедши къ двери, у которой я споялъ; велѣлъ онъ мнѣ заперешъ ее за нимъ и не впускашъ никого. Всѣ были уже въ комнапѣ Принца, какъ онъ закричалъ: *кто тутъ?* Оружіе его было уже опобрано и между прочимъ ружье, заряженное двумя пулями. На крикъ его опвѣчали: *здѣсь Государственный Совѣтъ.* Онъ вскочилъ съ постели и хотѣлъ схватиться за оружіе, но Король подошелъ къ нему.“

„Что угодно опъ меня Вашему Величеству?“, вскричалъ Карлосъ.—Ты узнаешь это—сказалъ Король. Топчасъ окна и двери задѣлали накрѣпко, и Король сдалъ заключеннаго на строгую опвѣстивенность Герцога Феріи.—„Прикажете лучше убить меня, Ваше Величество! кричалъ Карлосъ, а не по я самъ себя умерщвлю.—Это дѣлаюпъ только сума-

шедшіе, сказала Король. — „Я не сумасшедшій, опивчалъ Карлось, но ошчаяннѣй!—Много еще было говорено, но ничемъ не рѣшено. Король ушелъ. Вездѣ разставили спражу. Забрали сундуки, письменные сполы и ключи Принца, и все опнесли въ комнапы Короля по его ириказанію. Двое Каммергеровъ каждую ночь находились при Его Высочеспвѣ; они были безоружнѣ; никто не смѣлъ приближись къ двери. Къ кушанью не подавали ножей; мясо разрѣзывали прежде.“

„19 Января 1568 года Король созвалъ Государшвенный Совѣшь. Люди, кошорые припомъ были, увѣряли меня, что Монархъ со слезами предложилъ объ эпомъ дѣлѣ. Онъ присушспвовалъ при выслушаніи свидѣшелей. Все записывали, и вышла книга въ шеспъ вершковъ толщиною. Королева и Принцесса были шакже въ слезахъ, и ш. д.“—Доселѣ проспирается показаніе придверника.“

„Филиппъ видѣлъ, что сіе происшеспвіе обратишь на себя большее вниманіе внупри и внѣ государшва; почему самъ письменно сдѣлалъ его извѣсп-

нымъ свѣпскимъ и духовнымъ Князь-ямъ и даже всѣмъ городамъ въ государствѣ. Напурально, что многіе спали просить помилованія Принцу, и между прочимъ Папа, а Императоръ Максиміанъ даже послалъ для того въ Мадридъ Эрцгерцога Карла. — Филиппъ остался неумолимъ. Одно облегченіе, которое онъ доспавилъ заключенному, соспояло въ томъ, что позволилъ ему слушать обѣдню и развлекать себя въ обществѣ приверженныхъ къ нему придворныхъ; однако имъ строго было запрещено входить въ какіе нибудь особыя отношенія съ Принцемъ, говорить съ нимъ о правительствѣ, или принимать отъ него какое нибудь порученіе. Если бы онъ самъ началъ говорить о такихъ вещахъ, то они должны были не отвѣчать ему, а тотчасъ объявить о томъ. Строго запретили также разглашать въ городѣ, или въ частныхъ обществахъ, что происходило во дворцѣ. Исключая моливенниковъ, никакихъ книгъ не давали Принцу.“

„Что бы имѣть примѣръ для суда надъ нимъ, Король велѣлъ привезти

изъ Барселонскаго архива акты суда, копорый однимъ изъ его предковъ, Иоанномъ II, дѣланъ былъ надъ старшимъ сыномъ его Карломъ. Въ продолженіе сихъ распоряженій Филиппъ смаль самъ мучишься ужасною подозрительностію. Онъ никому уже не довѣрялъ, не ѣздилъ въ свои увеселительные замки; жилъ самъ, какъ въ заключеніи, и подбѣгалъ испуганный къ окну, когда слышалъ на улицѣ какой нибудь необыкновенный шумъ. Королевъ съ Принцессами не позволялъ ходишь къ Карлосу для его утѣшенія. Донъ Карлосъ сносилъ участь свою съ величайшимъ неперпѣніемъ. Въ Вербное Воскресенье, когда вся Королевская фамилія имѣла обыкновеніе исполнять христіанскія обязанности, онъ опказался опъ исповѣди, и опецъ напрасно спарался склонишь его къ этому черезъ одного изъ знашнѣйшихъ духовныхъ. Въ пищѣ и пипьѣ не наблюдалъ никакой умѣренности. Чшо бы прохладишь свою распаленную грудь, пиль онъ безпрестанно холодную воду, заспавлялъ даже класшь множество льду на свою досшель, но при всемъ шомъ

не могъ уполишь внупренняго жара. Цѣлыя ночи ходилъ онъ голыми ногами по холодному каменному полу. Потомъ въ Іюнь началъ опвергать всякую пищу и въ теченіи 11 дней ничего не употреблялъ, кромѣ воды со льдомъ. Чрезъ то онъ такъ себя ослабилъ, что опасались за жизнь его. Когда Король узналъ это, то пришелъ къ нему и сказалъ нѣсколько словъ въ ушѣшеніе; послѣ чего онъ снова предался неумѣренности и занемогъ. Лучшій врачъ Короля, Оливарецъ, былъ къ нему посланъ,“

„Между темъ, по окончаніи изслѣдованій, Государственный Совѣтъ положилъ: что доказанные пресшупленія каждому другому подданному спююшь жизни, но что, можетъ быть, угодно будетъ Его Величеству перемѣнить такой приговоръ по уваженію какихъ либо государственныхъ причинъ. Филиппъ отвѣчалъ, что сердце его гошово склонилось на сей совѣтъ, но что совѣсть его не позволяеть этого, ибо не можетъ быть большаго несчастія для его Государства, когда оно досщанется въ управленіе сего чловѣка. Между темъ

какъ здоровье его сына и безъ того уже разспроено и нѣшь надежды къ спасенію его, но да позволена ему будешъ всякая неумѣренность въ пищи, опъ чего онъ самъ безъ сомнѣнія приближитъ себя къ смерти; только да увѣряшъ его непременно въ близкой смерти, чшобъ онъ исповѣдовался и умеръ Христіаниномъ.“

„И шакъ не было формальнаго приговора; только Принцъ Эболи намѣкнулъ Оливарецу, что опъ него зависитъ исполнитъ волю Короля.—Врачъ послушался и далъ Принцу 20 Іюля лекарство, которое было причиною его смерти. Предъ симъ онъ исповѣдался и поручилъ духовному опцу проситъ его именемъ Короля о прощеніи. Филиппъ велѣлъ ему опвѣчать, что прощаетъ его опъ всего сердца, даетъ ему свое благословеніе и надѣется, что Богъ приметъ милосердно его покаяніе. Послѣ сего Принцъ причастился съ большою набожностію и съ позволенія Короля сдѣлалъ духовную. Бореніе со смертію Принца продолжалось до 24 Іюля. Когда уже онъ былъ при послѣднемъ издыха-

ніи, Король вздумаль опяшь его посѣ-
 шись. Въ изнеможеніи, опершись на
 Принца Эболи и Великаго Пріора, во-
 шель онъ въ комнапу своего сына, бла-
 гословиль его снова, не будучи имъ у-
 знанъ, и ушель въ слезахъ. Топчасъ по-
 слѣ того Донъ Карлосъ умеръ и былъ
 погребень со всѣми почестями, прилич-
 ными его сану. Всѣ акты процесса Ко-
 роль положиль въ небольшой зеленый
 сундукъ, замкнуль его и послалъ безъ
 ключа въ архивъ Симанскій, гдѣ онъ
 и долженъ еще бышь, если шолько, какъ
 идешъ слухъ въ Испаніи, не увезень по
 приказанію Наполеона въ Парижь.“

При семъ досповѣрномъ повѣспиво-
 ваніи приходишь намъ на мысль замѣ-
 чаніе: если слава ешь награда благо-
 роднаго челоуѣка (чего конечно никшо
 не ошринешъ), шо позволишельно ли
 великимъ Поэшамъ предспавляшь зло-
 дѣя заслуживающимъ любви и удивле-
 нія? — Мы весьма знаемъ, какъ распро-
 спранилось мнѣніе, что Поэшь можешъ
 измѣнишь испорическій характеръ, смо-
 шря по обспояшельспвамъ; но въ ша-
 комъ случаѣ какою же наградою будешъ

слава?—Будутъ ссылашья на Испорію; но какая малая часть людей чипаетъ Испорію! Милліоны Нѣмцовъ обожаютъ Донъ Карлоса, потому что видятъ его только въ томъ блескѣ, въ какомъ высокое искусство Шиллера представляеть его. — Позволишьельно ли воздвигнуть въ публичномъ мѣстѣ мраморный обелискъ злодѣю съ темъ только, что бы удивлялись ему, какъ шворенію искусства? Намъ кажется это одинъ и тотъ же случай.

Вл.

т т т т т

СЧАСТЛИВАЯ ХИТРОСТЬ.

Бѣль.

„Башюшка! башюшка!“ кричала Марія, вбѣгая въ комнату отца своего—„у него сломалась коляска, онъ упалъ!...“— Кто упалъ? — спросилъ хладнокровно шарикъ, поправляя колпакъ свой и пересмаширивая старые счепы.—„Бѣдничкой! продолжала она смотря въ окно, онъ ушибся...его поднимають...несуть... Башюшка!“—Онъ упалъ! онъ ушибся! его несутъ! много я шупъ понимаю! Да кто онъ? — „Да онъ, башюшка, эщощъ моло-

дой Офицеръ, котораго мы всегда видимъ въ церквѣ.“— Эпопъ повѣса, коюрой вмѣсто того, что бы молишься, безпрестанно смотришь на себя!...—

Между темъ входитъ слуга и докладываетъ, что какой-то господинъ, ѣхавшій мимо ихъ дома, упалъ изъ коляски; переломилъ ногу и проситъ позволенія у нихъ остановиться.—Марія! прикажи опвесни ему комнату въ нижнемъ этажѣ, сказала спарикъ.—Марія побѣжала, но мимоходомъ заглянула въ зеркало и поправила волосы, небрежно лежавшіе по плечамъ ея.

Теперь, можешь быть, читатели мои спросятъ меня: кто эпопъ онъ? — Онъ, Милосердые Государи, былъ Гусарской Ротмистръ Эрасъ, и если вамъ угодно познакомиться съ нимъ покорооче, то прошу покорно вооружиться терпѣніемъ и прочесть мой анекдотъ.

Эрасъ имѣлъ знатныхъ и богатыхъ родителей; родился въ Пестербургѣ, воспитывался въ большомъ свѣтѣ и для большаго свѣта. Десяти лѣтъ зналъ онъ совершенно Французскій языкъ и не умѣлъ писать порусски; но

прежде всего зналъ, что онъ Графъ и что по смерти отца будетъ имѣть сто тысячъ годоваго дохода. Еще въ колыбели былъ записанъ въ военную службу, четырнадцати лѣтъ окончилъ полный курсъ ученія, и явился въ полкъ. Онъ былъ весьма несвѣдушъ въ наукахъ, но это пошому, что нѣжная маменька не хотѣла опягощать памяти единственнаго сына своего, и если Эрасъ начиналъ плакать, то она отсылала учителей и утѣшала его конфетками. Впрочемъ онъ зналъ все, что нужно въ большомъ свѣтѣ: танцовалъ превосходно, пѣлъ Французскія арии, говорилъ дамамъ комплименты, выученные наизусть, дѣлалъ каламбуры, и даже иногда рассуждалъ о словесности — разумѣлся хвалилъ иностранную и бранилъ отечественную — однимъ словомъ Эрасъ былъ совершенной модной повѣса.

Наскучивъ Пешербургомъ, онъ отправился въ Москву. Осматривая примѣчательнѣйшіе мѣста древней столицы зашелъ однажды въ У ... Соборъ; ходилъ по церкви, смотрѣлъ на ея украшенія, на женщинъ и вдругъ въ сторонѣ

примѣшилъ дѣвушку, у которой была очень хорошая шалия. — Эрасъ подходилъ и видилъ милое, прелестное лице; голубые глаза красавицы были обращены къ небу, прекрасные свѣсплорусые волосы разсыпались по плечамъ ея; нѣжныя щочки покрывались тонкимъ румянцемъ и уста тихо произносили молитвы. Эрасъ увидѣлъ ее и оспамовилъ, смолрѣлъ на нее и не могъ наглядѣться. Въ первой разѣ ошущилъ онъ въ душѣ какое-то новое чувство, въ первый разѣ разлился по жиламъ его какой-то тайный шрепешъ, какой-то тихій пламень, споль извѣспный сердцамъ чувспвишельнымъ.

На другой день онъ искалъ ее на всѣхъ гуляньяхъ, во всѣхъ публичныхъ мѣспяхъ — но Марія *) не являлась; цѣлую недѣлю ѣздилъ по всѣмъ баламъ, по всѣмъ собраніямъ — но нигдѣ не находилъ Маріи. Наконецъ въ слѣдующее воскресенье онъ идешь въ церковь и на

*) Чипашели мои вѣрно давно уже догадались, что это была она.

помъ же мѣспѣ видитъ опять Марію. Скоро пересталъ онъ посѣщать своихъ знакомыхъ, ходилъ только въ церковь, думалъ только о Маріи—и въпренный Эрасъ былъ влюбленъ спраспно, пламенно!...Любовь дѣйсшвуешъ сильно, когда въ первыи разъ обладаешъ юнымъ сердцемъ!

Онъ видѣлъ Марію одинъ только разъ въ недѣлю, и видѣлъ въ такомъ мѣспѣ, гдѣ не могъ говорить съ ней—это было для него мучительно; спрашивалъ вездѣ о Маріи и узналъ наконецъ, что она живешъ съ ошцомъ своимъ въ загородномъ домѣ и нигдѣ не бываешъ, кромѣ церкви. Тщешно спарался Эрасъ познакомиться съ ними—спарикъ никуда не ѣздилъ и никого не принималъ къ себѣ. Наконецъ онъ рѣшился упопрешить хипросшь: поѣхалъ по большой дорогѣ, прошивъ ихъ окошекъ упалъ изъ коляски, показалъ видъ, будто переломилъ ногу, и такимъ образомъ вошелъ къ нимъ въ домъ.

Марія никогда не оглядываласъ въ церквѣ на Эраса, но замѣшила весьма хорошо, что у него большіе черные

глаза, свѣжій цвѣтъ лица, прекрасная фигура, и что онъ безиресшанно смотрѣлъ на нее.—Женщины часно видящъ и шамъ, куда совсемъ не смопрятъ.

Нѣскольکو недѣль Эраспъ пробылъ въ ихъ домѣ. Всякой день приходила къ нему Марія; съ милою заботливостію спрашивала объ его здоровьѣ; и всякой день Эраспъ любилъ ее еще болѣе прежняго. Однажды она сидѣла у его постели (опца ея не было дома); онъ взялъ ея руку, смопрѣлъ на нее долго, пламенно ... „Марія! сказалъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ, милая Марія, любишь ли ты меня?“ — Марія покраснѣлась, пошупила глаза и...волшебное *люблю* было произнесено!...О! кто можешь описашъ воспорги Эраспа! Сердце его билось сильно, сильно, вырывалось изъ пренещущей груди, всѣ члены его дрожали, казалось, что душа хотѣла опдѣлиться опъ шѣла; но—никто не умираль опъ радости! — Эраспъ оспался живъ; всякой разъ, когда приходила Марія, онъ говорилъ ей о любви своей—и Марія слушала его съ удовольствіемъ; на другой день повпорялъ поже—и Ма-

рія слушала его съ новымъ удовольствіемъ; всякой разъ спрашивала: *любишь ли ты меня Марія?*—и всякой разъ слышала: *люблю!*

Счасіе не продолжибельно. Время лепѣло и припворяясь было уже невозможно. Любовники распались, поклявшись любить другъ друга до гроба; но безъ надежды когда нибудь соединиться — старой ошець Маріи не любилъ Эраспа.

Время его опущка кончилось; но онъ не могъ уѣхать изъ Москвы, не могъ дышать воздухомъ, копорымъ не дышала Марія. Днемъ онъ думалъ о ней, ночью видѣлъ ее во снѣ, жилъ въ уединеніи и помышлялъ только о средспвахъ сдѣлаться счастливымъ.

Случай поспѣшилъ къ нему на помощь. Въ одно утро получаешь онъ записку, узнаешь руку Маріи и сердце его шрепещетъ. Эраспъ срываетъ печать и читаетъ слѣдующіе слова: *Все кончено, милый другъ мой, батюшка раззорился; жестокіе заимодавцы угрожаютъ ему тюрьмою; мы погибли, если ты намъ не положишь!* — Эраспъ садится въ ко-

ляску скачешъ къ Маріи, удовлетворяешъ заимодавцевъ опца ея; благодарный спарикъ награждаетъ его рукою дочери, и вѣтренный Роммиспръ вышелъ въ опспавку, сдѣлался счастливымъ супругомъ, добрымъ опцемъ, и посреди сѣмейсва прожилъ до глубокой спаросши въ пивинѣ и благополучіи.

А. Ожкинѣ.

~~~~~

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПИСЕМЪ КЪ М. И. Г. О
ЛУНѢ.

Письмо III.

Я обѣщала вамъ описать разные роды мечпаній; нѣкоторыя изъ нихъ описаны уже мною въ послѣднемъ моемъ къ вамъ письмѣ, а для объясненія еще одного рода эшихъ крылатыхъ посѣпителей я вамъ расскажу, что со мною случилось:

Вчера когда проспившись съ вами,
И поперявъ вашъ домъ изъ глазъ,
Лешѣлъ я скорыми шагами,
Воспоминаніемъ объ васъ
Мою дорогу услаждая,

Неся въ душѣ вашъ милый взоръ
 И въ мысляхъ весь мой пробѣгая
 Въ пошъ вечеръ съ вами разговоръ,
 Луна изъ облака блеснула—
 Я къ ней глаза оборопилъ—
 Она, казалось мнѣ, шепнула
 Съ улыбкою: *ты счастливѣ былъ.*
 И въ мигъ покрылась облаками,
 Какъ бы румянцемъ на щекахъ;
 Такъ какъ бываетъ часпо съ вами,
 Когда мы судимъ объ мечсахъ.

Эпа милая помносшь, прелеспная
 спыдливосшь Луны, копорыя васъ шакъ
 много украшающъ, и учаспие, принимае-
 мое сю во мнѣ, совершенно меня очарова-
 ли: я даль ей время оправившья опъ смя-
 шенія, ждалъ когда она опяшь прогля-
 нешь, и нѣжная учаспница моихъ вос-
 шорговъ, наконецъ явилась, какъ бы по-
 шущя, прелеспные свои взоры.

Я снова къ ней оборопился,
 Смотрѣлъ на помный ея свѣпъ,
 И шакъ въ пошъ вечеръ позабылся,
 Чшо спалъ просипъ ее—предметъ
 Любви моей—лучемъ прелеспнымъ
 Когда случитъя освѣпншь,
 Чшобъ языкомъ лишъ ей извѣспнымъ
 Она взялась вамъ извѣспншь,

Мой пламень къ вамъ, мое спрадѣнье
 Любовь, что буду вѣкъ питать,
 И чтобъ родишь въ васъ соспрадѣнье
 Мою слезу вамъ передашь;
 Она мелькнувши освѣпила
 Слезу мою своимъ лучомъ,
 Какъ будто шемъ мнѣ говорила,
 Что къ вамъ снесешь ее попомъ.

Я былъ въ упоеніи, видѣлъ какъ милая
 участница моихъ мукъ, смотря въ
 окно вашей горницы, и видя, что вы
 сидите при дрожащемъ свѣпѣ огня у
 столика, опустивъ вашу прелестную
 голову на прѣпешущую руку, уронила
 тихо горячую слезу на вашу лилейную
 грудь—

Вы испугавшись обратили
 Свои прелестные глаза,
 Попомъ на грудь ихъ опустили
 Сказавъ Лунѣ: *его слеза!*

Итакъ вопъ что случилось со мною.
 Это послужишь вамъ примѣромъ меч-
 таній и доказательствомъ моею къ вамъ
 откровенности, которой вы такъ ма-
 ло вѣрите.

Наконецъ, чтобъ доказать вамъ, что
 я признаюся къ Лунѣ за принимае-

мое ею во мнѣ участіе, я вамъ скажу, что сегодня весьма соспрадалъ о помѣ положеніи, въ кошоромъ ее видѣлъ.

Она, покрывшись облаками,
Едва бросала слабый свѣшъ,
Своими блѣдными лучами
Скользя съ предмета на предметъ,
Какъ будшо въ шеремѣ высокомъ
О миломъ дѣвица груспишъ,
Смошря кругомъ смущеннымъ окомъ,
Кшо муву сердца усладишъ?—

Свѣшъ Луны пробѣжалъ по мнѣ, я взглянулъ на нее, ошпановилъся — мы другъ друга поняли, и спрасшный лучъ ея долго ошпавалъся на мнѣ, какъ бы она радовалась, что наконецъ нашла чело-вѣка, кошорый раздѣляетъ ея шоску, кошорому понятны спраданія любви, и какъ бы говорила: *пожалѣй обо мнѣ*.

А кшо любовью самъ пылаешъ,
Кшо о любезной самъ груспишъ:
Топъ всѣхъ влюбленныхъ понимаешъ
И соспрадашъ объ нихъ спѣшишъ.

Я увѣренъ, что никакое доброе дѣло не ошпается безъ награжденія; я соспрадалъ о Лунѣ—надѣюсь, что когда и мнѣ случится съ спѣшеннымъ сердцемъ умоляшъ васъ о соспраданіи—

Вы вѣрно скорби усладите,
 Опреде слезы съ *мои*зѣ глазъ
 И болѣе не захошите,
 Чшо бы я мучился опъ васъ.

Вл. Дмитріевъ.

~~~~~

ЧУВСТВТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО НЕВ- СКОМУ ПРОСПЕКТУ.

(Продолженіе.)

Мы вѣчно шо, чемъ намъ бышь въ свѣ-
 шѣ суждено;
 Гони природу въ дверь, она влепшшь
 въ окно.

Кшо съ эшимъ несогласенъ?—Я, на-
 примѣръ, чувствительный пятидесяти-
 лѣтній путешественникъ — я почно
 шаковъ же, какимъ былъ въ училищѣ и пу-
 шествовалъ по азбукѣ... также скоръ,
 болшлвль — и непостояненъ!.. о! непо-
 стояненъ какъ женщина.... Не знаю, ску-
 чаль ли я другимъ? (скучаю ли пеперь?..
 О мои бѣдные чипашели! это вамъ из-
 вѣсно!) Но признаюсь—мнѣ все наску-
 чило—и я — до пятидесяти лѣшь — все
 желаю.. желаю новаго—какъ бышь!.. Мы

*сѣтно то, телиѣ налиѣ бытъ вѣ свѣтѣ сужде-
но.*—Прежде я скучалъ азбукою... желалъ
поскорѣе начать Грамматику—попомъ
скучалъ Грамматику, и п. д. Послѣ же-
лалъ скорѣе выдти изъ училища—послѣ
опредѣлился въ службу — Безпреспан-
но желалъ и желаю... и едва исполнился
то, чего съ такимъ неперигнѣемъ ожи-
даю — я... недоволенъ, скученъ... и п. д.
Кто болѣе моего желалъ путешество-
вать? Наконецъ я путешествую—и уже
все мнѣ наскучило — и я — шороплюсь
дойти до Аничкова моста... Тамъ—ко-
нечъ подвигама! Тамъ—сворочу съ Нев-
скаго проспекта и побреду—домой, въ
свою комнату... желаніе новое.—

И что за страсть къ путешестві-
ямъ? Не лучше ли, не желая славы ни
ученаго, ни сенсименпальнаго, ни на-
блюдашельнаго путешественника — си-
дѣшь дома и смотришь издали на всѣхъ,

Которые и ѣдутъ и ползутъ,
И скачутъ и плывутъ,
Изъ царства въ царство рыщутъ
И дочери Судьбы ошмѣнной красоты,
Иль убѣгающей Мечты
Безъ ошдыха споль жадно ищутъ.

Пусть говорятъ, что надобно хорошенько осмотрѣть свѣтъ прежде, нежели оставишь его. — Правда; но что видѣть? — Одно и поже вездѣ!.. Тѣ же люди, шѣже спрасти, шѣже добродѣтели и злороки, какъ говоришь Лабрюйеръ. Однимъ словомъ, я объявлю себя врагомъ всѣхъ путешественниковъ и желаю—но прежде напишу грозное воззваніе къ эшимъ охопникамъ до наблюдений — къ эшимъ космополитамъ—и докажу, что всего хуже путешествовать. Но для исполненія этого желанія, я желаю кончить мое путешествіе по Невскому проспекту. Извините, перпѣливые читатели, если примѣтили, что я шороплюсь—домой.

Но я еще далекъ отъ конца моего справствованія... Вотъ еще госпоиной дворь... Нѣшь, не пойду шуда—незачемъ... Вотъ направо книжныя лавки... Опять книжныя лавки!... Я въ нерѣшимости, иди ли шуда, или продолжай шуть мой далѣе. — Нѣшь, не пойду—надобно сворачивать съ проспекта; а я не могу въ одно время иди по двумъ доротамъ. — Но не знаю, какое-то невольное любо-

пышество влечетъ меня къ эскимъ лавкамъ. Нѣшь, не пойду—сяду на лавочкѣ—и буду издали сморѣшь на эши золотыя вывѣски, книжныя лавки, книжныя магазины!...Какъ жаль, что теперь нѣшь со мною описанія Пешербурга; мнѣ бы хопѣлось выписатьъ опшуда спашью о книжныхъ лавкахъ, съ котораго года проявились онѣ въ Пешербургѣ, какъ распространялась книжная торговля, и пр...Но опъ чего эша торговля не распространяется болѣе и болѣе? Напримѣръ, почему у насъ нѣшь такого расхода на книги, какъ въ Германіи и Франціи? Не потому ли, что мы выписываемъ опшуда книги, а они не выписываютъ нашихъ?...Такъ, но и опъ того, что и у насъ, въ самой Россіи, еще не пысячи любителей чшенія...Говорятъ, будто въ провинціяхъ еще только дочитываютъ книги Новиковой типографіи—а въ столицахъ, я самъ знаю, на книги расходъ не великъ...Богатыя и обязавшіеся имѣть библіотеки—ихъ не много!—а гг. сочинители, журналисты, переводчики, не разоряющіяся на покупку книгъ. Бѣдные! Бѣдные книгопродавцы!...Но будешь вре-

мя — какъ патриотъ желаю, чѣмъ оно скорѣе пришло — будетъ время — и у насъ книжная торговля распространилась — книгопродавцы и сочинители разбогатѣють — народы Азіи, смѣжные съ пространной Россійской Имперіей, узнавъ всѣ выгоды связи съ Россією, почувшвавъ необходимость знанія Русскаго языка, мало помалу начнутъ учиться ему. Вкусъ къ чтенію Русскихъ книгъ усилился между ними, и полные короба Русскихъ книгъ полетятъ въ Хиву, въ Киргизскую степь, въ Бухарію, Авганистанъ... опшуда далѣе, далѣе... далѣе, далѣе. Сверхъ того у насъ откроется новый классъ людей: учители, подобные Французскимъ учителямъ, и мадамы того же достоинства; учители и мадамы поскачутъ просвѣщать варваровъ; за ними модныя торговки, актеры... Боже мой! какое прелестное будущее!... Я увѣренъ, что все это исполнится прежде, нежели наши книгопродавцы выучатся Русской грамматкѣ.

Но я забылъ, что пороплюсь домой... идемъ далѣе. — Библиотека!... за нею пешаръ... Еслибъ шолько я не поропился

домой! Но — всякой пупешеспвенникъ бываль и въ Библиюшекъ и въ теашпръ— Правда, но всякой Пепербургской жишель шакже бываль въ обоихъ, и я, подъ заццишою эшого оправданія, иду ужинашь.... къ одному доброму пришелью.. Аничковъ мосшь близехонько.

Въ Пепербургъ не ужинаюшь, или въ Пепербургъ люди хорошаго шона не ужинаюшь, ш. е. не накрываюшь спола скашершью и не подаюшь супу...но все поже ѣдяшь, чшо и за обѣдомъ.—Пришель мой, къ кошорому я зашель, человѣкъ не лучшаго шона—онъ управитель—и ужинаешъ, ш. е. у него спошь накрывъ скашершью и подаюшь супъ.—Послѣ ужина, поговоря о шомъ, о семъ, захошѣль я узнать чшо за шолспая книга лежишь у него на письменномъ сполѣ?— „Реэспрь жильцамъ.“ — Эшо любопышно— а сколько у шебя жильцовъ? — “Во всѣхъ чешырехъ эшажахъ 184 человѣка.“ — Эшо казармы! — „За шо какихъ людей нѣшь въ эшомъ домѣ!. Сюда можно приѣхать Лапландцу въ своемъ національ-

номъ плашь—и черезъ часъ никшо его не узнаешь, и онъ пойдешь по Невскому проспекту, какъ любой изъ нашихъ францовъ!.. Здѣсь живущь: поршней, сапожникъ, модная шорговка, панцмейсперь, аксперь, кандиперь, булочникъ, погребщикъ, сочинитель, и пр. и пр. Здѣсь все ешь... Люди всякаго званія, всякаго соспоянія, возраста, пола—помѣщены въ чешырехъ эшажахъ какъ въ корабль.“

Тебѣ много заботь? спросилъ я моего приятеля.—„Много, опвѣчалъ онъ; но я привыкъ къ моей должности.“— Расскажи мнѣ что за люди живущь у тебя? — „Лучшія комнапы во вшоромъ эшажѣ за пшнадцашъ тысячь рублей въ годъ нанимаешь одинъ опспавной Типулярной Совѣшникъ.“— Богатый? — „Не знаю... судя по комнапамъ, по экипажамъ, по связи его съ лучшими людьми въ городѣ, можно догадывашься, что онъ не бѣденъ.“— Но его маленькой чинъ? — „Чтожь дѣлать? надобно выдержашь экзамень; а онъ, кажешся, не бойко ученъ, хопя лѣпъ пшнадцашъ былъ учителемъ въ какомъ-шо уѣздномъ городѣ. ...Другую половину занимаешь Францу-

женка, приѣхавшая для ообранія долговъ
опъ нашихъ Офицеровъ, бывшихъ въ
Парижѣ... Каждый вечеръ у нее большой
сѣздъ—и расплаша... Въ первомъ эпажѣ
живописецъ Французъ; въ прешьемъ ак-
перъ, сочинитель, Ипаліанецъ... “—Ак-
перъ Русской?— „Нѣтъ, Нѣмецъ — изъ
посредспвенныхъ—однако получаетъ по-
рядочное жалованье.. “—А сочинитель?—
Сочинитель не плашипъ ужъ прешій
годъ за кварширу: все безъ мѣспа. Онъ
приѣхаль бѣднякъ изъ какого-то Универ-
ситеша... обнадежили его, что въ Пе-
тербургѣ и мѣспа и чины и креспы, все
для него гошово... онъ приѣхаль, да еще
ничего не получилъ — и безъ книгопро-
давца пропаль бы. А пошь даещъ ему
кой-что переписывашь... Пѣсенники,
Оракулы, азбуки... Ипаліанецъ скоро съ-
ѣжаещъ; купиль домъ недалеко опсю-
да.“—А давно ли онъ въ Россіи?—Трешій
годъ... все порговаль помадой... Живо-
писецъ Русской шакже кое-какъ переби-
ваещя... Русскіе живописцы, говорящъ,
шеперъ не въ модѣ *)... Въ прочихъ э-

*) Это писано въ 1818 году—шеперъ не по,
какъ увѣряющъ насъ испинные знашоки
въ живописи.

пашахъ все маленькія комнашки... внизу лавки...“—А сколько приносишь въ годъ дохода весь эшошь домъ?—„Сшо десяшь тысячъ рублей.“

ТЕАТРЪ.

О ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ТЕАТРЪ.

Souvenez vous de la faiblesse humaine; il est de notre nature de tomber et de faire des fautes. En avez vous commis? Ne craignez pas de les réparer.

Pensees de Confucius.

Доселѣ у насъ еще довольно мало обращали вниманія на родъ аршисповъ, копорые не бесполезнѣе другихъ; но въ просвѣщенномъ опечеспвѣ нашемъ не пользуемся еще надлежащимъ уваженіемъ. По сей послѣдней черпѣ всякой догадается, что я говорю объ Акшерахъ. Я не буду изыскивать причинъ недоброжелательства къ нимъ многихъ, впрочемъ весьма почтенныхъ особъ; не буду доказывать, что званіе ихъ нисколко не унизишельнѣе всякаго другаго—благо-

мыслящіе знаютъ это и безъ меня; а людей, закорѣнелыхъ въ предразсудкахъ, я убѣдить не надѣюсь. Однако съ нѣкошораго времени у насъ начали писать о театрѣ; но одни съ темъ, что бы показать свое остроуміе, другіе въ намѣреніи поддерживать мнѣніе своихъ приятелей, и очень немногіе — съ желаніемъ бытъ полезными Актерамъ. Моя цѣль есть единственно сдѣлать по возможности пользу артистамъ нашего театра, и темъ принести удовольствіе Публикѣ. Я увѣренъ, что они не будутъ сердиться за мои замѣчанія; но воспользуются справедливыми, и посмѣются надъ ложными—и я бы весьма былъ благодаренъ тому, кто бы показалъ мнѣ мои ошибки:

Du choc des opinions jaillit la vérité.

Я начинаю.—*Эдипъ въ Авинахъ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Озерова—и Игнаша-дурачокъ, Водевиль, передѣланный съ Франц. Княземъ Шаховскимъ, представленныя на Маломъ Театрѣ 29 Сентября.*

Не почишаю нужнымъ говорить о достоинствѣ Трагедіи, которую всѣ

знаюшь почти наизусть, хотя и не думаю съ Г мь Сп—чемъ, что бы *судить* о Геніѣ могъ *одинъ только* Геній *); но послѣдую за ходомъ ея, замѣчая все достойное замѣчанія.

Дѣйствіе первое. Хоръ народа, копорымъ начинается Трагедія былъ сыгранъ и спѣтъ весьма дурно. Но хоръ оканчивается..... вопъ Тезей!.....прекрасный ростъ, благородныя черны, гордая носпуъ, все въ Г. Карашыгинѣ соопвѣпшвуешь лицу, копорое онъ предсшавляешь. Первый монологъ его (конечно не прудной) сначала былъ произнесенъ хорошо; но описаніе ужасовъ, изъявившихъ гнѣвъ Эменидъ—слабо. Вѣспникъ объявляетъ о припеснвїи Фивскаго Псда; народъ удаляется, и Г. Толченовъ входитъ.....высокій ростъ, широкіе плеча, звѣрское лице—онъ злодѣй—но не Креонъ! Въ немъ не видно коваршва, скрыпности, долженспвующихъ бышъ въ Креонѣ. Первые спихи онъ произнесъ слишкомъ прпсто: безъ леспи, безъ удивленія къ дѣянїямъ Тезея. Вообще ни го-

*) Смопри *Благоналѣбранный* № X. 1821.

лось, ни образъ произношенія, ни положеніе не соотвѣтствовали тому, что онъ говоритъ. Они съли; Креонъ повѣсшуешь о причинѣ своего прихода.

Рожденъ на бѣдшвія Боговъ опредѣлень-
емъ,
Вселенну ужаснулъ невольнымъ пресшуп-
леньемъ.

При концѣ перваго стиха Г. Толченъ осшановился и произнесъ эти два стиха шакъ, какъ бы въ каждомъ изъ нихъ заключалась особенная мысль, не догадавшись вѣрояшно, что здѣсь *рожденъ* посшавлено намѣсно *рожденный*. Въ стихѣ: *И наконецъ Эдипъ, то бы позналъ изенанье*, Г. Караныгинъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: *позналъ*; а по моему мнѣнію, оно должно бытъ на словѣ: *изенанье*: дѣло не въ шомъ—позналъ, или не позналъ что - нибудь Эдипъ; а въ шомъ, что за всѣ свои благодѣянія позналъ онъ не благодарность, но *изенанье*.

Но мы не рождены спокойно несшь оковы
И прежде умереть граждане всѣ гошовы,
Иль лучше погребсшисъ подъ нашею сшѣ-
ной....

Первые два сшиха Г. Толченоеъ сказаль безъ гордостн, въ зломъ случаѣ приличной; а при словѣ: *погребстисъ.....запѣль!*

Сраженный Миношавръ живъ въ памяти у Грековъ.

Г. Карашыгинъ произнесъ прекрасно: съ благородною гордостію, съ увѣренностію въ самомъ себѣ.

Боязни за меня твои, Креопъ, напрасны,
и прот.

еще лучше; но *мои дѣла*—довольно слабо.

Мой мечъ союзникъ мнѣ, *и прот.*

поже прекрасно: съ гордостію и съ нѣкоторымъ неперпѣніемъ, возбужденнымъ вопросами Посла.

Дѣйствіе второе. Занавѣсъ поднимается; Эдипъ, поддерживаемый Антигоной, спускается съ горы. Первые три сшиха Г. Борецкій сказаль хорошо; но четвертаго, кажешся, непоняль: онъ произнесъ: *спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу себѣ*, какъ будто бы у Озерова Эдипъ говоритъ, что онъ окончитъ дни свои въ спокойствіи на себѣ камнѣ. Напрошивъ того должно бы сказать: *спокойно—и*

остановившись попому, что Анпигона усаживаешь отца; а онъ ошвѣчаетъ ей, что ему хорошо, и попому уже говоришь, что кончишь дни свои на этомъ камнѣ; это весьма просто, и я не понимаю, какъ можно этого не понять: во всѣхъ изданіяхъ сей Трагедіи послѣ слова: *спокойно* поставлены почка и шире. Всѣ коропкіе и сильные выраженія, какъ на примѣръ: *Ахъ, я Эдипъ!* и друг. начинающая со стиха: *Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ*, до конца сей небольшой ширады, Г. Борецкій произнесъ довольно слабо; но за то Гжа Колосова стихи: *Ахъ! не жалю я о пышной славѣ той, и проч.* прочла какъ нельзя лучше—съ протгашельною дѣшскою нѣжноспію, голосомъ, доходящимъ до сердца.

Нѣтъ, нѣтъ, нельстись, и проч. а особенно стихъ: *Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнестъ*, Г. Борецкій понялъ и прочелъ весьма хорошо, равно какъ *Храмъ Евменидъ!* и проч, включая только послѣдняго: *И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны*, копорый былъ произнесенъ слабо; *Вы лютости свои, о Фурія! смягите, и проч.*—прекрасно съ

ощчаяніемъ, но слабѣющими силами. *Оставь, о Полникѣ!* и проч; онъ сказалъ дурно: съ крикомъ, а надо было сказать съ упрекомъ; за то: *Увы!* я здѣсь *метталъ*, и проч. опять прекрасно. Когда Аѳиняне спрашиваютъ Эдипа: кто былъ отецъ его? и онъ отвѣчаетъ: *Родитель мой погибъ*; первые два слова Г. Борецкій произнесъ спокойно, *погибъ*—съ ощущаціемъ: такъ и должно! Это мѣсто онъ понялъ совершенно. *Пойдемъ, слушаюся отъ ихъ правдивыхъ словъ*—поже прекрасно.

Вопь Тезей! Антигона бросается къ ногамъ его, и Гжа Колосова произнесла очень хорошо всю просьбу свою къ нему, а особенно слова: *онъ слѣпъ, а я слаба!*

Дошолъ какъ земля, намъ общая всѣмъ
мать,

Благоволишь меня въ исполненіе приняшь.
Говоря первой стихъ Г. Борецкій, поднялъ руки къверху, а при вшоромъ опустилъ къ низу.—Жестъ никуда не годной!

Услышавъ, что Креонъ шупъ, Эдипъ вскрикиваетъ: *Креонъ въ твоей странѣ!*

и проч. Все это Г. Борецкій прочель не хорошо, слабо.

Дѣйствіе третіе. Креонъ и Нарцесъ старались перещеголяшь другъ друга, и оба играли какъ нельзя хуже. Г. Толченъ не поняль и не прочель надлежащимъ образомъ ни одной пирады; говоряшь, что онъ хорошо играетъ разбойниковъ, но къ ролямъ хитрыхъ злодѣевъ, кажется, совершенно неспособенъ. Всего смѣшнѣе онъ произнесъ стихъ: *И къ трону Оивскому мнѣ новый шагъ ступить*; сказалъ—и спунилъ, сдѣлалъ шагъ впередъ!! *Кто, я?* Онъ произнесъ вмѣстѣ, какъ будто бы это было одно слово..... не понимаю для чего! Однако и ему случилось прочесъ нѣсколько стиховъ довольно хорошо, какъ на примѣръ: *И ни вошто вмѣнять къ богамъ напрасный страхъ*, и нѣкоторыя другіе.

Прекрасная сцена, въ кошорой Креонъ зовешъ Эдипа въ опечесство, была сыграна очень дурно. Г. Борецкій весьма хорошо произнесъ стихи, когда Эдипъ слышитъ голосъ Креона: *О догь моя!* и проч. но съ этого мѣста онъ началъ шумѣть и наконецъ разкричался до шо-

го, что говорилъ гораздо громче Г. Толчѣнова—это много!

Иль лучше ты скажи, что волею своей
 Пришелъ увѣришься о горесни моей,
 надо было сказать созлобнымъ упрекомъ,
 а Г. Борецкій прокричалъ изо всей силы
 и не показалъ ни малѣйшей гордосни
 при словахъ: *хотя я въ нищетѣ*, и проч.

Терзашъ меня, увы, какъ ты искусство
 знаешь!
 слово: *увы!* онъ произнесъ *staccato*, оп-
 дѣлилъ опъ прочихъ и сказалъ очень
 скоро—вдругъ, и вмѣсто сожалѣнія воз-
 будилъ въ знаюкахъ смѣхъ и воспорги
 въ зрителихъ заднихъ и верхнихъ ча-
 сшей театра.

Аѳинянь подари ты дочерью своею.

Здѣсь Г. Толчѣновъ сдѣлалъ удареніе на
 словѣ: *дочерью*, между шемъ, какъ оно
 должно бытъ на словѣ: *подари*, и все это
 надобно произнесши насмѣшливо—какъ
 бы онъ сказалъ въ прозѣ: *Подари или
 дочь, или ея не нужно.*

При словахъ: *кто руку на меня по-
 слѣтетъ наложить?* и проч. Г. Борецкій
 не показалъ надлежащей гордосни. Гжа

Колосова, падая къ ногамъ Креона превосходно произнесла: *Креонъ! жестокий! ахъ! паду къ твоимъ ногамъ, съ раздрающимъ сердце опчаяніемъ. Монологъ 4 явленія сказала она слабо; это протрагическая сцена была у ней суха, исключая два, при спиха, копорые она прочла хорошо.*

Дѣйствіе четвертое. Я увѣренъ, что умная Актриса, Гжа Колосова весьма хорошо понимаетъ, что монологъ Анпигоны въ 1 мѣ явленіи сего дѣйствія совершенно не у мѣста, и можешь быть, именно пошому прочла его также слабо, исключая спиховъ:

И надъ главою моею смерть спрашная
зіяешь....

Ты здѣсь найдешь мой шрупъ холодной
и бездушной.

и нѣкопорыхъ другихъ.

Сцена Анпигоны съ Полиникомъ сыграна была прекрасно. О братѣ Г Брянскій говорилъ съ яростію, о сестрѣ съ нѣжноспію: голосъ, лице, положеніе, все соопвѣщивовало словамъ; особенно спихи:

Ты слезы льешь, молчишь и брата об-
нимаешь....

Ахъ! для злодѣевъ какъ спрашна, ужас-
на ночь!

онъ произнесъ превосходно! Въ эпозмъ
явленіи я замѣпиль полько одинъ спихъ,
копорый Г. Брянскій прочель, по моему
мнѣнію, не пакъ, какъ должно; имено:

Чшобъ Оивскому Царю изъ спѣтъ сло-
жипь могилу.

Здѣсь онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: *сло-
жить*, а мнѣ кажешся, что оно должно
бышь на словѣ: *могилу*. Онъ кончилъ эпу
шираду — и невольное *браво!* вырвалось
у одного изъ знапоковъ нашего шеатра.

Въ 3 явленіи Гжа Колосова превос-
ходно произнесла спихи:

Предъ темъ, какъ ты меня въ объятіа
приялъ,

Несчастный юноша въ глазахъ моихъ
спѣналъ...

Не смѣеть онъ придши, ужасно пресшуп-
ленъе....

Все это она говорила дрожащимъ голо-
сомъ, какъ бы не рѣшаясь еще сказапы.

Я не знаю, для чего Г. Брянскій про-
чель нѣхъ первые спихи Полиника къ

Эдипу, а потомъ уже возвысилъ голосъ; мнѣ кажешся, что должно бы пошчасъ начашъ съ опчаяніемъ:

Ты просишь—за кого? любезна Антигона! слова: *ты просишь*, должно было произнеспи съ удивленіемъ, а за кого — съ упрекомъ, какъ бы въ прозѣ: *ты просишь, любезная Антигона! но посмотри за кого ты просишь*; а Г. Борецкій сказалъ это вмѣспіъ, проспи: онъ не понялъ.

Г. Брянскій доказалъ, что онъ весьма хорошо обдумываешъ свои роли: Полиникъ непременно долженъ говоришь съ восхищеніемъ о тронѣ и съ гордостію о себѣ; такъ и сдѣлалъ Г. Брянскій въ спихахъ:

Мой спань, побѣда, *тронъ* Эдипа ожида-
юшъ...

Надъ войскомъ, *надо мной* тебѣ вручаю
власшь

У меня недоспаешъ духа говоришь подробно о проклятіяхъ Эдипа: Г. Борецкій кричалъ изо всей силы и сдѣлалъ столько непроспишсальныхъ ошибокъ, что пространство сихъ листковъ не позволяетъ шеперь мнѣ ихъ замѣшшъ;

въ числѣ ихъ были и такія, копорыя прошивны не шолько правиламъ декламациі; но даже правиламъ Грамматики, на примѣръ на словахъ: *земля, истребитель* и нѣкопорыхъ другихъ, онъ дѣлалъ по два ударенія, что совершенно прошивно духу нашего языка. Последніе сѣпихи сего явленія: *О ярость! о позоръ!* и проч. Г. Брянскій произнесъ превосходно.

Дѣйствіе пятое. Когда Г. Щениковъ игралъ роль Полиника, то Первосвященникъ всякой разъ безспыдно лгалъ, говоря, что у него: *въ гортахъ отчаянье и въ поступи смущенье*; но Г. Брянскій оправдалъ его совершенно. Съ какимъ негодованіемъ произнесъ онъ сѣпихъ: *И совершитъ не дамъ богамъ несправедливость*, поднялъ руку къверху и казалось угрожалъ богамъ—прекрасно! При словахъ: *весь адъ ношу въ душѣ моей*, весь адъ опражался на лицѣ его.

Въ 3 явленіи рѣчь Аншигоны къ народу Гжа Колосова произнесла дрожащимъ голосомъ, но спокойно, съ благородною гордоспію угнепаемой невинности—нелзя лучше! Я благословлялъ ее

вмѣстѣ съ Эдипомъ, когда она говорила: *Въ послѣдній разѣ, отецѣ, благослови ты догь!* Г. Брянскій прекрасно сказалъ: *не встану, но умиру и телѣ сердце бы инымѣ жестоко толь стрададо.*

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ Акшерѣ особенно.

Г. Каратыгинѣ, въ роль Тезея—быль Царь и Герой. Надо опдать ему полную справедливостъ, что онъ чишаешь весьма натурально, не кричишь и не горячишься не у мѣста, и вообще роль свою понимаетъ какъ нельзя лучше.

Г. Борецкій, кажется, поставилъ себѣ за правило: начинаешь тихо и потомъ все громче и громче, и когда дойдешь до нес plus ultra своего крику, то уже не перемѣняешь голоса до конца — не прогнѣвайшесь—громче не можешь!

Гжа Колосова чувствуешь и понимаешь роль свою совершенно: это не Актриса, но сама Антигона. Съ какою прогайтельною попечительностію, съ какою дѣтскою нѣжностію водишь она слѣпаго Эдипа! Съ какимъ упрекомъ смотришь на Аѳинянь, когда они хотяшь изгнать опца ея; съ какою радостію

слышишь она; что Тезей приближается; съ какимъ воспоргомъ, съ какимъ умоляющимъ видомъ бросается къ ногамъ его! Нѣжностъ, негодование, страхъ, надежда, опчаяніе попеременно изображаются у ней въ глазахъ. Молчаливый языкъ лица ея доходитъ до сердца: мы понимаемъ ее и тогда, когда она молчитъ! Посовѣтуемъ ей только не слишкомъ разпягивать слова и не убирать съ такимъ спраніемъ головы своей: это весьма хорошо для молодой и прекрасной Акприсы, какова Гжа Колосова, но только не для Трагедіи: я не думаю, что бы несчастная Аншигона, входя изъ спраны въ спрану отца своего, имѣла время завиваться, и увѣренъ, что она не носила на рукахъ колець.

Если бы мы не знали, что Г. Брянскій играетъ роль Полиника, то при одномъ видѣ его сказали бы: *это злодѣй!* Въ голосъ, въ лицъ, въ поспути, въ жествахъ — вездѣ ярость, вездѣ спрасъ! Онъ читаетъ прекрасно, и понялъ роль свою совершенно; жаль только, что не твердо знаетъ ее.

Что сказать о Г. Толгеновъ?—Съ какимъ хладнокровіемъ споишь онъ, когда браняшь Креона!—Онъ очень знаетъ, что говоряшь не ему. Съ какою нѣжно-спію произнесъ: *Но тивы о тебѣ не мыслятъ со вселенной!* Какъ хорошо поправляетъ стихи Озерова, напимѣрь вмѣсто: *морщины считать*, онъ говоришь *морщины гитать!* и проч.

Не будемъ говоришь о ГГ. Радинѣ, Каменогорсколѣ и брапіи!—

Что бы дашь поняшіе о Водевиль, я скажу шолько, что въ немъ играли: Гжа Ежова и Сосницкая, Г.Г. Величкинъ и Сосницкій—опличные арписшы; коихъ несравненная игра невольню увлекаетъ рукоплесканія восхищенной Публики—Гжа Монруа и Г. Боченковъ, которые въ эпошъ разъ шакже играли хорошо.

Любитель Театра.


~~~~~  
**С М Ъ С Ъ.**  
 ~~~~~

Некрологія.

23 ч. Сенпября сего 1821 года скончался здѣсь въ С. Пешербургѣ Профессоръ Французской Словесности, Коллежскій Совѣшникъ и Кавалеръ Давидъ Ивановичъ де Будри. — Онъ родился въ 1756 году въ городѣ Нейшпандтѣ (въ Швейцаріи) ошъ поселившася шамъ изъ Ипаліи Доктора Медицины и Философіи Ивапа М... а. Ученіе началъ въ Нейшпандтской Гимназіи; а въ 1768 году, переселившись съ ошцемъ своимъ въ Женеву, вспунилъ въ Гимназію сего города, гдѣ учился природному, Латинскому и Греческому языкамъ, пакже разнымъ наукамъ, кои преподаются въ Гимназіяхъ, до 1773 года. Тогда переведенъ въ шамошнюю Академію; въ оной занимался Словесными и Философскими науками, Геометрією, Физикою и преимущешвенно Теологією, кошорой былъ Кандидатомъ въ шо время, какъ вызвалъ его въ Россію (въ 1784 году) покойный Камергеръ Василій Пешровичъ Салшыковъ для воспитанія своихъ дѣшей. По окончаніи сего воспитанія, Г. Будри посвятилъ себя наспавленію юношештва въ пенсіонахъ и частныхъ домахъ. Помощь опредѣленъ Учишелемъ

Французской Словесности въ 1803 году въ Инстипиунтъ благородныхъ дѣвиць ордена Св. Екатерины, и въ 1806 году въ С. П. б. Губернскую Гимназію; а въ концѣ того же года учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи. Въ 1808 году пожалованъ чиномъ 9 го класса. Въ 1811 году произведенъ въ Профессоры 7 го класса и въ семь званіи переведенъ изъ Гимназіи въ ИМПЕРАТОРСКІЙ Царскосельскій Лицей. Въ томъ же году издавъ Французскую Грамматику съ Россійскимъ переводомъ, посвятилъ оную ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.—Въ 1814 году определенъ, для преподаванія Французской Словесности, въ Царскосельскій Благородный Пенсіонъ. Въ 1819 получилъ чинъ Коллежскаго Совѣтника.—За отличное усердіе къ службѣ удостоивался въ разное время (кромя орденовъ Св. Анны 2 го класса, котораго имѣлъ въ послѣдствіи брильяншковые знаки, и Св. Владиміра 4 й степени) особенныхъ наградъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ, состоящихъ въ золотыхъ часахъ, шабракерахъ и брильянсовыхъ перстняхъ.

Образованный умъ, благородное сердце, примѣрная кропосць нрава и добродушіе, приобрѣли покойному любовь и уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Онъ имѣлъ друзей, для которыхъ память его пребудеть навсегда драгоцѣнною.

Погребеніе сего почтеннаго мужа представляло прогашельное зрѣлище. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ Лицеѣ, сохраняя къ бывшему ихъ наставнику, и по смерти его, чувствованія уваженія и признательности, и желая оспадать послѣдній долгъ покойному, несли бременые оспашки его изъ Церкви и сопровождали до кладбища. Въ несеніи гроба участвовали и Директоръ Лицея Г. Дѣйш. Спаш. Сов. Энгельгардъ.

Н.

17 ч. Октября сего года скончался здѣсь, въ С. П. бургѣ, послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, извѣстный по своимъ отличнымъ дарованіямъ къ Поэзіи Членъ С. п. бургскаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художества *Михаилъ Васильевичъ Милоновъ*.

Онъ обучался сперва въ учрежденномъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ Благородномъ Пенсіонѣ, а послѣ того въ самомъ Университетѣ, гдѣ наконецъ произведенъ былъ въ Кандидаты. За отличные успѣхи въ Наукахъ, особенно въ *словесныхъ* (belles-lettres) получилъ многія награды и между прочими золотую медаль и *одобрительный листъ въ знакъ превосходства его предъ всѣми сверстниками.*

По окончаніи полнаго курса ученія, вступилъ въ 1809 году въ бывшее при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Главное Правленіе мануфактуръ, откуда въ 1811 году перешелъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи. Въ 1813 откомандированъ былъ къ исправленію должности Прѣвѣщаго Канцеляріи въ Комиссію для разсмотрѣнія прошеній обывателей Московской столицы и Губерніи, пошерпѣвшихъ разореніе отъ нашествія непріятели; въ 1815 уволенъ изъ Департамента Министерства Юстиціи, а въ 1819 опредѣленъ въ Провіантскій Департаментъ къ особымъ порученіямъ съ переименованіемъ изъ Титулярныхъ Совѣтниковъ въ 9 й классъ.

Самые первые опыты его въ Поэзіи показывали уже въ немъ необыкновенный и счастливейшій стихотворческій талантъ. Къ сожалѣнію, избранный имъ родъ жизни препятствовалъ ему заниматься надлежащимъ образомъ Поэзіею. Онъ писалъ стихи съ удивительною легкостью; но не имѣлъ перпѣнія ихъ обработывать. Версификація у него не вездѣ исправна: встрѣчающіяся въ стихахъ его непозволительныя перестановки словъ, неправильные и натянутые обороты, даже иногда шемныя мѣста; но за то какой благородный тонъ, ошличающій истиннаго Поэта, даже и въ то время, когда онъ гово-

ришь о вещахъ обыкновенныхъ! Какая непринужденная острота ума! Какое сильное и пламенное чувство! — Больше всего успѣлъ онъ въ Саширахъ, и вѣроятно успѣлъ бы очень много и въ другихъ родахъ Стихопворства, особенно въ Лирическомъ и Элегическомъ, если бы прожилъ долѣе и могъ безпрепятственно заниматься Поэзіею. Стихопворенія его помѣщаемы были, кромѣ извѣстнѣйшихъ Журналовъ, въ *Образцовыхъ сочиненіяхъ*, изд. Обществомъ любителей отечественной словесности, и въ *Пантеонѣ Русской Поэзіи*. Въ 1819 году напечатано (издвденіемъ здѣшняго книгопродавца Глазунова) собраніе его стихопвореній подъ заглавіемъ: *Сатиры, Посланія и другія мѣлкя стихотворенія Михайла Милонова, съ эпитафюмъ изъ Озерова: Меня переживутъ мои сердечныя чувства*. Къ сожалѣнію слишкомъ поспѣшилъ онъ симъ изданіемъ: не успѣлъ выправить всѣхъ своихъ стихопвореній и даже не помѣспилъ шупъ многихъ, копорые заслуживали бытъ напечатаны. Желательно, что бы вышло впорое дополненное изданіе его сочиненій.

Онъ началъ писать, но не кончилъ Комедію: *Опекунъ - Стихотворецъ* и Поэму: *Сотвореніе міра*. Начало сей послѣдней читалъ онъ неоднократно друзьямъ своимъ и сказывалъ, что уже окончилъ первую пѣснь; но къ сожалѣнію не нашлось послѣ него руко-

писи оной. Это самое лучшее изъ его произведеній, копорому равнаго въ семь родъ Поэзии мы у себя еще не имѣемъ.

Милоновъ имѣлъ доброе сердце, веселый и любезный нравъ. Онъ былъ душею дружескихъ бесѣдъ и плѣнялъ въ нихъ всѣхъ своимъ оригинальнѣйш, такъ сказать, остроуміемъ. Всякой, кто зналъ его коротко, любилъ, несмотря на его слабости и заблужденія, копорыя вредны были ему только одному. И какъ онъ самъ любилъ друзей своихъ!—Слѣхи сіи вѣрно вылились у него изъ сердца.

О Дружба, сердца услажденье!
 Какія въ мірѣ семь бѣды,
 Какую горестъ, иль мученье
 Не усладишь собою ны?
 Не тыль, источникъ благъ обильный,
 Крѣпишь въ борьбѣ сердца безсильны?
 Что рокъ бы намъ ни присудилъ—
 Съ побой и слабый бодръ шворился;
 Судебъ гоненья не спрашишь;
 Твой щипъ ихъ спрѣды прищупилъ!

*

И вы, копорые споль нѣжно
 Храните дружескій союзъ,
 Одно богатство здѣсь надежно,
 О наслажденья чистыхъ Музъ!
 Воспоргъ вашъ, непорочность, силу,
 Вливайте въ грудь мою унылу.
 Гоните горестъ и шоску
 Предесныхъ вашихъ струнъ игрою—

Да съ бодрой я еще душою
Пушь крашкій къ гробу прошеу.

(Къ Юности, сшран. 37 и 38.)

Въ спихошвореніи своемъ: *Договоръ со смертію*, написанномъ имъ въ 1812, или въ 1813 году, изъявлялъ онъ желаніе прожишь съ небольшимъ сорокъ лѣшь—

Мнѣ двадцашъ лѣшь—не многимъ болѣ,
Дай сполько же еще желашъ;
А шамъ въ швоей ужъ будешъ волѣ—
Но ранѣ—шяжко умирашъ!

Нѣшъ, Смершь! мнѣ жизнь еще не бремя;
Пусшь поживу на свѣшъ я;
Къ помужь у насъ военно время!
Тебѣ дѣлъ бездна безъ меня!
Лишь двадцашъ лѣшь прошу—и шочно,
Минушы болѣ ни одной,
Гошовъ я буду безошсрочно
И съ благодарною душой
Тогда швоей предамся власши,
Благословляя свой предѣлъ.—
Увы! возьмушь на равны часши
Любовь и дружба сей удѣлъ!
За шо ни одного упрека
Даю обѣшь не допусшишь,
И сколько швердосшь человекъ
Намъ дозволяешъ, швердымъ бышь;
Не возмушишь мольба, ропшанье
Мои послѣдніе часы;
Все, что узришь при разшаваньѣ:
Лишь пара словъ—и двѣ слезы!

Но Смерть не приняла сего договора: водяная болѣзнь и душевные огорченія преградили спрдаваніа несчастнаго и слабаго юноши на 29 году. Какъ рано умеръ и какъ мало насладился жизнью эпопѣя челоѣкъ!

Предъ кончиною своею пошребоваль онъ, по Христіанскому долгу, Священника. Духовный его Опець не могъ удержаться отъ слезъ, видя съ какимъ чувствомъ раскаявался онъ въ заблужденіяхъ своей юности и съ какимъ благоѣшіемъ принялъ святое причастіе. Чрезъ часъ послѣ сего скончался онъ, какъ желалъ, тихою, спокойною смертію, съ швердымъ и сладкимъ упованіемъ на милосердіе Божіе.

Нѣпъ, Смерть! ты въ радужной одеждѣ,
Какъ Ангель благосни лвись,
Вели впередъ идни *Надеждѣ*.
Сама за *Вѣру* придержишь:

(*Договоръ со Смертію*. стр. 45.)

Родственники и друзья Милонова проводили его на кладбище большой Охны, гдѣ нерѣдко провождалъ онъ цѣлые вечера и даже ночи, размышляя на могилахъ о суетности челоѣческой жизни и мечшая о своей собственной кончинѣ. Когда опустили гробъ въ землю, многіе изъ его друзей невольно вспомнили и произнесли слѣдующіе его стихи:

Въжь, други! братскими руками
По горспи машери—земли! *)

*) *Договоръ со Смертію*. стр. 45.

Милоновъ погребенъ при самомъ входѣ на кладбище, подлѣ церкви Св. Великомученика Георгія. Въ слѣдующее лѣто поставленъ будешь надъ нимъ надгробный памятникъ.

Въ день его погребенія (20 го Октября) было ординарное засѣданіе въ С. П. б. Обществѣ любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. Президентъ объявилъ о кончинѣ Милонова; извѣстіе сіе принято было со всеобщимъ сожалѣніемъ; одинъ изъ членовъ прочелъ написанную имъ въ пошъ же день для покойнаго Эпишафію; послѣ чего прочтены нѣкоторыя его стихотворенія, кои не вошли въ собраніе его сочиненій и нигдѣ еще не были напечатаны,

И.

О Хамелеонахъ.

(Изъ дневныхъ записокъ Госпожи Бельзони.)

Во время пребыванія моего въ Египтѣ я держала у себя очень много хамелеоновъ. Цѣлыя пяты мѣсяцовъ ухаживала я за ними съ величайшею заботливостію и сообщаю

здѣсь единственно мои собственныя наблюденія. Мнѣ никогда не удавалось продержашь ихъ живыми болѣе двухъ мѣсяцовъ. Эпистранныя шворенія враждующь съ ихъ собственнымъ родомъ, и если заперешь ихъ нѣсколько вмѣстѣ, то они навѣрное перекусашь одинъ другому хвосты и ноги. Всего шри рода хамелеоновъ, копорые всѣ различашься между собою цвѣтомъ. Обыкновеннѣйшій изъ нихъ имѣешь зеленый цвѣтъ, испещренный весьма приятно и правильно черными и желтыми полосками. Онъ не перемѣняешь краски; только когда живошное спашь, то зеленый цвѣтъ его дѣлаешься свѣтлѣе, и переходашь въ желтоватый, когда оно нездорово. Изъ сорока хамелеоновъ, бывшихъ у меня въ Нубиѣ, очень малое число принадлежало ко второму роду, имѣющему цвѣтъ зеленый съ желтыми пятнами. Они жили у меня довольно долго. Эшошъ прекрасный звѣрокъ часшо весьма спокойно сидѣлъ у меня на головѣ, или плечахъ. Если нѣсколько дней держала я его въ запершой комнашѣ и пошомъ выносила на свѣжій воздухъ, то замѣчала, что онъ съ большою жадностью глошалъ въ себя воздухъ. Когда я сажала его на маіоранъ, то цвѣтъ его вдругъ становился гораздо ярче. Эшо явленіе конечно не шакъ легко истолковашь. Если бы перемѣна красокъ была замѣтна въ семь

живошномъ шолько на чиспомъ воздухъ, шо можно бы было заключить, что это происходить опъ вліянія атмосферы и испаренія расшвній. Но и въ запершой комнашъ перемѣняешся цвѣшъ его каждыя десяти минуты: То бываешъ онъ весь совершенно зеленый; шо показывающся на сей краскѣ прекраснѣйшія опшѣнки. Когда его разсердишь, шо вдругъ принимаешъ онъ оовсемъ темный цвѣшъ, надуваешся какъ пузырь, и изъ прелеснѣйшаго шворенія дѣлаешся опшрашительнѣйшимъ.

Впрочемъ не подлежащъ никакому сомнѣнію, что хамелеоны чрезвычайно какъ любяшъ свѣжій воздухъ. Если посадишь ихъ на опкрытое окно, шо весьма примѣшно удовольшвіе, которое причиняешъ имъ ѣдыханіе въ себя воздуха и видно какъ цвѣшъ ихъ спановишся живѣе. Они чрезвычайно какъ раздражители и всякая малосш можешъ ихъ разсердишь. Если напримѣрѣ вздумаешъ загородишь имъ дорогу и принудишь ихъ взять другое направленіе, шо они съ упорношю остающся при прежнемъ. Они очень не любяшъ, если расшворишь передъ ними рошъ. Сей часъ надуошся, почернѣюшъ и иногда слышно даже присемъ и легкое шипѣніе.

Изъ всѣхъ хамелеоновъ, у меня бывшихъ, самый спраннѣй былъ привезенный изъ Іерусалима. Кромѣ чрезвычайно приащ-

ныхъ его манеровъ, былъ онъ удивительно уменъ. Онъ не принадлежалъ къ роду зеленыхъ, а имѣлъ грубую краску, кошорую въ печеніи двухъ мѣсяцовъ ни разу не перемѣнилъ. Въ Каирѣ бѣгалъ онъ въ моей комнатѣ на свободѣ. Часто взлѣзалъ онъ на мебели и спускался съ нихъ; иногда прятался, но всегда шакъ, что могъ меня видѣшь. Когда я входила въ комнату, то распягивался онъ на брюхѣ, и я едва могла различать его ошь вещей, на кошорыхъ онъ лежалъ. Однажды онъ совсемъ было пропалъ у меня шакъ, что несмотря на всѣ поиски я никакъ не могла найти его, и полагала навѣрное, что онъ куда нибудь ускользнулъ. Въ вечеру уже при свѣчѣ хошѣла я взять одну корзинку, какъ вдругъ примѣшила на ней ручку, кошорой прежде у нее не было. Что же? Это былъ мой хамелеонъ. Тутъ только принялъ онъ краски, какихъ я никогда на немъ не видала: онъ сдѣлался коричневымъ съ маленькими черными почками и прекрасными оранжевыми пятнами. Но какъ скоро я сняла его съ корзинки, всѣ сіи цвѣшы опять исчезли. Черезъ нѣсколько времени однакоже онъ ушелъ у меня совсемъ. Хошя прежде купила я его и за совершенную бездѣлицу, за шесць су, но охотно бы дала за него двадцать шалеровъ пому, что бы мнѣ опять принесъ его.

Послѣ, когда я жила въ Розешпѣ, было у меня болѣе пятидесяти сихъ живошныхъ, но они всѣ были зеленые съ желпыми и черными полосами и повреждены Арабами, копорые ихъ ловили. Недѣль въ шесть они всѣ у меня умерли. Несмотря на то хамелеоны бывающъ очень живущи. Я велѣла сдѣлать себѣ двѣ большія клѣшки со многими отдѣленіями, что бы привезши въ нихъ хамелеоновъ въ Англию. Но Арабы, копорые меня ими снабжали, при ловлѣ ихъ вмѣстѣ шого, что бы брать ихъ за хвостъ, хващали за шѣло, а если сіе послѣднее у нихъ повреждено, то они никогда уже не живущъ болѣе, двухъ мѣсяцовъ. Ночью, когда они спали весьма легко можно было замѣшши у нихъ поврежденные мѣсца, копорые были всегда черны, между шемъ какъ все прочее шѣло имѣло яркій цвѣтъ.

Главная пища хамелеона состоишъ въ мухахъ, копорыя однако же не умирающъ шощасъ послѣ шого, когда бывающъ проглочены, но еще хошяшъ лепашъ во вдыхаемомъ симъ живошнымъ воздухѣ: даже рукою можно чувшвовашъ движенія ихъ въ желудкѣ хамелеона. Когда сей послѣдній хочешъ прыгнушъ съ какой нибудь значительной вышины на землю, то прежде чрезвычайно надуваешся. При скачкахъ сихъ онъ ни мало не повреждаешъ своего шѣла, развѣ и-

когда поранишь себя немного рыльцо. Онъ можешь пробыть при, и даже чешыре дни, безъ пищи, но за шо послѣ пьешь уже цѣлые полчаса. Я часто держивала хамелеоновъ на рукѣ въ шо время, когда они пили изъ спакана. Въ эшомъ случаѣ всегда спояпъ они прямо и поднимающъ голову, какъ пщицы. Языкъ свой могущъ они высовывашъ въ длину всего своего шѣла. Какъ скоро поймающъ они муху, языкъ уходитъ опяшь внутрь, какъ пружинка.

Одинъ Профессоръ Естественной Истори, съ кошорымъ я видѣлась въ Ипаліи, разрѣзывалъ двухъ хамелеоновъ, присланныхъ ему съ Варварійскихъ береговъ и скоро по ихъ прибытіи умершихъ. Онъ уѣрещъ—и въ скоромъ времени хочешъ издашь въ свѣшъ евоѣ о шомъ разсужденіе—чшо перемѣна цвѣща въ хамелеонѣ происходитъ опъ чешырехъ шоцкихъ кожиць, кошорыми покрышо его шѣло. Какая бы ни была причина сего чуднаго явленія, мнѣ кажешся навѣрное, чшо краски хамелеона различны и независимы другъ опъ друга, равно какъ и опъ самаго живошпаго. Я бы могла сообщитъ здѣсь и еще кой—какіе изъ сдѣланныхъ мною надъ ними наблюденій, но оспавляю эшо, ибо сама не умѣю ихъ изъяснитъ.

(Изъ Miscellen aus der neuesten auslaendischen Literatur.)

Юл—инѣ.

Шарады .

1.

Начальное мое въ Грамматикиѣ ищипе—
 Имъ пакже начинающъ счепъ;
 Въ *другоежъ* ночью не ходипе:
Талибъ страшный *мухоморбъ* растетб
 И *лѣшій* обольстителъ бродитб;
 А *цѣлое* мое на крипику походитбъ .

А... а Ч... а.

2.

Мое *назало* домикъ шѣсной—
 Но всякъ его невольню посѣпишъ;
Второе—городокъ въ Ишалии прелеспной
 На берегу морскомъ снѣишъ;
 А *цѣлое*—Радклифъ романъ извѣспной,
 Опъ коего чипашель спипъ.

3.

Въ спаканѣ видя дно, я *первое* скажу;
Второе въ азбукѣ вамъ шопчасъ покажу;
 А *цѣлыибъ* въ жаръ цвѣшы мгновенно освѣжу.

Иванб Мухинб.

4.

Начальное мое естъ рыба—царь морей;
Второе поже царь—лѣнивѣйшихъ звѣрей;
 А въ *цѣлолѣ* не бывалъ шворецъ шарады сей.

Кондратій Шелейковскій.

Изъ напечатанныхъ въ XVI N^o Омони-
 мовъ первый значишь: *бубны*, а второй *по-*
кой. Шарады: 1) *Бал-Лада*, 2) *Опера-Горб*, 3)
у-хватѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ XVII и XVIII № БЛАГОНАМЪРЕННАГО.

Г. И. Д. издалъ для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона *Натальныя основанія Логики* (Москва. Въ Унив. шип. 1821. въ 8. 149 стр.) съ эпиграфомъ: *Philosophia vitae humanae perfectio pes pro mortis meditatio*. На сей разъ мы довольствуемся шолько извѣщеніемъ нашихъ читателей о появленіи сей книги, но въ послѣдствіи времени сообщимъ разсмотрѣніе оной, кошорое намъ доставишь обѣщали.

Notions préliminaires de Géographie (Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semén. M. DCCCLXXI. gr. 8. pag. 135 et 47. et quelques tableaux.) Подъ симъ названіемъ изданъ въ свѣсъ крашкій Географическій словарь, кошорый съ пользою можешь бышь упошребляемъ дѣшми.

Русскаго перевода *Велисарія* (сочиненіе Гжи Жанлисъ) вышло *второе исправленное изданіе* (Москва. Въ шип. С. Селивановскаго. 1821. въ 8. Ч. I. стр. 119. Ч. II. стр. 118), кошорое шребуешь еще многихъ, весьма многихъ исправленій.

Въ Москвѣ, въ типографіи П. Кузнецова, ошпечашаны *Отборнѣйшія Эзоповы басни съ 34 карпинами*, издаваемыя М. Маклаковымъ. Какъ переводъ басень, шакъ и гравировка фигуръ, слишкомъ посредшвенны. Къ шому же, по неизъяснимой спрранности, нѣкопорыя изъ фигуръ вовсе не соошвѣшшшвуюшъ приложеннымъ описаніямъ.

Сверхъ шого для дѣшей вышли еще слѣдующія книги:

Дѣтскіе разговоры. Въ двухъ частяхъ. (С. П. бургъ. Въ шип. І. Іоаннесова. 1821. въ 8. спр. 125). Сія книжка, научающая и спинному благочесшію, писана особенно для юнаго возраста прелестнаго пола и можешъ бышъ съ пользою имъ упошребляема.

Натуральный кабинетъ для дѣтей, или краткое обзорѣніе Натуральной Исторіи. Сот. Гжи. Дюфренца. Съ гравированными картинами. Переводъ съ Французскаго (М. Въ шип. Августа Семена. 1821. въ 18. VI. и 324) Переводъ весьма плохъ. Фигуры нѣкопорыя выгравированы недурно, другія же нехороши.

Для Медиковъ упомянемъ о слѣдующихъ вновь вышедшихъ книгахъ:

1. О употребленіи въ сухолюб видѣ каліфоры, при лѣченіи всякаго рода ранъ, флюсовъ, глазныхъ болѣзней и салаго рака, вѣсто при-
нятыхъ издавна въ обыкновение въ таколюб слѣ-
таѣ прилиотекъ. Сочиненіе Гролиншцаго. (М. Въ
шип. Рѣшешниковъ. 1821. въ 8. стр. 47.)

2. Прилиотаніе съ дополненіемъ къ наукѣ
о вывихахъ костей, сочиненное Хирургіи нѣкогда
Профессоромъ Павломъ Шумлянскимъ.
(М. Въ Унив. шип. 1821. въ 8. 40 стр.)

3. Медико-Физическій Журналъ, или труды
Высочайше утвержденнаго при Московскомъ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Общества
соревнованія врачебныхъ и физическыхъ наукъ.
(М. Въ Унив. ш. 1821. въ 8. Ч. II. стр. II
и 323. Ч. III. стр. 295.)

Г. Аллеръ издалъ для Россійскаго юно-
шества Нѣмецкую Хреспомашію, подъ назва-
ніемъ: *Beispielsammlung in allen Arten des pro-
saischen und poetischen Styls, zur Erlernung der
deutschen Sprache und ihrer Literatur* (Moskwa.
Gedruckt in der Univ. Druckerey. 1821. in 8. S.
444.) Рекомендуемъ сію книгу, какъ весьма
полезную для обучающихся Нѣмецкому языку.

Сочиненіе почтеннаго и извѣстнаго пи-
сателя нашего Ив. Ив. Маршнова, о бошо-

ромъ мы объявили уже въ Прибавленіи къ III N^o нашего Журнала: *Три Ботаника, или сокращеніе системъ Турнефорта, Линнея и Жюсье*, оппечатоано (С. П. б. въ шип. Департи. Народ. Просв. 1821. въ 8. спр. II и 232.) и посшупила въ продажу. Съ особеннымъ удовольствіемъ спшшимъ увѣдомишь всѣхъ любителей Ботаники о появленіи сей полезной книги.

Новая Атлантида; сочиненіе Франциска Бакона, Англинскаго Канцлера; переводъ съ Французскаго. (Москва. Въ шип. Гжи Божуковой. 1821. въ 12. спр. 188.) Переводъ недурень.

Суворовъ, Лиритеская поема. Александра Степанова. (Москва. 1821. Въ Унив. шип. въ 8. спр. 228). Сочинишель говоритъ въ своемъ предувѣдомленіи: „Герой, котораго пѣлъ я въ цвѣтущіе дни молодосши моей, неподражаемъ въ образѣ своего дѣйствованія. Вотъ первая и главнѣйшая причина того, что бы не слѣдовало мнѣ приниматься за лиру; ибо къ чему воспѣвашь, что не можешъ служишь примѣромъ? (Мы еще не видилъ откуда происходитъ это слѣдствие.)—Мысль превосходная! Но къ сожалѣнію (признаемся откровенно, что и мы неразъ о томъ жалѣли), пришла ко мнѣ по окончаніи моихъ прудовъ. Если однако же правило — то надежнѣйшій

успѣхъ полководца зависитъ отъ искусства обладать сердцами воиновъ—можетъ быть принято за общее; но я основываю на немъ басню своего (!) сочиненія. (*Прекрасная Логика!*) Я облакаю ее происшествіемъ, въ которомъ царства спрдающе ошъ буйства жестокихъ пришъснишелей (*гасъ отъ гасу лучше!*) Я полагаю единство въ быспрой дѣяшельности душевныхъ способностей Героя, котораго выбираю къ спасенію угнетенныхъ царствъ (!); *Поприщелъ* славы будущъ прекрасныя долины Ипаліи; имя Героя — Суворовъ. *Нравы* дѣйствующихъ лицъ приличные, сходные, одинаковые (*Г. Сотинитель ни чуть себя не хвалитъ*); чувствованіе самаго Героя благоговѣнное къ добродѣтели и Божеству, безъ котораго совершеннѣйшій Герой не въ силахъ достигнуть своихъ преднамѣреній. *Эпизоды* извлекаются изъ самаго сочиненія и соединяются съ нимъ непримѣшнымъ образомъ. (*Какая скромность!*) Чудесное извлечено изъ невидимой религіозной напугры. *Предѣлы дѣйствія* не далѣе чешырехъ мѣсяцевъ. *Граница* самаго чшенія не болѣе одного дня. (*Надобно слишкомъ усердно титать, чтобъ протестъ въ одинъ день около 15 петатныхъ листовъ и притомъ такихъ стиховъ!*) Словомъ, въ произведеніи моемъ, кажешся, все сообразно съ правилами Поемы. Истинное происшествіе не уничтожаетъ си-

лу вымысла; однакоже—это не Поэма эпическая.“ (Какая откровенность!) Далѣе Г Сочинишель объявляетъ чипапелю: „Все мое желаніе состояло въ томъ, чшобъ Суворовъ своими спранностями и величіемъ опсвѣчивался во мнѣ, какъ въ пѣвцѣ своемъ.“ (Признаемъ въ своемъ неспѣшествѣ: мы не понимаемъ, какимъ образомъ думалъ онъ достигъ до сего.)

Теперь бросимъ взглядъ на самую Поэму. Возьмемъ для сего съ самаго начала оной, описаніе прибытія Суворова къ Арміи.

“Зима снѣгами ушла
 Для воиновъ полныхъ пухъ,
 Орлины крылья опушала
 И въ искрахъ сыпалась на грудь;
 Но въ зелень облеклась дубрава,—
 Срываетъ льдистыя цѣпи Драва,
 Журчатъ съ береговъ ручьи въ нее;
 Весенни облака, свое
 Владычество распроспраня
 Надъ высохами горъ крупныхъ,
 Разсыпались въ водахъ на нихъ;
 Кругомъ просперлась мгла сѣдая;
 Идетъ въ молчаньи рашный спрой ...
 Внезапно вихрями несомы
 Трикрашно пробѣжали громы,
 Явился сѣверный Герой.
 Къ нему лешашъ и слухъ и взоры:
 Хвала тебѣ нашъ Вождь! опецъ!

И Драва и Кориншски горы
 Сей повшоряюшь кликъ сердець.
 Дождливымъ небесамъ отккрытый,
 Онъ въ шлемъ легкомъ и проспомъ,
 Плащемъ лазоревымъ обвишый,
 Явился на конѣ гнѣдомъ.
 Конь шпихой иногда спопою,
 Играя удилами, шель;
 То вдругъ Башкирскою спрѣлоу
 Въ спокойной плавности лешѣль.
 Непоразительная важность
 Видна въ Суворовѣ была;
 Въ осанкѣ силу и отважность
 Ему природа не дала.
 Румянцовъ ликъ являлъ Героя
 Въ объясняхъ мира и средь боя,
 Рожденъ былъ, мнишся, для шого,
 Чшобъ все въ немъ славой пора жало;
 Но все величешво его,
 Въ очахъ Суворова сіяло;
 И шо, чшо съ важностью другой,
 Прилично сану, производишь,
 Суворовъ дѣлаешъ игрой
 И шупкой шысячи предводишь.
 Онъ могъ великихъ образцемъ
 Имѣшь и въ жизни и въ дѣяньяхъ;
 Но неприсшупенъ въ подражаньяхъ,
 Единшшвенъ вѣчно онъ во всемъ!
 Лешишь —

„Опець нашъ!“ повпорили войски,
 „Веди скорѣй насъ въ грозну брань!“
 Тогда подъявъ дрожашу длань,
 Махнулъ, какъ будто бы геройски
 Однимъ ударомъ поразилъ
 Главы иноплеменныхъ силъ,
 И вдругъ помчался съ быспрошою,
 Какъ съ другомъ опышнымъ своимъ.
 Богашыри во слѣдъ за нимъ.
 И горы подъ его спшою
 Разгнули сводъ своихъ вершинъ,
 Какъ ровный долъ разироспрантились,
 Проспранспва сблизилась долинъ;
 Спихи и, мнишся, подчинились,
 Облечься въ красошу спѣшашъ:
 Чшишь солнца лучъ его ушпавы,
 Поля Венеціи горяшь,
 Ошверзлися враша для славы.“

Но довольно! можешъ бышь, еспь въ
 эшой Поэмѣ и лучшіе мѣспа; но мы, при-
 знаемся ошккровенно, не чипали ее далѣе. —
 —Мы имѣемъ *Суворовду*, имѣемъ шеперь и
 Лирическую Поему: *Суворорѣ*; но не можемъ
 ли сказашь о пѣвцахъ Суворова шоже, чшо
 и о пѣвцахъ ПЕТРА?—

У насъ передъ глазами 2, 3 4. №⁹ вшпорой
 частии *Новаго Магазина Естественной Исторіи*
Физики, Химіи и свѣдений Экономическихъ, из-

даваемого въ Москвѣ Г. Двигубскимъ. Въ нихъ помѣщены при весьма любопытныя списки: *О ростѣ, о голосѣ, животныхъ, и о популярно — атомической теоріи Хилли*, на копорыя мы желаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Последняя піеса сочиненія молодого путешественника *Доктора Павлова*, о которомъ такъ много писали въ иностранныхъ журналахъ, и копорый и нашей Публикѣ извѣстенъ уже по описанію путешествія своего въ Шамуни, помѣщенному въ послѣднихъ № *Журнала Департамента Народнаго Просвѣщенія*.—Изъ экономическихъ свѣдѣній выпишемъ для нашихъ читателей слѣдующее замѣчаніе. „Кшо хочешъ имѣть хорошія дыни, шому не надобно садить ихъ близь огурцовъ; ибо извѣдано многими опытами, что сѣменная пыль огуречныхъ цвѣтовъ, падая на зародыши дынные, измѣняетъ ихъ качества. Тоже самое примѣчено и въ разсужденіи арбузовъ, если вблизи ихъ распусть тыквы. Тыквы дѣлаются иногда чрезъ шаковое сосѣдство лучшими, но арбузы теряютъ свой сладкой вкусъ и спановяются водянистыми.“

2 № *Земледѣльческаго Журнала*, издаваемого Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, вышелъ. Въ немъ помѣщены слѣдующія списки: *О прежде-*

бывшихъ въ селѣ Измайловѣ Царскихъ хозяйственныхъ заведенійхъ, А. Малиновскаго; о способѣ чужья сельскому хозяйству, М. Павлова, о копоромъ мы говорили выше; правила, на коихъ основывается паханье земли, Кн. С... Г.... на; посланіе Калужскаго полиціика къ главному Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства; дѣйствительныя средства къ истребленію вредныхъ ананасамъ насѣкомыхъ, Нерехтинскаго; особенный, по новѣйшимъ правиламъ наблюдаемый, присмотръ за ананасными растеніями, для произведенія трезвѣтано крупныхъ и необыкновенно раннихъ плодовъ, егоже; о размноженіи скотоводства, Н-я П — скаго; опытъ о лѣченіи рогатаго скота отъ болѣзни, слушающейся на языкѣ, А. И. Беклемишевъ; несгораемая крыша для крестьянскихъ избъ и протихъ экономическихъ строеній, А. М. Мясотина; извѣстіе о весьма необыкновенномъ осушеніи болота въ ильнѣи К. И.—И. Барятинскаго; объ обрядѣ, совершаемомъ при паханіи земли Китайскимъ Императоромъ; дѣйствіе еретики надъ Животными; переписка.

Извѣстный нашъ Воинъ — Поэтъ Д. И. Давыдовъ издалъ Опытъ Теоріи партизанскаго дѣйствія (Москва. Въ шип. С. Селивановскаго. 1821. въ 8. стр. XV и 196. съ 4 чертежами). Опытность Сочинителя въ изла-

гаемомъ имъ дѣлѣ ручаешься за достоинство его шворенія. Впрочемъ мы не беремъ на себя судить о немъ, а приведемъ здѣсь собственное предисловіе Автора. „Занимавшись словесностію на конѣ и въ куреняхъ солдашскихъ, я чувствую, сколь необходимы для меня совѣты писателей. Вижу также, что многіе изъ предложеній моихъ пребудутъ и дополненія и развитія, а можетъ быть и совершеннаго исключенія. Намѣреніе мое было воспользоваться наставленіями какъ писателей, такъ и ученыхъ военныхъ людей прежде, нежели выдашь въ свѣтъ сей плодъ боевой моей жизни; но обстоятельство прошедшихъ мѣсяцовъ понудили меня поспѣшишь печатаніемъ сочиненія сего, въ надеждѣ, что при всѣхъ недоспѣшкахъ онаго, въ немъ найдется еще довольно добраго, что бы принесши пользу начинающимъ.—Я съ чувствительнѣйшею благодарностію приму всякаго рода замѣчанія на книгу мою, и просѣщаясь крипикою, постараюсь исправить погрѣшности мои во впоромъ шисненія.“

Въ заключеніе упомянемъ о вновь оппечатанной книгѣ: *Анекдоты или веселья похождения старинныхъ Пошехонцовъ. Изданіе новое, поправленное, съ прибавленіемъ повѣстей о Щукѣ и о походѣ на Медвѣдя и съ присо-*

вокупленіемъ забавнаго еловаря. Сочиненіе В. Березайскаго. Съ эпиграфомъ: *Ridendo dicere verum quid vetat?* ш. е. *Смѣясь правду говорить, что наибъ можетъ воспретить?* (С. П. Б. Въ шип. Деп. Внѣшней торговли. 1821. въ 8. стр. 180 и Въ шип. Карла Крайя. стр. 23). Нужно ли къ сему еще что нибудь присокупить?

Гг. подписавшіеся на *Военную Исторію походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи* благоволяшъ присылашъ за прѣпымъ помомъ сего сочиненія, копорый уже оппечашанъ. Генеральная же Карша на 8 лиспахъ, принадлежащая къ сему шому, находшся въ гравировкѣ и готшва будешъ въ началѣ слѣдующаго 1822 года.

Сія *Военная Исторія* заключаешъ въ себѣ вѣрнѣйшее и правдивѣйшее повѣспвованіе о всѣхъ достопамятныхъ происшеспвіяхъ, ознаменовавшихъ XVIII столѣпіе. Сочиншель, ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Флигель-Адьюшаншъ, Полковникъ *Бутурлинъ*, спарался почерпашъ свѣденія въ досповѣрнѣйшихъ и понынѣ еще неизвѣспныхъ испочникахъ. Испорія каждой войны предшеспвуешся крапкимъ обозрѣніемъ Политическаго положенія Европы предъ началомъ военныхъ дѣйспвій, особенно въ опшошеніи къ воюющимъ Державамъ. За описа-

ніемъ каждаго похода слѣдующъ краткіе военныя примѣчанія, въ коихъ всѣ происшествія онаго разсмащриваются по истиннымъ правиламъ военной науки. Во введеніи изображено начало и поспешенное возрастаніе могущества Россіи, со времени освобожденія ея отъ ига Ташарскаго, до войны ПЕТРА ВЕЛИКАГО со Шведами.

Что бы сдѣлать сочиненіе сіе болѣе занимательнымъ, въ концѣ каждой войны приложены будутъ оффиціальныя бумаги, большею частію извлеченныя изъ Архива Государственнаго Иностраннаго Коллегіи, такъ что книга сія представитъ не только подвиги и поспешенное усовершенствованіе Россійской Арміи, но и вѣрное изображеніе Політики Россійскаго Двора въ теченіи XVIII столѣтія.

Первая часть сей Исторіи, нынѣ изданная, составляетъ четыре тома, изъ коихъ три въ 8 ку и въ оныхъ слишкомъ 1800 страницъ, а четвертый томъ въ 4 ку, съ картами и планами, принадлежащими къ первымъ.

Сія первая часть содержитъ въ себѣ походы ПЕТРА ВЕЛИКАГО противу Шведовъ и Турокъ съ 1700 по 1721 годъ, до заключенія Нишадскаго мира. Въ первыхъ двухъ томахъ помѣщено самое описаніе сихъ походовъ, а въ третьемъ томѣ мирныя Трактаты.

шапы, Капитуляціи и другіе любопытныя документы, служащіе къ поясненію происшествій, описанныхъ въ первыхъ двухъ томахъ.

Четвертый томъ содержишь въ себѣ Генеральную Карту пешра войны въ Россіи, Шведскихъ владѣніяхъ, Польшѣ, Германіи и Молдавіи, на 6 большихъ листахъ, съ двумя дополненіями, и 14 плановъ сраженій и осадъ, сочиненныхъ Свисти ЕРО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по Кварширмейстерской части Генераль-Маіоромъ *Хатовымъ* въ большемъ масштабѣ и съ большими подробностями и выравированныхъ со шщаніемъ. Для бѣльшей вѣрности нарочно посылаемы были Офицеры Генеральнаго Штаба снимають вновь мѣста, на коихъ сраженія сіи происходили; а на Генеральной Картѣ показаны всѣ мѣста, упоминаемые въ Исторіи и марши Шведскихъ войскъ, бывшихъ подъ личнымъ предводительствомъ Короля *Карла XII*.

Цѣна за всѣ четыре тома на лучшей бѣлой бумагѣ 50 руб.; а съ раскрашенными планами 65 руб. асс. Книга сія продается въ Военно - Топографическомъ Депо, въ домѣ Главнаго Штаба ЕРО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ежедневно ошъ 10 часовъ утра до шрехъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Словарь Древней и Новой Поэзии, составленный *Николаемъ Остолоповымъ*, Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ.—Въ прехъ томахъ.

Книга сія—одобренная Ученымъ Комитетомъ при Главномъ Правленіи Училищъ и Императорскою Россійскою Академіею — не есть одно простое объясненіе словъ техническихъ, какъ по бываетъ въ обыкновенныхъ Словаряхъ, или Лексиконахъ: она показываетъ происхожденіе, правила и свойства каждаго рода Поэзіи, и можетъ быть почтена пространнѣйшимъ систематическимъ, расположеннымъ по азбучному порядку, извлеченіемъ изъ всего, что писано лучшаго по сему предмету на древнихъ и новыхъ иностранныхъ языкахъ, равно и на Россійскомъ. Сочинитель присовокуплялъ къ тому, гдѣ потребно было, собственные свои разсужденія, особенно по части Отечественнаго Спихворства.

Помѣщены также всѣ Риторическія шроты и фигуры, какъ украшенія, принадлежащія и Прозѣ и Спихамъ. При описаніи же происхожденія главнѣйшихъ отраслей Поэзіи показаны прославившіеся въ оныхъ писатели съ означеніемъ времени ихъ существованія.

Словомъ, всѣ средства употреблены къ тому, что бы учащихъ и учащихся Поэзіи

избавить отъ чпснїя множества писанныхъ о Пїишическомъ искусствѣ книгъ, копорыхъ не всегда оыскашь можно, или по крайней мѣрѣ на собираніе копорыхъ пощребно весьма значительное иждивеніе.

Сверхъ того всѣ правила объяснены избранными примѣрами, что можетъ послужить для всякаго, даже неупражняющагося въ Липпературѣ, приятнымъ времяпровожденіемъ. Между примѣрами есть шакіе, копорые нигдѣ напечатаны не были. Спашьи относящїяся до спихошворческихъ игръ, или сочиненій для забавы, могутъ почесться совершенно новыми.

Словарь состоитъ изъ трехъ частей или шомовъ. При каждой части помѣщено Оглавленіе содержащихся въ оной спашей; при концѣ третьей прилагается Методическая Таблица, показывающая по порядку полный курсъ Поэзіи, со всѣми къ тому принадлежностями.

Различныхъ спашей въ Словарѣ найдется болѣе чепырехъ сотъ. — Не излишнимъ почищается шакже сказать для особъ, выписывающихъ книги изъ другихъ городовъ по *Объявленїямъ*, что сія книга содержитъ около ста печатныхъ листовъ.

Продается въ С. Петербургѣ въ книжной лавкѣ Департамента Народнаго Просвѣщенїя, состоящей у Чернышева моста въ

переулкѣ того же названія, въ казенномъ домѣ—и у самаго Сочинителя, Спашскаго Сов. Ник. Федор. Осполопова, живущаго на Фонтанкѣ у Симеоновскаго моста, въ домѣ Тайнаго Совѣтника Ходнева—также у Издашеля Журнала: *Благонадѣренный*. Книгопродавцы, которые будутъ продавать сію книгу, имѣють объявлять о томъ особо.

Цѣна за при томъ въ бумажномъ переплетѣ на лучшей Любской бумагѣ 35 р. на веленовой 50 руб. ассигнаціями. Въ пользу всякаго рода учебныхъ заведеній уступается по 5 р. ошъ каждаго экземпляра.

Иногородныя Особы благоволяють адресовать свои прѣбванія въ вышеозначенную *Книжную лавку Департамента Народнаго просвѣщенія*, или на имя Сочинителя, предлагая на пересылку вѣсовыхъ денегъ за пять фуншовъ. Управляющіе Учебнымъ заведеніями могутъ получать книги ошъ Сочинителя, утверждая прѣбванія собственноручнымъ подписаніемъ. Попрѣбующимъ значительное количество экземпляровъ сдѣлана будетъ уступка.

Объявленія о Журналахъ на буду-
щій 1822 годѣ.

1.

Журналъ ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества, издаваемый Комитетомъ его по ученой части, будетъ продолжаться и въ печеніи 1822 года.

Въ составъ онаго входящъ слѣдующія статьи:

1. Распоряженія и опчеты ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества.

2. Извѣстія о благошворительныхъ заведеніяхъ опчественныхъ и иноземныхъ, съ показаніемъ успѣховъ оныхъ.

3. Извѣстія о сочиненіяхъ, содержащихъ какой либо предметъ, къ дѣйствіямъ Человѣколюбиваго Общества относящійся; описаніе способовъ и орудій, полезныхъ для спасенія людей, для употребленія въ домахъ трудолюбія и для занятія бѣдныхъ, считающихся неспособными къ работѣ.

4. Жизнеописанія благошворителей человека, оставившихъ по себѣ память какимъ либо полезнымъ заведеніемъ, или опрытиемъ.

5. Нравственные наставленія и разсужденія.

6. Извѣщенія о пожертвованіяхъ въ пользу Человѣколюбивыхъ заведеній, имена благошворителей и особъ, подписавшихся на получение сего изданія.

Комишешъ продолжая выписывать и на слѣдующій годъ иностранные періодическіе сочиненія, постараеться, извлеченіями изъ оныхъ, сдѣлать Журналъ сей сколь возможно занимательнымъ.

Комишешъ просишь какъ Гг. Членовъ своихъ Корреспондентовъ, такъ и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества участвовашь въ его трудахъ доставленіемъ своихъ сочиненій и переводовъ. Всѣ таковыя спашьи будущъ приняты съ благодарностію, и по мѣрѣ соотвѣтствія предположенной цѣли, помѣщаемы въ семь изданій.

Каждый мѣсяць выходитъ одна книжка; при таковыхъ книжки соспавляющъ часть.

Цѣна сему Журналу здѣсь въ С. П. бургѣ 25 р., а съ доставленіемъ онаго во всѣ мѣста Россіи, за годовое изданіе 30, а за полугодовое 15 руб. Но какъ доходъ отъ Журнала назначается въ пользу бѣдныхъ; по благошворительнымъ особамъ предоспавляется двосиль и болѣе означенной суммы.

Подписка здѣсь въ С. П. бургѣ, принимается въ помянутомъ Комишешѣ, состоящемъ въ Малой Морской въ домѣ Аспегрена

№ 102; у книгопродавцевъ: Сепъ-Флорана и Сленина, также у Свѣшникова и Глазунова, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ. Прочія же многогородныя особы благоволяшь ошноситься въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

2.

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ и БЛАГОТВОРЕНІЯ, издаваемый съ 1818 года **ВЫСОЧАЙШЕ** ушвержденнымъ Вольнымъ Общесшвомъ Любиселей Россійской Словесности, продолжасься будетъ и въ слѣдующемъ 1822 году.

Для сосшавленія сего Журнала предназначены на будущій годъ слѣдующіе *четыре отдѣленія*:

I. НАУКИ. Въ семъ отдѣленіи будутъ помѣщаемы: изслѣдованія, касающіеся до Древней и Новой Испоріи, а въ особенноти до Россійской; Археологическія разысканія; Статистическіе отрывки о разныхъ предметахъ въ Европейскихъ Государсшвахъ; Философическіе мнѣнія и разсужденія о любопытнѣйшихъ предметахъ Естесшвенной Испоріи, Физики и Химіи.

II. КРИТИКА. Сіе отдѣленіе предназначается для разбора, по теоріи вкуса, *лучшихъ* сочиниселей, какъ отечесшвенныхъ, такъ и иностранныхъ; произведеній оплич-

ныхъ художниковъ и вообще всего того, что можетъ быть предметомъ вкуса.

III. ЛИТЕРАТУРА. Здѣсь будутъ двѣ части.

A. *Проза* — Любопытныя Записки путешественниковъ; Біографіи знаменитыхъ людей; каршинныя описанія разныхъ предметовъ; нравственные повѣсти; опытки изъ классическихъ Романовъ и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

B. *Стихотворенія* — опытки изъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и разнаго рода поэтическихъ произведенія.

IV. СМѢСЬ. Въ семъ отдѣленіи будутъ помещаемы краткіе извѣстія объ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ; о вновь выходящихъ книгахъ, которыя особенное на себя должны обратить вниманіе; Некрологіи; Записки Общества, и проч.

Каждый мѣсяць выйдеть книжка, содержащая отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, которую Г.Г. Подписавшіеся здѣсь въ С. Петербургѣ непременно будутъ получать въ началѣ мѣсяца, а именно: въ *первый Понедѣльникъ послѣ 1 числа*. Три книжки составяють Часть.

Цѣна годовому изданію 25 рублей, а съ доставленіемъ на домъ и съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 30 рублей; на полгода же 15, а съ доставленіемъ 18 р.

Но какъ вырученныя изданіемъ симъ деньги назначаются на пособіе *неимущимъ чуждымъ и чуждымъ*, по желающіе содѣйствовать сей благошворительной цѣли, могутъ вносить за экземпляръ и болѣе означенной суммы.

Имена Подписавшихся и Благотворителей припечатываются при каждой Части.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ — въ домѣ Собраній Общества подъ № 254, 3 Адмиральшейской части 4 квартала, на Вознесенскомъ проспектѣ; также въ книжномъ магазинѣ Коммисіонера Общества И. В. Сленина и въ Библиотекѣ для чтенія В.-А. Плавильщикова.

Иногородныя особы могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Желающіе получить Журналь сей за 1818, 1819, 1820 и 1821 годы, съ платою означенной суммы, могутъ относиться прямо въ Общество, или въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію.

Хотя исправность пересылки *Соревнователя* зависитъ единственно отъ Газетной Экспедиціи; но Общество проситъ ГГ. Подписавшихся, въ случаѣ неполученія ими книжекъ Журнала, относиться прямо въ сіе Словіе, кошорое не приминетъ удовлетворить ихъ въ справедливыхъ требованіяхъ.

Россія, разнообразная климатомъ, обитателями и произведениями, во многихъ опношеніяхъ единственными на земномъ шарѣ; богатая классическими древностями, мало еще описанными; подвигами геройства и добродѣтели, нерѣдко забытыми, или неуваженными; учрежденіями, безпрестанно вводимыми для распространенія просвѣщенія и п. п. — открываетъ повидимому обширное поле, легкой способъ къ составленію опечесственныхъ Лѣтописей. Но собранія оныхъ, по чрезвычайному пространству Имперіи, по малочисленности наблюдателей и по множеству другихъ причинъ—крайне затруднительно. Издапель *Отечественныхъ Записокъ* вооружается всѣми средствами и усиліями къ преодолѣнію сихъ препонъ: онъ ежегодно посвящаетъ два и болѣе мѣсяцевъ поѣздкамъ во внутренніе Губерніи Государства, для собранія опечесственныхъ матеріаловъ *). Онъ завелъ исправные сношенія въ опдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи и не щадитъ никакихъ издержекъ и трудовъ для полученія

*) Нынѣшній годъ осмошрѣлъ онъ достопамятные окрестности Москвы, въ шомъ числѣ Бородинской поле, Тарушинскій лагерь, и проч.

любопытныхъ по всѣмъ часпямъ свѣденій. Къ шомужь признается онъ, что откажавъ въ Журналъ своемъ мѣсто для Поэзіи, Полирики и переводовъ—онъ очень затруднялся на счетъ соблюденія въ запискахъ своихъ, (однѣми опечесшвенными спашьями), шого разнообразія, шой занимащельности и заманчивости, кои нравятся въ Журналахъ и привлекають Читайшелей.

Усугубляющееся лесшное поощреніе почтеннѣйшей Публики къ шудамъ его зашпавляеть надѣяшся, что онъ сколько нибудь успѣлъ въ шомъ и другомъ, что оные ей приашиѣ; а пошому и рѣшазется онъ продолжашъ изданіе *Отетественныхъ Записокъ* и на слѣдующій 1822 годъ.

Планъ Журнала ошашается шомъ же: ш. е. одно отетественное, оригинальное будеть въ немъ помѣщаемо и сосшощъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) Журналы многихъ, доселѣ неизвѣстныхъ Русскихъ путешештвенниковъ по Россіи, Бухаріи, Кавказу, Киргизской степи и чужимъ краямъ. 2) Записки опличныхъ Воиновъ — Липшерашоровъ. 3) Наблюденія Издашеля о Москвѣ, Кіевѣ, Владимірѣ и о другихъ классическихъ опечесшвенныхъ городахъ и мѣспяхъ. 4) Жизнеописанія знаменитыхъ Россіянъ и досшопныхъ извѣстности Гражданъ и Художниковъ. 5) С. Пешербургскія современныя лѣ-

пописи. 6) Разборъ новыхъ и любопытныхъ произведеній Словесности и Наукъ. 7) Описаніе Сибирскихъ рудниковъ и заводовъ. 8) Опечесшвенные открытія и Историческіе разысканія. 9) Смѣсь, какъ по: переписка, Русскіе анекдоты, и проч. Многія почтенныя особы, занимающіяся опечесшвенною Исторіею и Словесностію, обѣщали украшать сіе изданіе своими трудами; прочихъ же покорнѣйше къ тому приглашаю, увѣряя въ истинной моей и всѣхъ соотечесшвенниковъ благодарности.

Каждая часть, коихъ сославишся въ годъ 4, будетъ украшена видомъ какого нибудь достопримѣчательнаго города, или урочища, или порпременомъ знаменишаго Россіянина.

Подписная цѣна за 12 книжекъ остаещя шаже, ш. е. въ С. Пешербургѣ 25 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 30 рублей ассигнаціями.

Подписка принимается въ С. Пешербургѣ, у самаго Издашеля, живущаго въ Садовой улицѣ, въ домѣ Купца *Флорова*, подъ № 9, прошивъ ворощъ Михайловскаго замка; въ книжномъ магазинѣ *Сленина*, чшо въ домѣ *Кусовникова*, у Казанскаго мосша, и въ Библиошекѣ *Плавильщикова*, соспоящей у Синяго мосша, въ домѣ *Гавриловой*; въ Москвѣ, въ

Газетной Экспедиціи тамошняго Почтамта.—
Иногородные благоволятъ опносятся въ Га-
зетную Экспедицію С. Пешербургскаго Поч-
тамта, кошорая беретса доставлять сей
Журналь съ особенною исправностию.— За
доставленіе на домъ въ С. Пешербургъ и въ
Москвѣ полагаешся по 3 рубля въ годъ.

Павелъ Свининъ.

4.

Нижеподписавшійся, желая, по мѣрѣ силъ
своихъ, учаспствовашъ въ распроспраненіи по-
лезныхъ знаній, вознамѣрился издавашъ съ
начала будущаго 1822 года періодическое со-
чиненіе, подъ заглавіемъ:

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

Журналь Истории, Статистики и Путешествій.

Цѣль сего Журнала будетъ состоятъ
вопервыхъ, въ распроспраненіи полезныхъ
свѣденій по части Истории Древней и Но-
вой, иностранной и опечеспвенной, Списки-
шки и Подписической Экономіи опноситель-
но къ Россіи и другимъ спранамъ, а вовпо-
рыхъ, въ доставленіи опечеспвенной нашей
Публикѣ чпенія приашнаго и насравишель-
наго, кошорое способствовало бы изгнанію

романовъ, и пустыхъ сказокъ, занятіями болѣе достойными людей просвѣщенныхъ, и благонамѣренныхъ.

Журналъ сей, какъ и заглавіе онаго показываетъ, будетъ состоять изъ прехъ главныхъ часшей: Исторіи, Спашисики и Путешествій, и раздѣлился еще на слѣдующія спашьи:

1. Исторія. 1. *Древняя Исторія*. Переводы изъ классическихъ Писателей Древности. Біографіи сихъ Писателей.

2. *Новая Исторія*. Переводы изъ новыхъ Историковъ. Изображеніе случаевъ современной намъ Исторіи. Біографіи знаменитыхъ современниковъ.

3. *Отечественная Исторія*. Граматы, извлеченія изъ Лѣтописей, Хронографовъ и другія достопамятности древней и новой Исторіи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ, донынѣ ненапечатанныя. Переводы изъ иностранныхъ Писателей о Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ. Крипическіе изысканія о шемныхъ мѣснахъ Исторіи Россійской. Изображеніе малоизвѣстныхъ случаевъ изъ всѣхъ періодовъ Россійской Исторіи. Новѣйшіе историческіе Анекдоты.

4. *Археологія*. Описаніе и подвораніе древнихъ надписей, барельефовъ и другихъ памятниковъ Древности, находящихся въ Россіи и другихъ странахъ.

5. *Нумизматика*. Описаніе древнихъ монетъ, медалей и прочихъ сего рода достопамятностей.

II. *Статистика*. 1. *Статистическія статьи о Россіи* и смежныхъ съ нею Государствахъ, также о спранахъ опдаленныхъ новоопкрытыхъ и вообще малоизвѣстныхъ, но любопытныхъ по своему положенію, произведеніямъ и физическимъ явленіямъ.

2. *Политическая Экономія*. Въ сей важной спашь сообщаемы будущъ теоретическіе изысканія и практические опыты, клонящіяся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, руководѣлій, порговли, домоводства, и словомъ всего шого, что споспѣшествуетъ умноженію народнаго богатства и промышленности! — Издапель намѣрень руководствоваться лучшими по сей часши иностранними Писателями, во всякомъ случаѣ избирая шолько предметы, сообразные съ географическимъ положеніемъ, климатомъ, законодательствомъ и внутреннимъ устройствомъ Россіи.

III. *Путешествія*. 1. *Путешествія Россіянъ по тужилъ краямъ*, еще ненапечатанные.

2. *Путешествія Россіянъ и иностранцевъ по Россіи*, въ подлинникъ, или переводъ съ критическими въ приличныхъ случаяхъ замѣчаніями.

3. *Важнѣйшіе путешествія и географическіе открытія во всѣхъ частяхъ свѣта.* Въ сей спашьѣ предлагаемы будущь только путешествія, достойныя особеннаго любопытства по странамъ ли, въ копорыхъ оныя совершались, или по цѣли, съ коєю они были предпринимаемы. Въ нихъ, по возможности, избѣгаемо будеть повтореніе того, что уже извѣстно просвѣщенной Публикѣ, особенно всего, что уже было напечатано въ другихъ Русскихъ Журналахъ. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ полярныхъ Экспедицій будуть помѣщаемы со всею подробностію.

IV. Смѣсь. 1. Подробныя извѣстія о новыхъ историческихъ книгахъ, выходящихъ на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

2. Извѣстія о новыхъ книгахъ по части Географіи, Статистики и Политической Экономіи.

3. Рецензіи сочиненій, относящихся къ вышеупомянутымъ предметамъ. Въ сихъ рецензіяхъ будуть соблюдаемы спрочайшая благоприспособность и безприсрасшіе.

Полишика ошнюдь не входить въ составъ сего изданія. Никакіе спихопворенія не будуть помѣщаемы, кромѣ описывающихъ историческіе происшествія, пакже древнихъ пѣсней, или гимновъ, по содержанію своему достойныхъ особеннаго вниманія.

Издапель считаешъ въ числѣ сотрудниковъ своихъ многихъ опличныхъ нашихъ Липшерапоровъ, имѣешъ великое число не напечатанныхъ еще машеріаловъ, пользуешя всѣми иношранными пособіями по избраннымъ имъ предметамъ и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ любителихъ полезныхъ знаній способствовашъ ему въ семъ предпріятіи. Равнымъ образомъ проситъ онъ собирателей опечешвенныхъ Древностей о сообщеніи ему на время любопытныхъ записокъ, рѣдкихъ рукописей, книгъ, и ш. п., копорыя, по выписаніи изъ нихъ того, что можно помѣститъ въ *Сѣвернолиб Архивѣ*, будущъ возвращаемы съ благодарностію, въ цѣлости и безъ поврежденія. Сверхъ того Издапель предлагаешъ особамъ, сообщающимъ спашьи въ Журналь его, безденежно оппечатывашъ въ распоряженіе ихъ, до двухъ сошъ экземпляровъ сихъ спашей въ особенності.

Всѣ пакеты и письма можно надписывашъ: *Издапелю Сѣвернолиб Архива* О. В. *Булгарину, въ типографіи Н. И. Грета.*

Журналь сей будетъ выходить по два раза въ мѣсяць, книжками въ 4, 5 и до 6 шиллисовъ. Чешыре книжки соспавашъ часшъ, а шестъ часшей годовое изданіе. Къ каждой часши присоеокупленъ будетъ портретшъ, видъ, или карша.

Цѣна годовому изданію въ Санктпешербургѣ и Москвѣ 40, съ пересылкою во всѣ города и съ доставленіемъ въ С. Пешербургѣ на домъ 45 рублей.

Ө. В. Булгаршѣ.

Дѣйствительный Членъ Высочайше утвержденнаго Общества Любителей Россійской Словесности и Любителей Словесности, Наукъ и Художества.

5.

Журналъ : БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ издававшяся будетъ и въ слѣдующемъ 1822 году.

Въ составъ онаго входящя:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія, какъ то: Оды, Посланія, Элегіи, Идилліи, Сказки, Басни, Пѣсни, Эпиграммы и стихотворные отрывки. *Проза*: Рѣчи, Повѣсти, Разговоры, небольшія Комедіи, живописныя Путешествія, отрывки изъ Романовъ, и проч.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Теорія Словесности, Наукъ и Художества—Разсужденія о разныхъ ученыхъ предметахъ.

III. КРИТИКА.

Разборъ нѣкоторыхъ новыхъ книгъ и образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ.

IV. ТЕАТРЪ.

Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ новыхъ театральныхъ піесъ и замѣчанія на игру актеровъ.

У. СМѢСЬ.

Біографіи знаменитыхъ мужей.—Иностранные и отечественные анекдоты.—Нравоучительныя мысли и разные замѣчанія.—Извѣстія о новыхъ важнѣйшихъ открытіяхъ въ ученѣмъ свѣтѣ, также о новыхъ иностранныхъ и Русскихъ книгахъ, съ крапками на нѣкоторыя изъ оныхъ замѣчаніями.—Разныя любопытныя новости.—Благошворенія.—Загадки, Шарады, Логогрифы, Омонимы, Анаграммы, и проч.

Въ трудахъ Издашеля обѣщались участвовать многіе извѣстные Литтераторы. Онъ употребитъ всевозможныя съ своей стороны способы сдѣлать журналъ свой столь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе. Преимущественнѣе предъ прочимъ намѣренъ онъ заняться *благонаимѣренною критикою* и будетъ несравненно спрѣже прошивъ прежняго въ выборѣ піесъ, особенно *стихотвореній*, доставляемыхъ къ нему для помѣщенія въ его изданіи.

Хотя Издашель, благодаря почтеннымъ своимъ сотрудникамъ, не имѣетъ недоставка въ матеріалахъ для журнала; но съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣщать будетъ въ ономъ доставляемыя къ нему отъ

поспороннихъ особъ сочиненія и переводы, если полько найдешь ихъ по содержанію и по слогу соотвѣтствующими плану его изданія. Впрочемъ онъ не принимаетъ на себя затруднительной обязанности пересылать обратно къ Г.г. Сочинителямъ и переводчикамъ ихъ піэсъ, если, по какимъ бы то ни было причинамъ, вельзя будешь ихъ напечатать.

Каждую недѣлю въ Понедѣльникъ выходишь будешь одинъ нумеръ (опъ двухъ съ половиною до шрехъ печатныхъ листовъ); двѣнадцашъ; или принадлецашъ нумеровъ составляющъ часшь, а чешыре часши годовое изданіе. При нѣкопорыхъ книжкахъ приложены будешь гравированные изображенія, какъ то: чершежи, виды и ш. п.

Подписка на Журналь *Благонамѣренный*, принимается въ С. П. бургѣ: у Издашеля Кол. Сов. А. Е. Измайлова, живущаго на Пескахъ прошивъ Бассейна въ каменномъ шрехъ-этажномъ домѣ Моденова подъ N° 283; въ Газетной С. П. бургскаго Почтампа Экспедиціи, кошорая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ; а въ Москвѣ у содержашеля Университетской типографіи А. С. Ширяева. Цѣна за годовое изданіе, ш. е. за 52 книжки; здѣсь въ С. п. бургѣ 30 р.

за полугодное же, или 26 книжекъ 15 р. за пересылку въ другіе города, и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 5 р. а за полгода 2 р. 50 к. Иногородные благоволяшъ ошноситься не къ книгопродавцамъ, но къ самому Издашелю, или, въ Газетную С. П. бургскаго Почтамта Экспедицію.

6.

Историческій, политическій и липперашурный Журналъ: *Сынъ Отечества*, издающійся съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, съ 1812 года, будешъ, продолжашъ и въ слѣдующемъ 1822 году. Въ планъ его входяшъ :

I. Современная Исторія и Политика Европы. Въ семь отдѣленіи помѣщаются: Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ Журналовъ; некрологія и біографіи знаменитыхъ оовременниковъ; историческіе анекдоты—и наконецъ: *новѣйшіе извѣстія о политическихъ происшествіяхъ*. Въ послѣдней сшашъ помѣщается перечень всѣхъ важныхъ новѣйшихъ извѣстій, полученныхъ въ продолженіе испекшей недѣли изъ заграницы. Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій въ необыкновенные почшовые дни.

и съ эстафетными издаются особые политическія прибавленія къ Сыну Отечества, и немедленно разсылающіяся къ подписчикамъ.

II. Русская Литтература. Духовное и свѣтское. Красноярчіе. Разсужденія о Русскомъ языкѣ и Русской Литтературѣ, новыя важныя книги (кромѣ относящихся къ предметамъ Богословіи и Медицины) будутъ въ подробности разсматриваемы въ Сынѣ Отечества. — Небольшіе стихотворенія. Въ числѣ оныхъ будутъ печатаемы произведенія отличныхъ Русскихъ Поэтовъ.

III. Современная Русская Библиографія, или извѣстія обо всѣхъ выходящихъ на Русскомъ языкѣ книгахъ, вскорѣ по изданіи ихъ въ свѣтъ, съ краткими, безпристрастными замѣчаніями о достоинствѣ оныхъ, для предостереженія Публики отъ обманчивыхъ газетныхъ объявленій и обращенія вниманія оной на сочиненія того достойныя.

IV. Новости Литтературныя, ш. е. новѣйшіе извѣстія объ успѣхахъ Наукъ, Художествъ и Словесности въ Россіи и чужихъ краяхъ; о новыхъ изобрѣшеніяхъ и открытіяхъ. Обзорѣніе Литтературы важнѣйшихъ народовъ Европы.

V. Русский Театръ Разборъ представляемыхъ на Санктпетербургскомъ Театрѣ пьесъ съ замѣчаніями объ игрѣ Актеровъ.

IV. Русская Древняя и новая Исторія. Повѣствованія о важныхъ случаяхъ опечесшвенной Испоріи. Кришическіе изысканія. Біографіи знаменитыхъ Россіянь. Историческіе анекдоты. Къ сему же опдѣленію принадлежатъ географическіе и спашисшеческіе свѣдѣнія о нынѣшнемъ сосшояніи Россіи.

V. Путѣшества. Письма Русскихъ, пушесшвенниковъ по Россіи и чужимъ краямъ. Извѣстія о новѣйшихъ опкрышіяхъ пушесшвенствующихъ вокругъ свѣша. Замѣчанія о разныхъ спранахъ Европы и другихъ чашей свѣша.

VI. Смѣсь. Разные извѣстія и замѣчанія. Переписка. Пешербургскія записки, и проч.

Въ семъ Журналѣ участвуюшъ спрудами своими опличнѣйшіе Русскіе Писатели: *В. А. Жуковский, Князь П. А. Вяземскій, Н. И. Гнѣдичъ, Д. В. Давыдовъ* и многіе другіе. Издатели, получающъ всѣ иносшранныя Вѣдомости, политическіе и лишшерашурные Журналы, и имѣющъ Корреспонденшовъ въ важнѣйшихъ городахъ Россіи и прочихъ спранъ Европы. Они приложатъ все спараніе, что бы Журналъ ихъ приносилъ пользу, и удовольствіе почшленнымъ соопечесшвенникамъ, и повшоряющъ правила, кошорые обьявили при началѣ изданія Сына Опечесшва

на сей 1821 годъ, *) и кошорые они спарались выполнитьъ, по мѣрѣ силъ своихъ. Между шемъ желанія многихъ почтенныхъ чи-

*) 1) Не выпускашь изъ виду эпитафа сего Журнала: Verba animi profete et vitam impendere vero! 2) спарашься, чшобъ спашься, помѣщаемыя въ ихъ Журналъ, были *дѣльными*, т. е. чшобъ въ нихъ не было лишнихъ и пусшыхъ умствованій, а сообщались истинны и мысли полезныя и наславительныя; 3) помѣщашь преимущественно Русскіе оригинальныя сочиненія, и весьма рѣдко переводы; 4) всѣми мѣрами спарашься, чшобъ въ Сынѣ Ошечества не было повшоренія того, чшо уже напечатано въ другихъ Русскихъ Журналахъ, (исключая извѣстія политическіе); 5) прилагашь попеченіе о сохраненіи чистоты Русскаго языка въ семъ ошечественномъ изданіи, и наконецъ 6) наблюдашь, чшобъ во всѣхъ спашьяхъ сего Журнала строго сохраняемы были правила благочестія, нравственности и благоприсшойности, чшобъ и въ стихосшвореніяхъ самыя шушья не были оскорбительны для нравовъ. — Помня, и по возможности исполняя правила сіи, Издашелемъ надѣющься сохранить уваженіе и довѣренность ошечественной Публички, кошорыми Сынъ Ошечества пользуется уже десятиый годъ.

шашелей сего Журнала, изъявленные неоднократно письменно и изустно, побуждающъ ихъ сдѣлать къ сему Журналу на будущій годъ еще одно *Прибавленіе*.

Сіе Прибавленіе подь именемъ *Литтературнаго*, будетъ содержать въ себѣ *Повѣсти* оригинальныя и переводныя, анекдоты, отрывки изъ большихъ Романовъ и Трагедій, равно какъ и изъ путешествій легкихъ и забавныхъ, письма сатирическія, лишперашурныя, и ш. п. Нѣкопорыя изъ Повѣстей сихъ будутъ сочиняемы на случай, на примѣръ въ самомъ началѣ года будутъ напечатаны Повѣсти подь названіемъ: *Подарокъ на новый годъ, Святки, Лоттерея*, и пр. Въ сихъ сщашъяхъ наблюдаемъ будетъ спрожайшій выборъ въ отношеніи къ содержанію, слогу и преимущественно къ нравственной цѣли.—Желая и надѣясь доставить удовольствіе одной части своихъ читашелей, Издашели въ то же время не хопяшъ обременить прочихъ присокупленіемъ сей новой спашьи, которой они, можетъ бытъ, читашъ не желашъ; и пошому сіи *Литтературныя Прибавленія* предлагающъ въ особыхъ книжкахъ и по особой подпискѣ, какъ изложено будетъ ниже.

Въ каждую Суббшшу, по прежнему, будетъ выходить книжка *Сына Отечества*, содержащая въ себѣ не менѣе шрехъ листовъ, или 48 спраницъ. Иногда, какъ сказано выше, бу-

душъ выдаваться особые полишическіе прибавленія. Цѣна годовому изданію, (соспоящему изъ 52 книжекъ) здѣсь въ С. Петербургѣ *сорокъ*, а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи *сорокъ пять рублей*; полугодовому же, (соспоящему изъ 26 книжекъ, съ 1 го Января по 1 е Іюля) въ С. Петербургѣ *двадцать пять рублей*, а съ пересылкою *двадцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ*. За доставленіе въ дома прилагается въ годъ 6 р., въ полгода 3 р.

Литтературныя Прибавленія будутъ выходить особыми книжками, чрезъ каждую книжку Сына Отечества, въ 2, 2 $\frac{1}{2}$ и 3 листа. (Первые два номера сихъ Прибавленій выданы будутъ при 1 й книжкѣ С. О на 1822 годъ); слѣдственно составяшь въ годъ 26 книжекъ, въ коихъ содержатся будутъ до 70 печатныхъ листовъ. Въ концѣ года доставлены будутъ заглавія и оглавленія частей для шѣхъ, кто захотѣлъ бы переплести оныя особо. Цѣна годовому изданію сихъ Прибавленій для шѣхъ особъ, кои подписываются на оное при Сынѣ Отечества, здѣсь въ С. Петербургѣ (и съ доставленіемъ на дома) *двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкою въ города *пятнадцать рублей*. Сіи Прибавленія можно получать и особо, безъ Сына Отечества, но въ семъ случаѣ платяшь за оныя въ С. Петербургѣ 17 р. 50 коп., а съ пересылкою 20 р.

Подписка на сей Журналь и Липшера-
пурные Прибавленія къ оному принимается
въ С. Пешербургѣ, въ типографіи Надворнаго
Совѣтника Греча, состоящей въ большой
Морской, въ домѣ Г. Косиковскаго подь №
84, и у всѣхъ здѣшнихъ и Московскихъ Кни-
гопродавцевъ. Иногородные благоволяшъ адрес-
соваться въ Газетную Экспедицію С. Пешер-
бургскаго Почтамта, которая разсылаешъ
сей Журналь, и съ такою исправностію,
что въ печеніи чепырехъ лѣшъ не посту-
пило ни одной жалобы на полученіе, или позд-
ное полученіе книжекъ.

Извѣстія о бѣдныхъ.

1.

Пешербургской частпи, 3 квартала, въ
домѣ Мѣцанки Ивановой, подь № 734, и-
мѣешъ жительство Типулярная Совѣшница
Пелагея Никитина Федотьева. Обремененная
чепырмя малолѣшными дѣшьями, не имѣя
никакого средсва къ пропишанію, давно бы
уже, можешъ бышъ, окончила она бѣдсшвен-
ную жизнь свою, если бы милосердый Тво-
рецъ, щисъ и покровъ сиршъ, не посылаъ
къ ней время опъ времени друзей благошво-
рйшельности, которыхъ благодѣшельная рука,
осушая испочникъ слезъ, избавляешъ какъ

мать, такъ и несчастныхъ ея малютокъ опъ голодной смерти. Нѣсколько уже мѣсяцовъ сущесвуесть она однимъ подаяніемъ. Души благопорительныя! уже ли сіи проспыя спроки не дойдуть до сердца вашего и для возбужденія состраданія нужно краснорѣчіе? Помогите несчастнымъ. Заспавьте ихъ благословляіть добродѣтель вашу, и вспомните, что облегчая горестную участь ближнихъ, спспавляете вы собственное ваше счастье въ здѣшней жизни и блаженство въ будущей.

И. Б.

2.

Дочь умершаго Надворнаго Совѣтника *Марья Ивановна Хотяева* живееъ на Петербургской же споронѣ, 3 кваршала въ домѣ подъ № 646. Уже нѣсколько лѣтъ желѣзная рука нищезы шягошитъ жизнь эпой несчастной женщины. Будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣя слабое зрѣніе, не можеъ она спрудами спнискивать себѣ пропитанія — живееъ въ худомъ, почти развалившемся домишкѣ (сквозь спѣны кошораго осенью дуютъ вѣтры, а зимой мерзнееъ комнапа) и медлѣнными шагами приближаееъ къ могилѣ — единственному, спокойному приспаницу. Жизнь въ такомъ положеніи шягосшна; но

конецъ оной не въ человѣческой власти. Сія несчастная спрадалица, можешь быть, давно бы уже переспала видѣшь свѣшь сей, если бы не имѣла служанки, копорая денною и ночью работою, орошенный потомъ и слезами кусокъ хлѣба, а иногда и нѣсколько щепокъ дровъ приносишь несчастной своей хозяйкѣ, и шемъ избавляешь ее, по крайней мѣрѣ, отъ смерти. — Почтенные соотечественники! вы, копорымъ Провидѣніе опредѣлило быть творцами счастья ближнихъ, уже ли откажешесь отъ сего свяшаго долга и не проспреше руку помощи къ несчастной, копорой вѣроятно не долго уже оспалось идти до могилы: нищета и горестъ слишкомъ сокращили для нея эпошь пушь.

И. Б.

3.

Въ ночь съ 13 го на 14 е Оксября сдѣлался пожаръ въ одной конюшнѣ казеннаго дома, вѣдомства Гофъ-Инпенданшской Конпоры, извѣснаго подъ именемъ Боуэромскаго, углаваго на Неву и Фонпанку у прачешнаго моспа. Надъ сею конюшнею жилъ одинъ ошставной Гофъ - фурьеръ, два года уже за тяжкимъ недугомъ неоспавлявшій болѣзненнаго одра своего. Пламя вспыхнуло въ верхъ и сѣмейство его, соспоящее изъ жены и ос-

мерыхъ дѣшей, большею частію малолѣтнихъ, оспаря все свое имущество на жертву всепожирющаго огня, бросилось только спасти больного отца. Все прочее погибло. Попечительное Начальство не медля помѣстило ихъ въ тотъ же домъ въ другую комнату и шемъ доставило имъ по крайней мѣрѣ въ первую минуту несчастія надежный покровъ. Добрые люди успѣли снабдить ихъ нѣкоторыми необходимыми вещами; но все еще они не имѣютъ многого, даже нужнаго. Поперявъ все, они не потеряли однако же надежды на сострадательность ихъ согражданъ, кошорые конечно не откажутъ имъ въ помощи.— Издашель Благонамѣреннаго съ удовольствіемъ принимаетъ на себя обязанность быть посредникомъ между благошворителями и сими несчастными.

Благотворенія.

Издашель Благонамѣреннаго получилъ 16 ч. Сентября отъ неизвѣстнаго благошворителя, для раздачи бѣднымъ, пятьдесятъ рублей, изъ коихъ роздано:

Престарѣлой и больной вдовѣ Зайцовой	25 р.
Тип. Сов. Худякову	10 —

Мѣщанину И. П. С., умершему въ
здѣшной, градской больницѣ, на погребеніе 15 —

И всего *пятьдесятъ* рублей . . . 50 р.

Еще объявленія о книгахъ.

Осьмая и послѣдняя часть лучшаго изъ всѣхъ написанныхъ по сіе время романовъ, *Жилблаза де Сантилланы, сот. Лесажа*, оппечашана и подписавшимся раздается. Книгу сію получашь можно у Переводчика Аполлона Александровича Никольскаго, живущаго Лишешной части 4 го квартала, въ переулкѣ за Церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ № 400, у Издашеля *Благонаибреннаго* и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Цѣна за восемь частей, съ поршрешомъ Автора и съ гравированными каршинками при каждой части, здѣсь въ С. П. бургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 рублей.

Кому не извѣсны шворенія прудолобиваго и дѣятельнаго нашего Поэша, Графа Дмишрїя Ивановича Хвоспова? Не говоря о его Одахъ, Посланїяхъ и Припчяхъ, доставлявшихъ всегда удовольствїе Публикѣ и выу-

чиваемыхъ наизусть многими любителями
 опечесшвенной словесности, скажемъ здѣсь
 только, что въ короткое время разошлось
 чепыре, или пять изданій предложенной имъ
 съ Французскаго языка Расиновой Трагедіи:
Андромаха, и дидактической Поэмы Буало:
Наука Стихотворства — лучшее доказатель-
 ство достоинства сихъ классическихъ пе-
 реводовъ. Вскорѣ выйдеть второе *сокращен-*
ное, умноженное и исправленное изданіе шво-
 реній сего извѣстнѣйшаго нашего Поэта.
 Разборчивый Авторъ исключивъ нѣкоторыя
 піэсы изъ сего изданія, прибавилъ многія
 новыя, какъ по: *въ перволибъ толибъ*: Прему-
 дрости Соломоновой главу 2ю, изъ 8й главы
 его же Припчей, изъ Пророка Исаія главу
 1ю, нѣсколько Псалмовъ, Спихи И. И.
 Дмипріеву, на заложеніе Храма во имя Хри-
 ста-Спасителя въ Москвѣ, Старость, Вос-
 поминаніе В. В. Капнишу, И. П. Маршосу,
 новому Лирику, на смерть Дюка де Берри,
 Императорской Россійской Академіи на у-
 твержденіе ея Устава 1818 года; *во второлѣ*
толибъ: Посланія: Государшвенному Канцлеру
 на возвращеніе Рюрика, А. А. Писареву 1819
 года, И. И. Дмипріеву на чшеніе въ Россій-
 ской Академіи Исторіи Карамзина, Ломоно-
 сову о Рудословіи, П. А. Межакову о счасшіи,
 Императрицѣ-Матери на кончину Королевы
 Виршембергской, Куму-Поэту на смерть его

сына, Н. О. Остолопову о сатирическомъ родѣ, А. О. Воейкову о словесности, Н. Н. о соспязаніи, Путешествіе въ Арзамасъ и другіе мѣста К. Н. П... Всѣ сіи піэсы были напечатаны въ разныхъ Журналахъ и сверхъ того особыми листочками — Особы, умѣющія достойно цѣнить отличные дарованія и дѣятельность сего Поэта обогащающаго нашу словесность твореніями своими, вѣрно не откажутся споспѣшествовать подпискою сему полному изданію, которое будетъ состоять изъ четырехъ томовъ большаго формата въ 8ю долю листа, содержащихъ около семидесяти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна экземпляру на бѣлой бумагѣ 35 р. Если подписавшихся особъ будетъ достаточно, то изданіе сіе украсится не только портретомъ Г. Автора, но и при каждой части при шпиль карпункомъ, искусно выгравированною. Первый томъ оныхъ твореній уже находится въ писменіи въ типографіи Императорской Россійской Академіи, который выйдетъ изъ печати въ непродолжительномъ времени. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатываемы при каждой части.—Билеты получаютъ можно за подписаніемъ И. В. Сенина, которому Авторъ поручилъ продажу полнаго своего изданія, въ книжномъ магазинѣ у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова, куда и иногородныя осо-

бы адрессоваться могушь, не прилагая вѣсо-
ныхъ денегъ.

И. С.

Les deux Anglais, Comédie en trois actes et
en prose—переводится однимъ извѣснѣйшимъ
нашимъ стихотворцемъ.

Съ 1 ч. Ноября прекратилась подписка
на *Басни и Сказки Александра Измайлова*, съ
присовокупленіемъ *Опыта о Разказѣ Басни и*
разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ Басень му-
шыхъ Россійскихъ фабулистовъ, въ трехъ та-
стяхъ, изданіе четвертое вновь исправленное
и умноженное.—Первыя двѣ части, содер-
жащія въ себѣ *Басни и Сказки* продаются осо-
бо, каждая по 4 р. а обѣ вмѣстѣ по 8 р.
экземпляръ въ бум. съ искусно гравирован-
ною виньетою у Сочинителя и у всѣхъ поч-
ти здѣшнихъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ
у содержателя Университетской типографіи
А. С. Ширяева. — Третія часть, или *Опытъ*
о Разказѣ Басни выйдетъ въ непродолжи-
тельномъ времени и продаваешья будешь, по
7 рублей.

XIX и XX N^o *Благонамереннаго* уже пе-
чапающся и выйдуть въ половинѣ, или не-

премѣнно въ концѣ сего мѣсяца, о чемъ пред-
варительно будетъ объявлено въ С. П. бург-
скихъ вѣдомостяхъ.—За пересылку *Благона-*
мѣреннаго и прочихъ Журналовъ на будущій
1822 годъ, по сдѣланному нынѣ Газетною
С. П. б. Почтамта распоряженію, плащит-
ся въ годъ вмѣсто пяти 7 р. а за полгода
3 р. 50 к.

(5 Ноября.)

ОГЛАВЛЕНІЕ XV ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія:

Отрывки:

Стран.

Изъ <i>Энеиды</i> , Рѣчь Синона	9.
— Трагедіи: <i>Les Templiers</i> , Смершь Ры- царей Храма	75.
— Арнольшовой Трагедіи: <i>Оскаръ</i>	145.
— Поэмы Лорда Бейрона: <i>Ирнеръ</i> къ Мирзѣ	211.

Оды:

Къ Кальпурнію	148.
Наказанное любопытство	158.

Баллады:

Мальвина	3.
Эндиміонъ	77.
Услада лира	261.

Романсы и Пѣсни:

Пѣснь о Богданѣ Хмѣльницкомъ	76.
Лира	82.
Не забудь меня	212.
Что Зефиру сладкій шопопъ	267.

Элегіи:

Желаніе	81.
Одинокество . , . ,	154.
Вечеръ на берегу Байкала	205.
Испребленная роца	209.
Воззваніе	263.
Къ Родинѣ	265.

Смѣсь.

Циншій и Эрминій. Эклога	12.
Опѣвъшь Графу Д. И. Хвощову на его Посланіе	84.
Хлоя и мошылекъ	149.
Въ альбомѣ В. М. Кн--тѣ	16.
— — — Любви С. М—ой	85.
Надгробіе К. И. В.	157.
Надгробіе младенцу	268.
Къ самому себѣ	17.
Смершь	159.
Истина	—
Надпись на дверяхъ сельскаго домика .	268.
Мадригалъ	153.
Эниграммы	17 и 160.

Проза:

Историческіе отрывки:

Сраженіе при Фермопилахъ	35
Анекдотъ изъ Англинской Исторіи X вѣка	54.
Замѣчательная ночь въ моей жизни. (изъ записокъ одного Офицера)	222.
Донъ Карлосъ	269.

Сшран.

Повѣсти:

Горный Духъ	18.
Признаки супружества	86 и 165.
Молодые Журналисты	178.
Охоша	217.
Счастливая хитрость. <i>Быль</i>	288.

Живописные и сатирическіе путешествія:

Обозрѣніе Крымскаго берега южнаго полуострова (<i>окончаніе.</i>)	38.
Толбухинскій маякъ	109.
Чувствительное Путешествіе по Невскому проспекту (<i>Продолженіе.</i>)	231 и 299.

Нравоучительные разсужденія:

Друзья	101.
Дружба	214.

Письма къ М. И. Г. о Луцѣ.

Письмо I.	160.
— — II.	249.
— — III.	295.

II. КРИТИКА И АНТИКРИТИКА.

Ошвѣщъ Г. Богатыреву	119 и 187.
Разсмотрѣніе новой Драмы Г. Ганина: <i>Джонсъ, или добродѣтельный Иванъ</i>	134.

III. ТЕАТРЪ

О Пешербургскомъ Театрѣ ,	307.
-----------------------------------	------

IV. СМѢСЬ.

Губа. (<i>Разговоръ отца съ сыномъ.</i>)	62.
--	-----

Счастлиное паденіе. (<i>Быль.</i>)	64.
Не худо иногда напишья и пьянымъ. (<i>Тоже Быль.</i>)	66.
Геройство Испанки. (<i>Анекдотъ.</i>)	139.
Краскіе забавные анекдоты	200 и 253
Некрологія	323.
О Хамелеонахъ	331.
<i>Логогрифы</i>	69, 142 и 258.
<i>Омонимы</i>	259.
<i>Анаграммы</i>	69, 143 и 203.
<i>Шарады</i>	70, 143, 204, 259 и 337.
<i>Влѣсто Загадки</i>	71.
ПРИБАВЛЕНІЯ при N ^o XIV, XV, XVI, XVII и XVIII.	

